

FILOZOFICKÁ FAKULTA
UNIVERZITA MATEJA BELA V BANSKEJ BYSTRICI

Slavica Beliana

*slavistika v meniacom sa svete: aktuálne tendencie v lingvistike,
literárnej vede, translatológii a kulturológii*

Zborník konferenčných príspevkov

А С Е Э Ж ъ
Ѣ І И К К Л Л
Ф М Н Н О О
П Р Р С Т У
Ѵ Ф Х Ц Ч

Recenzovaný zborník konferenčných príspevkov prezentovaných dňa 4. apríla 2024 na Katedre slovanských jazykov Filozofickej fakulty Univerzity Mateja Bela v Banskej Bystrici v rámci 1. ročníka *Medzinárodnej vedeckej konferencie **Slavica Beliana***, základnou témou ktorej bola *slavistika v meniacom sa svete – aktuálne tendencie v lingvistike, literárnej vede, translitológii a kulturológii*.

Zostavovatelia (Составители, Compilers)

Mgr. Igor Cintula, PhD.
Mgr. Martin Lizoň, PhD.
Mgr. Anton Repoň, PhD.

Recenzenti (Рецензенты, Reviewers)

prof. PhDr. Josef Dohnal, CSc.
prof. PhDr. Ľubomír Guzi, PhD.

Redaktor (Редактор, Editor)

doc. PhDr. Marta Kováčová, PhD.

Grafické úpravy (Графические модификации, Graphic modifications)

Mgr. Igor Cintula, PhD.

Belianum. Vydavateľstvo Univerzity Mateja Bela v Banskej Bystrici

Vydanie prvé, 2024, 209 strán

ISBN 978-80-557-2165-1

EAN 9788055721651

<https://doi.org/10.24040/2024.9788055721651>

Táto publikácia je šírená pod licenciou Creative Commons Attribution 4.0 International Licence CC BY (uviedenie autora).

Slavica Beliana

Obsah – Содержание

Викторія Ляшук: Лингвистика, літературознавство, перекладознавство і культурологія в учебній програмі: аспекти синтезу і комплементарності в університетській славістиці	4
Ján Gallo: K niektorým aktuálnym tendenciám v ruských a slovenských mediálnych textoch	16
Ульяна Верина: Русскоязычная література Беларусі: к проблеме деколонізації визучення і преподавання	28
Олег Тищенко: Средства перевода реалий и мифологем в лингвокультурологическом измерении	40
Олександр Кальниченко, Наталія Кальниченко: Передача українізмів та українських реалій в перекладах ранніх повістей Миколи Гоголя українською та англійською мовами	52
Ірина Ярославна Глуховцева: Фразеологічний портрет оповідачки роману О. Слоновьовської «Загублені в часі».....	65
Катерина Дмитрівна Глуховцева, Алла Василівна Нікітіна: Ойконім як текстотвірний чинник діалектного мовлення.....	75
Наталія Кальниченко: Епоні передача в перекладі.....	85
Olga Makarowska: Особенности гибридизации в мемных текстах (на материале котоматриц).....	93
Гигла Джинджолия: Наименования органов чувств как источник тропов	103
Janka Lenčėšová: K chápaniu eufemizmov, dysfemizmov a ortofemizmov v súčasnej jazykovede.....	115
Nina Lacová: Multimodálna analýza ako prístup k rozboru mediálnych textov.....	124
Martin Lizoň: Vzdelávací literárny kánon. Ruská literatúra v učebniciach literatúry na slovenských gymnáziách	133
Anton Repoň: Osobitosti psychologického štýlu I. S. Turgeneva v Poľovníkových zápiskoch a M. J. Saltykova-Ščedrina v Obrázkoch z gubernie	147
Андреа Спишьякова: Забытые продолжения русских пословиц и поговорок – утерянная мудрость.....	157
Marianna Figedyová: Zobrazenie ženských hrdiniek v dielach A. P. Čechova ako kritika spoločenského pokrytectva	165
Svitlana Olexandrivna Shekhavtsova, Victoria Igorivna Dmytrenko: Osobitosť interpretácie Roxolany ako obrazu sveta v ukrajinskej a zahraničnej literatúre.....	173
Zuzana Slobodová: Lexikálny význam karpatizmu oštiepok v kontexte agroturizmu.....	177
Mariya Jadroňová: Jazykový obraz sveta v ruských a slovenských metaforických hádankách o domácich zvieratách.....	194
Игорь Цинтула: Образ ребенка в раннем творчестве Ивана Сергеевича Шмелева.....	202

Лингвистика, литературоведение, переводоведение и культурология в учебной программе: аспекты синтеза и комплементарности в университетской славистике¹

Виктория Ляшук

кафедра славянских языков, философский факультет, Университет им. Матея Бела
Банска Быстрица, Словакия

Абстракт: В докладе комплексно рассматриваются аспекты университетского обучения русистов, которые связаны с реализацией комплементарности. Основанием названного принципа выступает классическое деление филологии на три дисциплины – лингвистику, литературоведение и фольклористику, которая в настоящее время трансформировалась в этнологию (социологизировалась). В позицию третьего члена филологии включается культурология как расширительное и обобщенное рефлексирование этнологии. Усиление в современной научной парадигме междисциплинарности и межкультурности выдвигает в активную позицию межкультурную коммуникацию, которая теоретически обеспечивается переводоведением. Указанная комплементарность названных дисциплин охватывает и сопоставляет педагогическую и переводоведческую специализации, сохраняя в преподавании их специфику. Доклад посвящен анализу средств и способов использования комплементарности в связи с актуальными учебными программами КСЯ ФФ УМБ и модульной системой, заложенной в их основе.

Ключевые слова: учебные программы, филология, преподавание языка и литературы, модульная система, рекомендуемая учебно-методические и научные издания.

Linguistics, literary studies, translation studies and cultural studies in the study program: aspects of synthesis and complementarity in university Slavic studies

Abstract: The paper comprehensively examines aspects of university training in Russian studies that are related to the implementation of complementarity. The basis of this principle is the classical division of philology into three disciplines – linguistics, literary studies and folklore studies, which have currently been transformed into ethnology (sociologized). The position of the third member of philology includes cultural studies as an expanded and generalized reflection of ethnology. The strengthening of interdisciplinarity and interculturality in the modern scientific paradigm puts intercultural communication into an active position, which is theoretically provided by translation studies. The indicated complementarity of the named disciplines covers and compares pedagogical and translation specializations, preserving their specificity in teaching. The paper is devoted to the analysis of the means and methods of using complementarity in connection with the current educational

¹ Publikácia bola pripravená v rámci projektu VEGA 1/0766/24 *Národný jazyk a jeho variety v dynamike a interakcii: západoslovanský a východoslovanský kontext.*

programs of the Department of Slavic Languages at the Faculty of Arts of Matej Bel University in Banská Bystrica and the modular system underlying them.

Keywords: study programs, philology, teaching language and literature, modular system, recommended educational-methodological and scientific publications.

Язык и художественная литература представляют собой онтологические сферы культуры и характеризуются особым соотношением. В классической науке лингвистика и литературоведение вместе с фольклором (устной словесностью) составляют филологию, чем отражается факт их соотнесённости, противопоставленности и взаимодополняемости (комплементарности) по определенным параметрам. В настоящее время фольклористика трансформировалась в этнологию (социологизировалась). Позицию третьего члена филологии занимает культурология как расширительное и обобщенное рефлексирование этнологии. Параллельно усиливается междисциплинарность. Филология в межкультурном ракурсе органично включает перевод, реализующий межкультурную коммуникацию, которая теоретически обеспечивается переводоведением. В изучении и преподавании перечисленных дисциплин выразительно прослеживаются аспекты синтеза и комплементарности (Ляшук, 2010, 2012, 2013а и др.).

Комплементарность (в русских источниках широко используется термин *дополнительность*) осмысливается научным сознанием почти сто лет – физик Нильс Бор впервые обратил внимание на особое соотношение у одного и того же явления статических и динамических свойств, предметных и процессуальных характеристик, что изменило представление об известных понятиях. Комплементарность как «дополнительный способ описания можно назвать *неклассическим употреблением классических понятий*» (Алексеев, 1978, с. 19).

Принцип дополнительности (комплементарности) является одним из важнейших методологических и эвристических принципов науки. При этом искусство и наука также представляют собой дополнительные (комплементарные) способа изучения окружающего мира. Указанные особенности существенны и перспективны для оптимализации высшего филологического образования, предполагаемые в современных учебных программах на кафедре славянских языков философского факультета Университета Матая Бела в Банской Быстрице – 23207 Ruský jazyk a kultúra (v kombinácii) = Русский язык и литература (в комбинации) по учебной специализации 7320 Filológia = Филология (с упором на перевод) и 102914 Učiteľstvo ruského jazyka

a literatúry (v kombinácii) = Преподавание русского языка и литературы (в комбинации) по учебной специализации 7605 Učiteľstvo a pedagogické vedy = Преподавание и педагогические дисциплины (Študijné odbory..., 2019).

Для гуманитарных наук принцип дополнительности также впервые применил сам Нильс Бор. Имеется в виду его наблюдение над словом, изложенное (в русском переводе) следующим образом: «Практическое применение всякого слова находится в дополнительном отношении с попытками его строгого определения» (Цит.: Розов, 2012, с. 23). Такая зависимость интерпретируется посредством контрастного соотнесения теории с практикой: «Практическое использование слова – это воспроизведение непосредственных образцов словоупотребления. Опираясь как раз на эти образцы, мы в раннем детстве учимся говорить, эти образцы окружают нас постоянно, позволяя нам находиться на определенном уровне знания современного языка. <...>. Содержание [в лингвистической терминологии – *значение, смысл* – В. Л.] слова зависит от контекста, в котором оно используется, а контекст меняется от случая к случаю. Строго определить слово – это значит задать некоторый стандартный контекст, исключив возможности его изменения, а это приводит к тому, что обычно называют идеализацией. Мы получаем так называемые теоретические идеальные объекты, которые реально не существуют. Вот и оказывается, что слово, получив определение, утратило реальную сферу использования» (Розов, 2012, с. 23-24). Такая интерпретация отражает сложности освоения иностранного языка и, соответственно, его преподавания, на что направлены указанные выше учебные программы. В соотношении фундаментальных (теоретических) и прикладных (практических) знаний, в необходимости их баланса и гармонизации заключается суть комплементарности. Комплементарностью обладает связь синхронии и диахронии, интерпретированная нами в учебных целях в теоретическом (Антонякова, В. М. Ляшук и К. Г. Ляшук, 2013а; Liashuk, 2017) и практическом (Антонякова, В. М. Ляшук и К. Г. Ляшук, 2013б) плане.

Комплементарность проявляется и в двух функциях науки (систематизации и социальной памяти), которые касаются интеллектуальной деятельности синтетического характера: «Наука – это не просто познание, наука предполагает постоянную систематизацию знаний и формирование общечеловеческой социальной памяти. Нам поэтому нужны еще образцы систематизации знаний <...>. Эти образцы существуют в виде учебных курсов, устных или письменных, в виде монографических обзоров и даже в виде предметных каталогов библиотек. Именно образцы

систематизации знаний определяют границы научных дисциплин и, следовательно, некоторую тематическую организацию научного сообщества <...>» (Розов, 2012, с. 32). Поэтому на кафедре славянских языков создаются монографии, учебники и учебные пособия, основанные на собственном опыте преподавания и коллективном / индивидуальном портрете студентов (Бреусова и Репонь, 2019; Лизонь, 2017; Ляшук, 2014, 2015; Ляшук и Сироткина 2020, 2021; Liashuk, 2017 и др.)

Синтез, представляя собой процесс и метод соединения функциональных элементов в целое, именно в связи с комплементарностью приводит к углублению и расширению учебных знаний, к их новому уровню. Синтез позволяет перейти от абстрактных дефиниций к конкретным фактам через поиск смысловых (не механических!) связей между ними. Отмеченная особенность существенна для филологии, преподаваемой в разном наборе учебных предметов как будущим переводчикам, так и будущим учителям РКИ (русского языка как иностранного / инославянского) с дифференциацией области преподавания филологических дисциплин на общий сегмент и специфические сегменты специализации (перевод и методика преподавания).

В образовательной системе Словакии наблюдается ориентация на актуальное состояние и образовательную динамику общества: «Dochádza k hľadaniu edukácie, ktorá je efektívna, ktorá vo vymedzenom časovom horizonte pripraví človeka na život» (Petlák, 2020, s. 1). Существенны также уровень и взаимодействие научных знаний для достижения жизненных целей отдельного индивидуума в обществе и культурного роста общества в целом: «Interdisciplinárnosť je súčasťou nášho života. To má dopad na edukáciu a aj jej organizáciu» (Petlák, 2020, s. 1), поскольку «jazyk je vlastne sociálnou reprezentáciou spôsobu ľudského bytia» (Porubský, 2007, s. 55). В преподавании иностранных языков традиционные для РКИ виды речевой деятельности (аудирование, чтение, говорение и письмо / письменная речь) в современных условиях трансформируются в коммуникативные виды деятельности (рецепцию, продукцию, интеракцию и медиацию), что отражают современные документы (Common European Framework..., 2018), позволяя «учесть реальные коммуникативные задачи, с которыми студентам предстоит столкнуться в процессе профессиональной деятельности» (Коренев, 2022, с. 161).

Наш опыт преподавания давно привел нас к выводу, что «комплементарность является наиболее оптимальным способом представления и освоения знаний, отражающих творческие, интерпретационные, рефлексивные способности языковой

личности в пространстве культуры <...>. Художественные тексты такие особенности фиксируют и отражают, поэтому в словацкой аудитории их воздействие может быть в значительной степени усилено включением в параллельную языковую, литературную и культурную интерпретацию с целью понимания и освоения мира русского языка» (Ляшук, 2012, с. 101). Для перевода и включенных в него языков важны аспекты, указанные нами в названии монографии «Перевод в текстах, зависимостях и связях» (Liashuk, 2023), поскольку переводы, «являясь фактами межкультурных, а в отношении художественных текстов и межлитературных связей в своем синтезе обладают значительным общеобразовательным и художественным потенциалом в качестве обучения языку и переводу» (Liashuk, 2023, s. 408).

Комплементарность прослеживается и в смысловом использовании межтекстуальности, в сочетании ее с переводоведением, что апробировано нами в лингвокультурологической интерпретации художественных текстов. Лингвокультурологический анализ поэмы Велимира Хлебникова «Председатель чеки» поводился нами на основе синтеза и комплементарности: «Рассматривается языковой и культурно-исторический контекст поэтической образности, связанный с произведением поэта, его биографией и документальными материалами, прослеживаемой и в других поэтических текстах В. Хлебникова, а также в политическом дневнике И. А. Бунина, что позволяет интерпретировать имплицитные смыслы. Используется сравнение оригинального текста с его словацким переводом Яна Замбора» (Ляшук, 2013б, с. 43).

Интерпретируют и сочетают язык, литературу и культуру (искусство) и другие педагоги на нашей кафедре (М. Лизонь, А. Репонь, И. Цинтула). Предполагается представление о художественных текстах «как своеобразном средстве обучения русскому языку, литературе и культуре в целом. Такие учебные материалы, в отличие от традиционных учебников, не поддаются стереотипизации, поскольку каждое литературное произведение отличается от другого (Цинтула, 2023, с. 133). В освоении иностранного языка методический ракурс направлен на смысловую связь письменного текста (не только художественного!) и чтения как одного «из навыков, которые человек будет использовать на протяжении всей своей жизни. Грамотность можно охарактеризовать как комплекс знаний и умений человека, позволяющих ему обращаться с письменными текстами, часто встречающимися в повседневной практике» (Репонь, 2023, с. 127). Признак комплементарности выявляется на современном этапе в связи с изучением русской литературы в словацком переводе,

культурном контексте и рецепции: «Параллельное существование разных стилей, направлений, течений и поэтик указывает на перспективность сочетания традиционного исторического принципа и нелинейной истории литературы» (Лизонь, 2021, с. 76).

Современная научно-практическая парадигма характеризуется расширением сферы и углублением интерпретации комплементарности. Комплементарность введена в методологию литературоведения (Вершинин, 2005). В современных условиях «правомерно говорить об идее комплементарности как об универсальной когнитивной стратегии развития педагогики и как науки, и как учебной дисциплины» (Юзефовичус, 2015, с. 46). Комплементарность получила документальное закрепление и содержательную дефиницию в проектной деятельности: «**Komplementarita** znamená väzbu medzi programami, v rámci ktorých sú zamýšľané obdobné, súvisiace či nadväzujúce intervencie, ktoré sa vzájomne kombinujú a dopĺňajú» (Synergické účinky a komplementarity..., 2015, s. 1). Указанная особенность характерна для успешно выполненного на кафедре проекта VEGA č. 1/0118/17 Slovenské spisovné jazyky v synchronii a diachronii: západo a východoslovenský kontext = Славянские литературные языки в синхронии и диахронии: западно- и восточнославянский контекст.

В университетском образовании комплементарность позволяет адекватно реагировать на актуальные тенденции в обществе, связанные с увеличением информации, с развитием информационных технологий, с компьютерной и интернетной поддержкой в тематическом поиске, а также в использовании фактуальной информации, с усилением прикладной направленности в мотивации студентов, которые не всегда способны осознать важность фундаментальных научных основ для гибкости и оперативности практического применения профессиональных знаний, умений и навыков. И хотя «интерес к знанию бескорыстен» (Селиверстова, 2021, с. 64), однако его отсутствие или наличие влечет за собой совершенно разный уровень и качество учебной активности – «студент либо имитирует освоение знаний, формально выполняя задания, либо проявляет активность в поиске дополнительного материала по теме, углубленном изучении темы» (Селиверстова, 2021, с. 65). В первом из указанных случаев существенна мотивация глубоких функциональных знаний и умений, соотношенная с инструментализацией по принципу дополнительности (комплементарности). Такая необходимость вытекает из современной динамики предполагаемого профессионального образования, когда «надо четко видеть вызовы и ограничения нашего времени – неопределенность, невозможность ответственных

долгосрочных прогнозов, невозможность всерьез определить перспективные профессии» (May, 2019, с. 1). В отношении обеспечиваемых кафедрой славянских языков учебных программ указанная особенность касается профессионального содержания и объема филологических знаний переводчика и преподавателя иностранного русского языка. В образовании наблюдается общая динамика и общие проблемы: «Темпы обновления становятся выше темпов обучения. Поэтому так важна непрерывность образовательного процесса и уход от узких специализаций».

Но при этом ключевой является **фундаментальность** образования – это база для будущей гибкости» (May, 2019, с. 1).

В настоящее время замечаются тенденции чрезмерного редуцирования студентами фундаментальности как «ненужного» знания параллельно с интерпретацией запоминания только как механического процесса, то есть без предполагаемых учебной ситуацией и ожидаемых от студентов осознанности и системности. При этом интеллектуальная деятельность невозможна без запоминания, которое в реальности является фундаментальным психологическим свойством личности – «протекание процессов памяти в целом и запоминания, в частности, детерминируется деятельностью личности, ее направленностью на достижение предстоящих целей» (Боднар, 2014, с. 58). Для активизации памяти, перехода ее из фазы краткосрочной в долгосрочную нужна активная деятельность студента.

Именно опора исключительно на краткосрочную память и нефункциональное использование своей памяти отражается на результатах обучения, которые в обществе интерпретируются как проблема: «Slovenskí žiaci medzičasom dosahovali v medzinárodných meraniach vedomostí priemerné výsledky a medzi ich najväčšie nedostatky patrilo, že nedokázali spojiť vedomosti z viacerých predmetov či využiť ich pri riešení situácii z reálneho života» (Grman, 2007, s. 1).

Поэтому в нашей практике в наборе предлагаемых в учебных программах предметов (в соответствии их дифференциацией на обязательные, факультативно обязательные и факультативные), предполагается возможность межпредметных связей и актуализация разных ракурсов на явление, изучаемое разными, прежде всего гуманитарными науками. Такая особенность направлена на указание комплементарности и одновременно требует вычленения дифференциальных особенностей в интерпретации одного и того же факта разными учебными предметами / науками. К комплементарным интерпретациям такого характера относятся знания об *эпитеме*, изучаемом как троп в литературоведении и как образное определение

в лингвистике, а в стилистике как стилистическое средство. В учебнике «Русская стилистика – активная коммуникация. Практический курс» эксплицируется указанная выше связь эпитета *благозвучный* с терминами *благозвучие*, *благозвучный*, русский фактический материал дополнен соотносимым комплементарным словацким материалом, связанным с терминами *ľubozvučnosť*, *ľubozvučný* и таким же эпитетом (Ляшук и Сироткина, 2020). Прослеживается межкультурная и межъязыковая соотнесенность фактов русской и словацкой культуры, языка, поэтической образности: «Связь с культурно-языковыми традициями национальных языков влияет на отличие в представлении о благозвучии, как и об отклонении от него (о неблагозвучии)» (Ляшук, 2023, с. 127) Комплементарным выступает культурный и образный аспект анализируемого стилистического термина: «Эвристическое подключение к информации рассчитано на осознание практического аспекта благозвучия <...>» (Ляшук, 2023, с. 128).

Словарь эпитетов, являясь лингвистической лексикографией, отражает образные особенности интерпретации развитого эпитетом имени существительного (опорного слова), являясь при этом фактом художественной литературы и национальной культуры, презентуемым художественными текстами. При переводе такие эпитеты зависят от образно-культурной мотивации словарного (образно потенциального) эквивалента в целевом языке.

Наличие у слова эпитетов свидетельствует о его важности и культурной самобытности. Слово *речь* ‘способность говорить, выражать свои мысли; разговор, беседа. О характере произношения или произнесения; о манере говорить, об эмоциональной окраске речи’ в русский текстах развивают эпитеты (всего 93 слова): *Беспокойная*, *бесстрастная*, *благозвучная*, *благоуханная* (устар. поэт.), *бойкая*, *буйная*, *бурная* и др. (Горбачевич, 2002, с. 153; указание болдом наше – В.Л.). Эпитет *благозвучный* характеризует и другие опорные слова: *имя*, *язык*, *стихи (стих)*, *песня*, *тенор*, *звон* (Горбачевич, 2002). Только у одного слова *имя* словарь фиксирует также и эпитет с отрицательной семантикой – *неблагозвучный*, что свидетельствует об оценочных поэтических приоритетах, то есть о культурной избирательности. Эпитет *(не)благозвучный* непосредственно связан со стилистическим и поэтическим термином *благозвучие*, который приобретает более четкие и упорядоченные, абстрагированные от индивидуальных предпочтений характеристики (Ляшук, 2023, с. 124). При отсутствии в словацком языке словаря эпитетов некоторые опорные слова включены

в иллюстративный контекст толкового словаря: *ľubozvučný tón, ľubozvučná reč; slovenčina je ľubozvučná* (Kačala, Pisárčiková a Považaj, 2003).

Приведенные комплементарные знания, заложенные в преподаваемые нами дисциплины (лексикология, стилистика, художественный перевод, лингвистика текста), позволяют актуализировать и гибко закрепить практический опыт (одновременно языковой, литературоведческий, переводческий, методический).

На кафедре славянских языков философского факультета Университета Матей Бела синтез и комплементарность создается прежде всего в рамках филологии при модульном обучении, в комплексе преподаваемых каждым педагогом дисциплин. Перспективным является объединение наших усилий в создании аспектов комплементарности всех преподаваемых дисциплин всеми педагогами в рамках учебных программ.

Список литературы

- АЛЕКСЕЕВ, Игорь Серафимович. Концепция дополнительности (историко-методологический анализ). Москва: Наука, 1978. 280 с.
- АНТОНЯКОВА, Дарина, Виктория М. ЛЯШУК и Ксения Г. ЛЯШУК. Лексика в синхронии и диахронии. Prešov: Filozofická fakulta Prešovskej univerzity v Prešove, 2013a. 239 с. ISBN 978-555-1037-9
- АНТОНЯКОВА, Дарина = ANTOŇÁKOVÁ, Darina, Виктория М. ЛЯШУК = Viktória M. LIASHUK и Ксения Г. ЛЯШУК = Xénia G. LIASHUK. Лексика русского языка в синхронии и диахронии. Антология учебных текстов и их интерпретация. = Lexika ruského jazyka v synchrónii a diachrónii. Antológia učebných textov a ich interpretácia. Prešov: Filozofická fakulta Prešovskej univerzity v Prešove, 2013b. 333 с. ISBN 978-80-555-1026-2
- БОДНАР, Александр Михайлович. Психология памяти. Курс лекций. Екатеринбург : Издательство Уральского университета, 2014. 100 с. ISBN 978-5-7996-1262-7
- БРЕУСОВА Елена и Антон РЕПОНЬ. *Методика преподавания русского языка как иностранного*. Банска Быстрица: Belanium, 2019. 154 с. ISBN 978-80-557-1602-2
- ВЕРШИНИН, Игорь Владимирович. Принцип дополнительности в методологии литературоведения [online]. In: *Знание. Понимание. Умение*. 2008, № 5. [cit. 2024-02-12]. Dostupné na: <http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2008/5/Vershinin/>. ISSN 2412-446X (portal)
- ГОРБАЧЕВИЧ, Кирилл Сергеевич. *Словарь эпитетов русского литературного языка*. Санкт-Петербург: Норинт, 2002. 224 с. ISBN 5-7711-0013-7
- КОРЕНЕВ, Алексей Александрович. Коммуникативные виды деятельности как часть профессионально-коммуникативной компетенции языкового педагога. In: *Вестник Московского университета. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация*. 2022, № 2, с. 152-163. ISSN 2074-1588

- ЛИЗОНЬ, Мартин. *Неофициальное русское визуальное искусство в преподавании РКИ*. Banská Bystrica: Vydavateľstvo Univerzity Mateja Bela – Belianum, 2017. 190 s. ISBN 978-80-557-1344-1
- ЛИЗОНЬ, Мартин. Русская литература в словацких переводах и проблема ее периодизации. In: *Филологический вестник Сургутского государственного педагогического университета*. Сургут: Сургутский государственный педагогический университет, 2021. № 1, с. 74-86. ISSN 2687-024X
- ЛЯШУК, Виктория Марленовна. Благозвучие в современном стилистическом и методическом подходе. In: *Филологический класс*. 2023, т. 28, № 3, с. 122-134. ISSN 2658-5235.
- ЛЯШУК, Виктория. Комплементарность в преподавании русского языка и литературы (культуры) словацким студентам = Komentárnosť rusistického vzdelávania (jazyka, literatúry, kultúry) na Slovensku. In: *Universitas Catholica Rosenbergensis; Studia Russico-Slovaca*. Ružomberok: VERBUM, 2012, s. 87-101. ISBN 978-80-8084-970-2
- ЛЯШУК, Виктория. Культурный компонент в преподавании русского языка словацким славистам и русистам. In: ADAMKA, Pavol ed. *Historicko-kulturologické minimum vo vyučovaní cudzích jazykov: odborný zborník*. Nitra: Univerzita Konštantína Filozofa v Nitre, 2010, с. 63–73. ISBN 978-80-8094-720-0
- ЛЯШУК, Виктория. Лингвистический и эстетический дискурс: Общие и отличительные особенности. In: ANTOŇÁKOVÁ, Darina = АНТОНЯКОВА, Дарина a Viktória LIASHUK = Виктория ЛЯШУК eds. *Aktuálne otázky teórie diskurzu = Актуальные вопросы теории дискурса*. Prešov: Filozofická fakulta Prešovskej univerzity v Prešove, 2013 a, с. 26-39. ISBN 978-80-555-0767-5
- ЛЯШУК, Виктория = LIASHUK, Viktória Лингвокультурологическая интерпретация поэмы В. Хлебникова «Председатель чеки» = Lingvokulturologická interpretácia poémy V. Chlebnikova „Predseda Čeky“. In: *Universitas Catholica Rosenbergensis; Studia Russico-Slovaca*. Ružomberok: VERBUM, 2013b, с. 25-43. ISBN 978-80-561-0083-7
- ЛЯШУК, Виктория. *Литературоведение для зарубежных русистов. Комплексный учебник для студентов филологических специальностей*. Saarbrücken: Lap Lambert Academic Publishing, 2015. 346 с. ISBN 978-3-659-71683-6
- ЛЯШУК, Виктория. *Литературоведение для словацких русистов. Комплексный учебник для студентов филологических специальностей*. Ružomberok: VERBUM, 2014. 297 с. ISBN 978-80-561-0173-5
- ЛЯШУК, Виктория = LIASHUK, Viktória a Татьяна СИРОТКИНА = Tatiana SIROTKINA. *Русская лексикология: активная коммуникация. Учебник для словацких студентов*. = *Ruská lexikológia: aktívna komunikácia. Vysokoškolská učebnica pre slovenských študentov*. Сургут: РИО БУ «Сургутский государственный педагогический университет», 2021. 130, [1] с. ISBN 978-5-93190-397-2
- ЛЯШУК, Виктория = LIASHUK, Viktória a Татьяна СИРОТКИНА = Tatiana SIROTKINA. *Русская стилистика: активная коммуникация. Практический курс*. = *Ruská štylistika: aktívna komunikácia. Praktický kurz*. Banská Bystrica: BELIANUM, 2020. 156 с. ISBN 978-80-557-1743-2

- МАУ, Владимир. Фундаментальные знания не стареют [online]. In: *Вести образования*. 2.09.2019 [cit. 2024-03-05]. Dostupné na: https://vogazeta.ru/articles/2019/9/2/quality_of_education/9176-fundamentalnye_znaniya_ne_stareyut
- РЕПОНЬ, Антон. Формирование читательской грамотности при обучении русскому языку как иностранному в словацкой школе. In: БРЕУСОВА, Елена Ивановна и Татьяна Александровна СИРОТКИНА eds. *Образовательные потребности детей-инофонов в условиях интегративного обучения русскому языку: сборник статей*. Сургут: РИО БУ «Сургутский государственный педагогический университет», 2024, с. 127-132. ISBN 978-5-93190-432-0
- РОЗОВ, Михаил Александрович. *Философия науки в новом видении*. Москва: Новый хронограф, 2012. 440 с. ISBN 978-5-94881-208-3
- СЕЛИВЕРСТОВА, Нина Анатольевна. «Ненужные» знания высшей школы: к проблеме конструирования тезауруса студенческой молодежью [online]. In: *Горизонты теории и методологии гуманитарных наук: тезаурусный подход*. 2021, № 4, с. 61–70. DOI: <http://dx.doi.org/10.17805/ggz.2021.4.4>
- ЦИНТУЛА, Игорь. Художественный текст как средство обучения русскому языку, литературе и культуре в иноязычной среде. In: БРЕУСОВА, Елена Ивановна и Татьяна Александровна СИРОТКИНА eds. *Образовательные потребности детей-инофонов в условиях интегративного обучения русскому языку: сборник статей*. Сургут: РИО БУ «Сургутский государственный педагогический университет», 2024, с. 133-136. ISBN 978-5-93190-432-0
- ЮЗЕФАВИЧУС, Татьяна Анатольевна. Идея комплементарности в педагогике. In: *Вестник МГОУ. Серия: Педагогика*, 2015, № 2, с. 39-46. ISSN 2072-8395
- Common European Framework of Reference for Languages: Learning, Teaching, Assessment. Companion Volume with New Descriptors* [online], 2018. [cit. 2024-03-10]. Dostupné na: <https://rm.coe.int/cefr-companion-volume-with-new-descriptors-2018/1680787989>
- GRMAN, Miroslav. Školský zákon má obmedziť memorovanie [online]. In: *SME Domov © Copyright 1997-2024 | Petit Press, a.s.*, 24.02.2007 [cit. 2024-02-2]. Dostupné na: <https://domov.sme.sk/c/3164302/skolsky-zakon-ma-obmedzit-memorovanie.html>
- KAČALA, Ján, Mária PISÁRČIKOVÁ a Matej POVAŽAJ eds. *Krátky slovník slovenského jazyka* [online]. 4. dopl. a upr. vyd. Bratislava: Veda 2003. 985 s. [cit. 2024-02-12]. Dostupné na: <https://slovník.aktuality.sk/pravopis/kratky-slovník/?q=%c4%beubozvu%c4%8dn%c3%bd>. ISBN 80-224-0750-X
- LIASHUK, Viktória. *Preklad v textoch, súvislostiach a vzťahoch* [online]. Banská Bystrica: BELIANUM, 2023. 437 s. [cit. 2024-02-12]. Dostupné na: ISBN 978-80-557-2094-4
- LIASHUK, Viktória. *Теория славянских литературных языков в диахронии и синхронии*. Banská Bystrica: BELIANUM. 2017. 130 s. ISBN 978-80-557-1349-6
- PETLÁK, Erich. Tradičné a inovatívne vyučovanie – podstata inovácií [online]. In: *Didaktika*. 2020, č. 6 [cit. 2024-02-12]. Dostupné na: <https://www.direktor.sk/sk/casopis/didaktika/tradicne-a-inovativne-vyucovanie-podstata-inovacii.m-1006.html>. ISSN 1339-925X

PORUBSKÝ, Štefan. *Učiteľ – diskurz – žiak. Osobnostno-socialný model primárnej edukácie*. Banská Bystrica: Univerzita Mateja Bela, Pedagogická fakulta, 2007. 145 s. ISBN 978-80-8083-392-3

Študijné odbory, v ktorých môžu vysoké školy v Slovenskej republike poskytovať vysokoškolské vzdelávanie In *Sústava študijných odborov SR* [online]. Bratislava: Ministerstvo školstva, výskumu, vývoja a mládeže SR, 2019 [cit. 2024-02-15]. Dostupné na: <https://www.minedu.sk/sustava-studijnych-odborov-sr/>

Synergické účinky a komplementarity k plánovaným výzvam a vyzvaniam [online]. Bratislava: Ministerstvo školstva, vedy, výskumu a športu SR; Ministerstvo hospodárstva SR, 2015 [cit. 2024-02-12]. Dostupné na: <https://www.opvai.sk/vyzvy/va/identifikaciasynergii/>

Ляшук Виктория Марленовна / Liashuk Viktória

профессор кафедры славянских языков философского факультета,
кандидат филологических наук, доцент, Университет им. Матея Бела
г. Банска Быстрица, Словакия

Professor of Department of Slavic Language, Faculty of Arts
Candidate of Philology, Associative Professor Matej Bel University
Banska Bystrica, Slovakia

E-mail: viktoria.liashuk@umb.sk

ORCID ID: 0000-0002-8281-6411

K niektorým aktuálnym tendenciám v ruských a slovenských mediálnych textoch

Ján Gallo

Katedra slovanských filológií
Filozofickej fakulty Univerzity Konštantína Filozofa v Nitre
Nitra, Slovenská republika

Abstrakt: V článku sa rieši problematika niektorých aktuálnych tendencií súčasných slovenských a ruských mediálnych textov. Prezentuje sa štýlová heterogénnosť mediálnej komunikácie s dôrazom na prostriedky stylistickej aktualizácie a kontaminácie. V ďalšej časti sa vysvetľujú niektoré aktívne procesy v syntaktickej jazykovej rovine slovenského a ruského jazyka, t. j. aktuálne tendencie k analytizmu. Uvádza sa teoretický výklad s doloženou exemplifikáciou používania syntaktických jazykových prostriedkov (rozčlenené syntaktické štruktúry – segmentácia, pričleňovanie, parcelácia, aktualizácia) v textoch súčasnej slovenskej a ruskej mediálnej komunikácie.

Kľúčové slová: analytizmus, mediálna komunikácia, mediálny text, multimédia, syntaktické prostriedky, stylistická aktualizácia, stylistická kontaminácia, štýlová heterogénnosť.

On some current tendencies in Russian and Slovak media texts

Abstract: The paper deals with the issue of some current tendencies of contemporary Slovak and Russian media texts. The stylistic heterogeneity of media communication is presented with an emphasis on means of stylistic updating and stylistic contamination. The next part explains some active processes in the syntactic linguistic level of the Slovak and Russian languages, i.e. current tendencies towards analyticism. A theoretical interpretation is presented with documented exemplification of the use of syntactic language devices (decomposed syntactic structures – segmentation, incorporation, parceling, updating) in the texts of contemporary Slovak and Russian media communication.

Keywords: analyticalism, media communication, media text, multimedia, syntactic means, stylistic updating, stylistic contamination, stylistic heterogeneity.

Úvod

Demokratizácia spoločnosti, deideologizácia mnohých oblastí ľudskej činnosti, „otvorenosť“ v oblasti ekonomiky, politiky, kultúry, medziludských vzťahov – to všetko sa nepriamo odráža v jazyku a reči. Uvoľnenosť a emancipácia autorov verbálnych textov ovplyvňuje všetky mechanizmy jazyka.

V porovnaní s morfológickou jazykovou rovinou, stylistická, syntaktická, ako aj lexikálna oveľa aktívnejšie reagujú na spoločenské zmeny. Vplyvom sociálnych faktorov na všetky tri jazykové roviny dochádza k „zmäkčovaniu“ spisovnej normy, prijímaniu do

spisovnej reči takých jazykových prostriedkov, ktoré sa donedávna považovali za nespisovné alebo sa vôbec nevyskytovali. Výsledky takéhoto vplyvu sa často hodnotia ako porušenie tradičných jazykových noriem.

Dôležitým výsledkom pôsobenia rôznych faktorov na všetky jazykové roviny je masívny vstup inovácií do spisovného jazyka. Nové javy si vyžadujú ich analýzu a hodnotenie tak z hľadiska normy, ako aj z hľadiska ich sociálnej podmienenosti.

V slovenskej rusistickej spisbe prakticky neexistujú žiadne zovšeobecňujúce práce venované systematickej analýze inovatívnych zmien v syntaktickej štruktúre súčasného slovenského a ruského mediálneho textu. Práce rôznych bádateľov poskytujú buď analýzu súčasného ruského mediálneho diskurzu v porovnaní s českým (РЫЛОВ, 2020), východiská kritickej analýzy mediálnych textov (Cingerová, Dulebová, 2023), analýzu žurnalistických textov (Богуславская, 2011), diskurzívnu analýzu (Schneiderová, 2015, Cingerová, Motyková, 2017) alebo vlastné pozorovania jednotlivých štylistických, syntaktických, lexikálnych javov a rečovej chybovosti v médiách (Rončáková, Vandáková, 2020).

Cieľom tohto článku je identifikovať vybrané aktívne štylistické, syntaktické a čiastočne aj lexikálne zmeny v súčasných slovenských a ruských mediálnych textoch, zistiť ich povahu a zachytiť v nich prejavy hlavných trendov.

V článku sa zaoberáme niektorými aktívnymi procesmi v rámci štylistiky (štýlová heterogénnosť mediálnej komunikácie, prostriedky štylistickej aktualizácie, štylistická kontaminácia), syntaxe (tendencie k analytizmu, t. j. rozčlenenie syntaktických štruktúr – segmentácia, pričleňovanie, parcelácia, aktualizácia) a čiastočne aj lexiky súčasného slovenského a ruského mediálneho textu.

Štýlová heterogénnosť mediálnej komunikácie

V súčasnosti používaná štylistická vrstva výrazových prostriedkov v mediálnych textoch je úplne heterogénna, berúc do úvahy rôzne aspekty, napríklad spisovnosť/nespisovnosť výrazu, hovorovosť/knižnosť, frekvencia používania, éra používania a i. Špecifiku súčasných mediálnych textov často dotvárajú aj nespisovné, hovorové a expresívne jazykové prostriedky. Práve oni napomáhajú dotvárať špecifikum mediálnej komunikácie a jej hlavnú črtu – persuzívnosť. Na základe toho konštatujeme, že v súčasných slovenských i ruských mediálnych textoch je možné okrem spisovných neutrálnych jazykových prostriedkov, napr. *televízna obrazovka, výlet, téma, názor* (Pravda, 20.06. 2012); *peniaze, práca, rodina, škola, názor* (SME, 29.06.2016); *брюки, платье, стиль, красота, семья* (Дарья, 12.10.2022), knižných, napr. *konsenzus, vízia, participovať, garantovať*,

eliminovať, lukratívny, erudovaný, memento (Pravda, 20.06.2016); *industriálny, stimul, minorita, vízia* (Trend, 16.06.2016); *kmet'* (Hospodárske noviny, 16. 12.2015) *экстрасенсорные способности* (Дарья, 12.10.2022), *кинматограф, диапазон, профилактика, симпом, астрология* (Караван историй, 21.11.2022); pozorovať aj štylisticky príznakové jazykové prostriedky, napr. hovorové *šafárit', penzista, férový, malér* (SME, 20.06.2016); *mizéria* (Pravda, 20.06.2016); *krach, športiak, privatizér, poskromne, popasovať sa, surfovať po internete* (Trend, 16.06.2016; 30.06.2016); *fušer, basa* (Hospodárske noviny, 16.12.2015); *тельняшка, обалдеть* (Дарья, 02.10.2022) a expresívne, napr. *Áno, niekto si kupuje kabelky Chanel a ja si kupujem kvety a stromy do záhrady. Dokážem na ne minúť doslova majland* (Slovenka, 03.07.2023); *...ako vládou podporovaného investora uvítame v Bystrici osobu, ktorá vyfasovala vo Švajčiarsku rok a pol za falšovanie dokumentov* (SME, 20.06.2016); *Ak experti majú pravdu čo len v päťtine svojich predpovedí dosahov brexitu na Úniu, tak to bude riadna galiba* (SME, 20.06. 2016); *Družstvo síce vtedy opúšťal s nostalgiou, ale bývalé socialistické maniere mu nechýbali* (Trend, 16. 06. 2016); *Nie je totiž možné, aby Británia čerpala z výhod spoločného trhu, ktoré si sama vyberie, a zároveň sa na všetko ostatné vykašlala* (Trend, 30.06.2016); *В те годы его упрятали в психушку* (из Интернета).

Prostriedky štylistickej aktualizácie

Jedným z prostriedkov štylistickej aktualizácie slovenských a ruských mediálnych textov je **implicitný zhodný prívlastok**. Ten vo svojej podstate predstavuje elipsu, pričom sa prejavuje aj ako prostriedok štylistickej aktualizácie, aktivizácie. Keďže charakteristickým znakom mediálneho textu je stručnosť, konkrétnosť a rýchlosť podania informácie, jeho autori hlavne v súčasnosti uprednostňujú práve zhodný prívlastok, ktorý sa vyznačuje jednoduchosťou a priamosťou na rozdiel od nezhodného prívlastku alebo vedľajšej vety.

Implicitný zhodný prívlastok možno vnímať aj ako prostriedok na kondenzáciu výrazu, ktorý predstavuje implicitnosť výpovede. V súčasných slovenských a ruských mediálnych textoch sa špecifický implicitný zhodný prívlastok javí ako často používaný syntaktický prostriedok, napríklad *slovenská dcéra* (dcérska spoločnosť na Slovensku), (Trend 05.01.2017.); *americká matka* (sídlo spoločnosti v Amerike) (Trend 05.01.2017); *politickí hráči* (Trend 05.01.2017); *červené čísla* (Trend 05.01.2017); *imigračná stopka* (Trend 5.1.2017); *podnikateľské prostredie* (Trend 05.01.2017); *konkurenčný boj* (Trend 05.01.2017); *čierny svetadiel* (Trend 05.01.2017); *čierny alkohol* (Trend 12.01.2017); *karuselové podvody, daňový kolotoč* (Týždeň 19.12.2016); *futbalový rok* (Týždeň

19.12.2016); *wimbledonská tráva* (Pravda 20.1.2017); *cestovateľský boom* (Trend 12.01.2017); «нефтяные» возможности; «учебниковая» промышленность; зимний и летний избиратель; «ядерные» амбиции; теннисные новости (из Интернета) a i. Prívlastky tohto typu sa v slovenských a ruských mediálnych textoch vyskytujú v značnej miere. Niekedy sú prebraté z vedeckého štýlu, inokedy takýto prívlastok vzniká v mediálnej komunikácii v súvislosti s vedeckými témami, napríklad *nízkopriíjmové skupiny* (Trend 15.12.2016); *výdavkový strop* (Trend 15.12.2016); *výrobné linky* (Trend 12.1.2017); *migračné kvóty* (Pravda 28.7.2016); *kapitálové investície* (Pravda 6.10.2016) a i. Tieto prívlastky pre svoju jednoznačnosť často nadobúdajú v mediálnom diskurze terminologický charakter. Väčšinu zhodných implicitných prívlastkov zaznamenávame práve v súčasných mediálnych textoch, napríklad *migračné cunami* (Trend 05.01.2017); *migračný veľtok* (Trend 05.01.2017); *taxikársky stredovek* (Trend 19.1.2017); *ekonomický dopad* (Týždeň 19.12.2017); *politická hrádza* (Pravda 20.1.2017). V ostatných rokoch sa v slovenských mediálnych textoch objavili aj nové kombinácie, napr. *dizajnový uragán* (v posledných rokoch stále krajšie a expresívnejšie nové modely automobilu Peugeot) (Forbes, 18.01. 2024) *správna tímová chémia* (budovanie dobrých vzťahov v tíme), (Šport 27.01.2017); *náborový apetít* (dopyt firiem po pracovnej sile), (Pravda 27.01.2017) a pod. V športových slovenských mediálnych textoch sú bežné tieto kombinácie atribútov: *domáci Pad* (Šport 24.1.2017); *športová mladosť* (Pravda 20.01.2017); *strieborný slalomár* (získal striebornú medailu), (Šport 24.01.2017); *pekínske zlato* (t. j. zlatá medaila získaná v Pekingu), (Šport 27.01.2017).

Všetky uvedené atributívne spojenia, predovšetkým nové a v kontexte výpovede neočakávané, sú jedným z prostriedkov štylistickej aktualizácie. Ich častým používaním, spojeným so skrátením výpovede, sa, podľa nášho názoru, tieto typy prívlastkov stanú ustálenými. Je možné ich pozorovať nielen v písomných mediálnych textoch, ale aj v iných sférach mediálnej komunikácie snád' okrem umeleckej literatúry.

Štylistická kontaminácia

V súčasných slovenských a ruských mediálnych textoch je **štylistická kontaminácia** kombináciou elementov publicistického, náučného alebo hovorového štýlu nielen v medziach celých žánrových útvarov, ale aj na oveľa menšej ploche, napr. v rámci slovného spojenia alebo vety, napr. *Predaj zlatých pasov zaváňa kriminálom* (Trend 18.01.2024). Hovorové slovné spojenie *zaváňa kriminálom*, použité autorom v názve článku, je bezprostredne konfrontované s neutrálnym slovným spojením *predaj zlatých pasov*. Podobný príklad s použitím hovorového výrazu *akciovka* a pejoratívneho *žrút* je taktiež dobrým príkladom

štylistickej kontaminácie: *Slová odborníkov sa naplnili. Štátna akciovka je len žrútom peňazí* (Trend, 18.01.2024); *Альфа и омега модного алфавита – так Джорджио Армани говорит про... простую белую футболку* (Kommersant, 18.12.2016). V tomto prípade výpoveď po použití knižného frazeologizmu *альфа и омега* nadobúda odtienok hovorovosti a nenútenosti. Ostrejšie je štylistická kontaminácia vyjadrená v nasledujúcom príklade: *Едва успел кануть в Лету былой Союз, как у нас тут же нарисовался такой же забугорный частный владелец, «затрактебеливший» энергосистему до такого состояния, что она и сегодня до конца не отошла от его эффективного менеджмента*. Knižný frazeologizmus mytologického pôvodu *кануть в Лету* je bezprostredne konfrontovaný s hovorovými slovami ako *нарисоваться*, *забугорный* a okazionalizmom *затрактебеливший*, čo vytvára silný dojem na čitateľa. Štylistická kontaminácia značne prispieva k rozkolísavaniu noriem publicistického štýlu a podnecuje formovanie nových „hybridných“ štýlov, v ktorých nachádza uplatnenie široký diapazón štylistických a lexikálnych prostriedkov.

Podľa Je. V. Vyroncevej na miešanie žánrov vplýva aj využívanie rôznych postupov komična: humoru, ironie, hyperboly, satiry, sarkazmu a grotesky, čo sa konkrétne prejavuje v zrode ironickej reportáže, ktorú v ruskej publicistike reprezentuje Andrej Kolesnikov (Kommersant), Julia Sankovičová (Novaja Gazeta, Kommersant), Valerij Jakov (Novoje Izvestija) (Выронцева, 2015, с. 210). Ironia je pomerne novým prvkom aj v spravodajských útvaroch. V nich má za úlohu sprostredkovať subjektivitu autora implicitným spôsobom, napr. *Trenčín v „zajatí“ Rammsteinu* (TA3, 13.06.2023).

Rozčlenenosť syntaktických štruktúr (segmentácia, pričleňovanie, parcelácia, aktualizácia)

Vplyv sociálnych faktorov na syntax sa realizuje prostredníctvom aktivizácie hovorových syntaktických konštrukcií. Zároveň sa analytizmus ako hlavná tendencia v súčasnej gramatike zaraďuje k javom vnútornej povahy, ktoré sú stimulované systémovými transformáciami v gramatike. Ukázalo sa, že v súčasnej syntaxi tieto dve silné tendencie sú svojím pôsobením zamerané rovnako.

Syntaktické štruktúry sú čoraz viac rozčlenenejšie a fragmentárnejšie. Formálne syntaktické vzťahy sú oslabené a voľné, čo vo svojej podstate prispieva k zvyšovaniu dôležitosti kontextu. Vo vnútri jednotlivých syntaktických jednotiek ide o zintenzívnenie úlohy slovosledu a vyčlenenia vetného prízvuku. Zvyšovaním dôležitosti implicitných vyjadrovateľov spojení dochádza k slovnej kontaminácii syntaktických jednotiek čo rezultuje

ich významový obsah. Súčasná syntax, na rozdiel od svojej klasickej podoby, ktorá sa sformovala začiatkom 20. storočia, s prevládajúcimi explicitnými spojeniami a vzťahmi, mení svoj celkový rytmicko-melodický výraz. Výrazne sa skrakuje dĺžka viet, gramatické hranice vety ako základnej syntaktickej jednotky sa porušujú prostredníctvom možného odčlenenia komponentov tejto vety. Konštatujeme, že hlavnou príčinou daného javu je zosilnenie vplyvu hovorovej syntaxe na písomný prejav. Priamy dôsledok predstavuje ústup od „klasických“ syntagmaticky preverených syntaktických konštrukcií s explicitne vyjadrenými podrad'ovacími vzťahmi a relatívnou zakončenosťou gramatickej štruktúry. V takej syntaxi sa dodržiavajú hranice vety a syntaktické spojenia vo vnútri vety. Popri paralelnom fungovaní a sčasti zmene takej syntaxe čoraz častejšie v mediálnych textoch zaznamenávame syntaktické konštrukcie charakteristické rozčlenenou gramatickou štruktúrou, uprednostnením sémanticky významných komponentov vety do aktuálnych pozícií s porušením syntagmatického reťazca, inklinovaním k analytickému typu vyjadrenia gramatických významov.

Jednotnú, úplnú a celistvú výpoveď s postupnosťou syntaktického spojenia verbálne vyjadrenými podrad'ovacími vzťahmi prichádza vystriedať typ rozčlenenej výpovede bez jasne (verbálne) vyjadreného syntaktického spojenia s porušením a prerušovaním syntagmatického reťazca.

Segmentácia syntaktických štruktúr

V rámci segmentácie syntaktickej konštrukcie ide o rozčlenenie výpovede na dve časti, formálne stojace proti sebe, ale spojené sémanticky. V dôsledku toho dochádza k rozčleneniu syntaktickej štruktúry jednoduchej vety na dve časti: téma – príležitosť. Navyše, obe časti sú prezentované ako rovnocenné, napriek tomu, že jedna z nich logicky závisí od druhej. Ide napríklad o osamostatnenie radu nominálnych jednočlenných viet na začiatku textu so sféry športu s cieľom upriamiť pozornosť čitateľa na tému, napríklad: ***Sestra i súperka. Kráľovnou Melbourne bude Williamsová*** (Pravda 27.01.2017). Vo sfére politiky, ekonomiky a celkovo spoločnosti je osamostatňovanie taktiež veľmi časté, napr.: „***Trump, brexit, voľby v Nemecku a vo Francúzsku. Nový rok bude skrátka veselý. Takže azda aj šťastný.***“ (Trend 05.01.2017); ***Heroín, prostitúcia, obchody so zbraňami. Všetko toto sme tu zrazu mali v nebyvalom rozsahu*** (Život 17.12.2016); ***S pribúdajúcimi drogovo závislými sa neskutočne rozbehla najrôznejšia majetková kriminalita. Vykrádanie áut, bytov, firiem*** (Život 17.12.2016); ***Disciplína, úcta k ostatným, poznaniachtivosť a vnímavosť – tieto vlastnosti mladých Japoncov si musia podľa neho vypestovať i mladí Saudskoarabi*** (Trend 15.12.2016);

Zmiešané dopady, miernejšie ako predošlé roky, porušenie legislatívneho procesu či premárnená príležitosť. Všetky tieto hodnotenia padajú na adresu tohtoročných daňovo-odvodových zmien (Trend 12.01.2017); Šialená situácia, genocída, najt'ažšie vojnové zločiny, za aké sa raz ľudstvo bude hanbiť. Aj tieto expresívne výrazy charakterizujú situáciu v sýrskom meste Aleppo (Týždeň 19.12.2016); Najlepšie mestá na cestovanie, najlepšie hotely, prázdninové strediská, ostrovy, letiská a výletné lode. To všetko hodnotia každoročne čitatelia prestížnych cestovateľských magazínov, ale aj cestovateľských rubriek denníkov (Trend 15.12.2016); Otepľovanie, supercelové lejaky, záplavy, ničivé víchrice. A to sú len ozveny (fenoménu El Niño, pozn. autora), (Profit 11.01.2017).

Pričleňovanie a parcelácia syntaktických štruktúr

Rozčlenenosť v syntaxi je možné dobre demonštrovať aj pomocou pričleňovacích a parcelovaných konštrukcií.

Pričlenenie sa v čistej podobe prejavuje v rámci samotnej bázovej vety. Typickým špecifikom pričleňovacích konštrukcií je intonačné a syntaktické prerušenie medzi nimi a hlavnou výpoveďou. Preto sa vyčleňujú logicky. Ich používanie je spojené so zmenou rytmu, s tendenciou k stručnosti, úspornosti výpovede a zároveň k obsažnosti, informačnej a emocionálnej nasýtenosti. Členenie súčasných textov môže byť dosť neočakávané, pretože môže spôsobiť prerušenie prirodzených gramatických spojení lexém. A práve rozčlenenosť textu, t. j. členenie logicko-gramatických jednotiek prostredníctvom pauz na samostatné časti, prerušenie možných gramatických spojení slov v rámci vety je taktiež dôkazom súčasného značne rozšíreného javu rozčlenenosti syntaktických štruktúr v rôznych štýloch slovenského a ruského jazyka so zjavnými koreňmi v hovorovom štýle. Syntakticky nesamostatné časti textu, ale maximálne samostatné intonačne, ktoré sú oddelené od bázovej vety, nadobúdajú väčšiu výraznosť, pričom sú citovo bohatšie a živšie. Napríklad: *Ruská ekonomika je odolnejšia, než ekonómovia čakali. Jednu vec však obalamutiť nedokáže – chýba jej pracovná sila* (Trend, 06.07.2023); *Pod'me si najprv ... vybrať správne palice* (Rendez-vous Fashion, 21.11.2022); *Skoncuje s opuchmi za sekundu ... s konopným sprejom!* (Slovenka, 03.07.2023); *Blahoslav Hečko – literárny vedec, kedysi povedal, že slovenčina je najdisponovanejší európsky kultúrny jazyk – Cyril a Metod sem neprišli náhodou* (Slovenka, 03.07.2023); *Ha Zapade каждый день пугают – грядёт мировой голод* (Аргументы и факты, 08. – 14. 06.2022).

Parcelované pričlenenie je z hľadiska polohy samostatnejšie (nachádza sa po bodke). Parcelovaná konštrukcia sa skladá z dvoch častí – hlavnej výpovede a parcelátu. Hlavná

výpoved' vždy vystupuje ako samostatná veta a parcelát plne závisí od základnej výpovede ako z hľadiska významu, tak aj z hľadiska syntaktickej funkcie. Parcelát má charakter doplňujúceho oznamu, ktorý upresňuje, vysvetľuje alebo rozvíja hlavnú výpoved'. Parcelát je obvyčajne oddelený od hlavnej výpovede bodkou. Parcelácii podliehajú ako jednoduché vety, tak aj súvetia, napríklad: *Je skvelé, ak v divadle ľudia plačú a nehanbia sa za to. Na javisku i v hľadisku* (Forbes, 18.01.2024); *Rodinný biznis Robel má už viac ako 25 rokov skúseností v obuvníctve. Nie náhodou* (Rendez-vous Fashion, 15.03.2023); *Spojte NEfarby. Lebo o čiernej a bielej sa hovorí buď to, že sú to základné farby, alebo, že sú to nefarby* (Rendez-vous Fashion, 21.11.2022); *Práve značky, ktoré vyrábajú spodné kúsky, mávajú v ponuke pružné domáce šaty. Aj priliehavé, aj voľné a padavé* (Rendez-vous Fashion, 21.11.2022); *Som žena, ktorá miluje miesto, kde žije. Naše krásne Slovensko* (Slovenka, 03.07.2023); *В сложных условиях российские бренды стали помогать друг другу. Вместе проще.* (The Voicemag, 20.10. 2022); *Щетка и мастерок – вот и весь научно-технический прогресс в этой отрасли. И не только в этой* (из Интернета); *Это скорее притча. Я бы даже назвал ее драматической новеллой. О любви. О ненависти* (из Интернета); *Домой я пришла под утро. Усталая* (из Интернета).

Oddelenie od hlavnej vety, prerušovaný charakter spojenia v parcelovaných konštrukciách, funkcia doplňujúcej výpovede umožňujúca upresniť, vysvetliť, rozšíriť, sémanticky rozvinúť hlavnú výpoved' – to sú prejavy zintenzívňujúce logické a významové zdôraznenia, dynamickosť a štylistickú intenzitu písomných mediálnych textov.

Aktualizácia syntaktických štruktúr

Rozčlenenosť štruktúr sa prejavuje aj vo zvýšenom používaní aktualizovaných konštrukcií, ktoré zjavne napodobňujú hovorovú bezprostrednosť. Ilustrujú taktiež absenciu špecifickej štruktúrnej usporiadanosti príznačnej pre knižnú syntax. V aktualizácii ide o štruktúrne vyčlenenie aktuálnej časti výpovede predovšetkým jej umiestnením na začiatok, ale i na koniec (funkčne rôznorodé nominatívy – prepozitívne a postpozitívne). Výslovnosť je sprevádzaná osobitou intonáciou – očakávanou a premyslenou. V dôsledku toho dochádza k syntaktickému „zlomu“. Takéto syntaktické konštrukcie sa vyznačujú vysokou expresivitou, napríklad: *Прекрасный магазин! Всё есть, всё свеженькое, ребёнку вот целый пакет вкусовостей всяких набрала* (Комсомольская правда в Белоруссии, 15.02.2015); *А искусство?! В эти годы творил Станиславский, систему которого до сих пор перевозносит весь театральный мир. Музыка! Шостакович, Хачатурян. Балет то самый, в котором мы были впереди планеты всей. Уланова, Лиена, Чабукиани... Тоже*

тогда! **Литература!** То, что мы все читали и читаем до сих пор, – Шолохов, Алексей Толстой, Булгаков... (Аргументы и факты, 25.10. 2013).

Pokiaľ ide o postpozitívne nominatívy, tie sú funkčne bohatšie a rozmanitejšie. Možnosť ich zlúčenia možno vysvetliť celkovým formálno-štruktúrnym príznakom: tvar prvého pádu a fungovanie iba spolu so susednou štruktúrou v podobe zloženého syntaktického spojenia. Samostatná existencia takýchto nominatívov (i prepozitívneho i postpozitívneho) nie je možná. Takéto nominatívy sa používajú iba ako časť zloženého syntaktického spojenia. Napríklad: *Батюшки, светящийся экран их отвлекает. Цацы какие! Я-то свой телефон в кинотеатре, ложим, отключила* (Комсомольская правда в Белоруссии, 15.02.2015); *Кто, по сути, построил Петербург? Алексаика! Он решал самые сложные проблемы, это была правая рука Петра.* (Аргументы и факты, 25.10.2013); *Особенно абсурдно всё это выглядит на фоне статистических данных: чтобы перевезти и установить 80 камней общим весом 400 тонн, понадобилось бы, как минимум, полтора миллиона человеко-дней физического труда. Суций пустяк!* (Человек без границ, 16.09.2008).

Obzvlášť veľkú skupinu vytvárajú izolované nominatívy, ktoré nerealizujú ani jednu z obvyklých schém jednoduchej vety a netvorí ani súčasť týchto schém.

Izolované nominatívy sú slová v prvom páde, a taktiež menné slovné spojenia s hlavným slovom v tvare prvého pádu. Pretože izolované nominatívy nedisponujú príznakmi vety (nedisponujú významom existencie i intonačnej zakončenosti a ako osobitne stojace neplnia komunikačnú funkciu, ktorá je vlastná nominálnym vetám), existujú iba v štruktúre syntaktických celkov, t. j. vždy stoja pri inej vete a sú s ňou spojené logicky a intonačne. Hoci neexistujú samostatne, ale sú iba súčasťou inej vety, zachovávajú si, nezávisle od štruktúry danej vety, svoj vlastný tvar v nezmenenej podobe. Napríklad: *Мой салон красоты – это «Мой домик у моря»* (The Voicemag, 20.10.2022); *Комплименты – это будто пожинать плоды* (The Voicemag, 20.10.2022); *Инсульт – это не конец нормальной жизни!* (Российская газета, 15.03.2018); *Учитель – это призвание. Олег Павлович вселял веру в себя, окрылял своих учеников* (Караван историй, 16.10.2022); *Традиция – это ведь не консервы в банке. Почему же мы не можем внести в песню что-то своё, разумеется, с уважением к корням?* (Нижегородская правда, 21.02.2018).

Izolovaný prepozitívny alebo postpozitívny nominatív predstavuje v súčasnom ruskom jazyku dostatočne rozšírený jav. Je to nepochybne spojené s hovorovou syntaxou, u ktorej jednou z hlavných črt je smerovanie k rozčlenenosti a analytizmu. Analytizmus sa prejavuje v prítomnosti nezávislých východiskových tvarov slov a slovných spojení ako štruktúrnych

prvkov zložitejších syntaktických štruktúr. Je to črta hlavne hovorovej syntaxe predovšetkým preto, že v danom prípade sa pripúšťa možnosť upustiť od prísnych syntaktických jazykových noriem, od „intelektuálnych“ konštrukcií, ktoré sa prirodzene pociťujú trochu zaťažujúco pri vzájomnej výmene názorov počas ústneho rozhovoru. Počúvajúci ľahšie porozumie názoru, a hovoriaci ho lepšie sformuluje, ak sa tento názor interpretuje v niekoľkých rečových taktoch. A preto informácia postupuje rozčlenená s cieľom ľahšieho a rýchlejšieho osvojenia.

Záver

1. Skúmanie štýlovej heterogénnosti mediálnej komunikácie s akcentom na súčasné tendencie v slovenských a ruských mediálnych textoch vedie k záveru, že jednou z charakteristických črt uvedeného druhu textov (hlavne písomných) je koexistencia jazykových prostriedkov, ktoré sú štylisticky protikladné v širokom rozmedzí od hovorovosti, s presahmi do nespisovnosti, až ku knižnosti. Práve zo strany autorov mediálnych textov je príznačný zámer využitia oboch týchto dichotomických znakov, ktoré sa vyznačujú účelovým a funkčným spolužitím a prelínaním. To isté platí pre prítomnosť ďalšej výraznej dichotómie, napríklad emocionalita a neutrality, ako aj prenikania prvkov iných štýlov.

2. Rozčlenené syntaktické konštrukcie ako parcelované, tak aj segmentované predstavujú reálne existujúci jav v súčasnom spisovnom slovenskom a ruskom jazyku, ktoré stimuluje hovorový jazyk. Z hľadiska štruktúrno-gramatického vzťahu a z hľadiska významových funkcií nie sú parceláty a nominatívy rovnorodé, ale spája ich prerušovaný charakter syntaktického spojenia, prerušenie s hlavnou, bázovou výpoveďou, logické a intonačné vyčlenenie. Na jednej strane, aj jedny aj druhé sú maximálne samostatné (stoja mimo vety), ale, na strane druhej, úplne závisia od hlavnej vety (mimo spojenia s touto vetou nenadobúdajú svoje funkčné vlastnosti). V tom spočíva ich kontextová závislosť. Aj to je ich úloha v procese narastania analytizmu v systéme slovenského a ruského jazyka.

3. V súčasných slovenských a ruských mediálnych textoch je badateľný vývojový trend od syntetizmu k analytizmu. Značný rozmach rozčlenených konštrukcií ako v ústnych prehovoroch (osobných aj verejných; v rozhlase a televízii), tak aj v písomných prejavoch rôznych žánrov je svedectvom závažnosti daného syntaktického javu v rámci celého jazykového systému. Úspornosť, významová kapacita a štylistická výraznosť konštrukcií úplne zodpovedá vnútorným potrebám a možnostiam jazyka, ktorý je determinovaný sociálnymi potrebami súčasnosti.

Dospievame k záveru, že rozčlenené (segmentované, parcelované, pričleňovacie, aktualizované) konštrukcie, ktoré pred časom dominovali hovorovému jazyku, sa stávajú

normou. Postupne meniaci sa syntaktický systém sa prispôsobuje požiadavkám súčasných nositeľov jazyka, aby bol text presný, krátky, pochopiteľný, ktorý si zachová aj živosť, expresivitu a emocionálnosť.

Zoznam použitej literatúry

- CINGEROVÁ, Nina. DULEBOVÁ, Irina. *Mediálna lingvistika. Východiská kritickej analýzy mediálnych textov*. Bratislava: Univerzita Komenského v Bratislave, 2023. 220 s. ISBN 978-80-223-5720-3.
- CINGEROVÁ, Nina. DULEBOVÁ, Irina. Transformacija vosprijatija ključevych imjon i proizvedenij ruskoj klassičeskoj literatury v obrazovateľnom diskurse Slovakii (do i posle 1989 goda). In: *Roczniki Humanistyczne*, 2023, Tom LXXI, zeszyt 7, s. 135 – 154. ISSN 0035-7707.
- CINGEROVÁ, Nina. MOTYKOVÁ, Katarína. *Úvod do diskurznej analýzy*. Bratislava: Univerzita Komenského v Bratislave, 2017. 174 s. ISBN 978-80-223-4385-5.
- KOVÁČOVÁ, Zuzana. *Význam jazykovej analýzy textu pre formovanie komunikačnej kompetencie*. Nitra: Filozofická fakulta Univerzity Konštantína Filozofa v Nitre, 2010. 216 s. ISBN 978-80-8094-695-1.
- KOVÁČOVÁ, Zuzana. Od pochopenia k porozumeniu textu = From Text Understanding to Text Comprehension. In: *O dieťati, jazyku, literatúre/On Child, Language and Literature*. Časopis pre otázky rozvíjania komunikačnej a literárnej kompetencie, 2023, roč. XI, č. 2, s. 54 – 69.
- NEDOMOVÁ, Zdeňka. *Tendencie k analytismu v súčasnej ruštině (na materiálu jmenných slovních druhů)*. Ostrava: Filozofická fakulta Ostravské univerzity v Ostravě. 2013. 256 s. ISBN 978-80-7464-257-9.
- RONČÁKOVÁ, Terézia, VANDÁKOVÁ, Zuzana. *Slovenčina v médiách. 111 najčastejších jazykových chýb v novinárskych textoch*. Ružomberok: Verbum, 2020. 293 s. ISBN 978-80-561-0773-7.
- SCHNEIDEROVÁ, Soňa. *Analýza diskurzu a mediálny text*. Praha: Karolinum, 2015. 166 s. ISBN 978-80-246-2884-4.
- SPIŠIAKOVÁ, Andrea. Structural-semantic transformations of phraseological units in Russian and Slovak newspaper articles. In: *SKASE Journal of Theoretical Linguistics [online]*. 2022, vol. 19, No 1, p. 82 – 100. ISSN 1336-782X.
- БОГУСЛАВСКАЯ, Вера Васильевна. *Моделирование текста: лингвосоциокультурная концепция. Анализ журналистских текстов*. Moskva: LKI, 2011. 280 с. ISBN 978-5-382-01302-2.
- ВЫРОНЦЕВА, Екатерина Владимировна. Трансформация традиционных публицистических жанров в современных массмедиа. In: *Вестник Челябинского государственного университета*, 2015, 360, №5, с. 207 – 213. ISSN 1994-2796.
- РЫЛОВ, Станислав Александрович. Современные тенденции изменения в русском синтаксисе (на фоне чешского синтаксиса). In: *Rossica Olomucensia*. Olomouc: Univerzita Palackého v Olomouci, 2020, vol. LIX, č. 1, s. 41 – 55. ISSN 0139-9268.

Zoznam prameňov

- Denník Hospodárske noviny, 2015, roč. 22, č. 1-235. ISSN 1335-4701.
Denník Pravda. 2016, roč. XXVI., č. 1-235. ISSN 1335-4051.
Denník Pravda. 2017, roč. XXVII., č. 14, 16, 20, 21, 22. ISSN 1335-4051.
Denník SME. 2017, roč. 25, č. 16. ISSN 1335-440X (print).
Dvojtýždenník Profit. 2017, roč. XXIV., č. 1. ISSN1335-4620.
Mesačník Forbes. 2024, roč. XIV, č. 1. ISSN 1338-2527.
Štvrťročník Rendez-vous Fashion. 2022, roč. 12, č. 4. Bez ISSN.
Štvrťročník Rendez-vous Fashion. 2023, roč. 13, č. 1. Bez ISSN.
Týždenník Argumenty i fakty, 2013, roč. 36, č. 7. ISSN 0204-0476.
Týždenník Argumenty i fakty, 2022, roč. 45, č. 23. ISSN 0204-0476.
Týždenník Slovenka. 2023, roč. 75, č. 27. ISSN 0231-6676.
Týždenník Trend. 2016, roč. XXVI., č. 50-1. ISSN 1335-0684.
Týždenník Trend. 2017, roč. XXVII., č. 1, 2, 3. ISSN 1335-0684.
Týždenník Trend, 2023, roč. XXXI., č. 27. ISSN 1335-0684.
Týždenník Trend, 2024, roč. XXXII., č. 3. ISSN 1335-0684.
Týždenník Týždeň. 2016, roč. XIII., č. 51-2. ISSN 1336-5932.
Týždenník Život. 2016, roč. 66, č. 50. ISSN 0139-6323.
- Журнал The Voicemag, 2022, № 1, ISBN 978-5-04-157796-4.
Журнал «Дарья», 2022, № 21 (375), Без ISSN.
Журнал «Человек без границ», 2008, № 7 (32), ISSN 1818-2968.
Журнал «Караван историй», 2022, № 11 (293), ISSN 1560-4233.
Ежедневник «Коммерсантъ», 2016, № 254, ISSN 1563-6380.
Ежедневник «Комсомольская правда в Белоруссии», 2015, № 2, Без ISSN.
Ежедневник «Нижегородская правда», 2018, № 7, Без ISSN.
Ежедневник «Российская газета», 2018. № 54, ISSN 1606-5484.

Ján Gallo

doc., PaedDr., PhD. / associate professor

Filozofická fakulta Univerzity Konštantína Filozofa v Nitre

Katedra slovanských filológií Štefánikova 67, 949 01 Nitra, Slovenská republika

Faculty of Arts of Constantine the Philosopher University in Nitra

Department of Slavic Philologies, 67 Štefánikova St., 949 01 Nitra, Slovak republic

E-mail: jgallo@ukf.sk

ORCID ID: 0000-0001-7113-9235

Русскоязычная литература Беларуси: к проблеме деколонизации изучения и преподавания

Ульяна Верина
Ольденбургский университет имени Карла фон Оссецкого
Ольденбург, Германия

Абстракт: На основании анализа научных работ, антологий, разделов школьных учебников, посвященных русскоязычной литературе Беларуси, доказывается их зависимый, политически ангажированный характер. Деколонизация научного дискурса и школьного канона представлена как актуальная проблема, которая на данный момент не может быть решена, но должна быть сформулирована.

Ключевые слова: деколонизация науки, русскоязычная литература Беларуси, поэтическая антология, школьный канон.

Russian-language literature of Belarus: to the problem of decolonization of studying and teaching

Abstract: Based on the analysis of scientific works, anthologies, and sections of school textbooks devoted to Russian-language literature of Belarus, their dependent, politically engaged nature is proven. Decolonization of scientific discourse and the school canon is presented as an urgent problem that cannot currently be solved, but must be formulated.

Keywords: decolonization of science, Russian-language literature of Belarus, poetic anthology, school canon.

Понятие «русскоязычная литература Беларуси» вошло в круг дискуссий в постсоветский период, на волне социокультурных и политических изменений в стране, которые были связаны с перераспределением форм власти, формированием и проигрышем национально ориентированных сил. Последней границей постсоветского национального подъема, “концом Возрождения” является 1995 год (Навумчык, 2006, с.125-128), конституционно русско-белорусское двуязычие было установлено в 1996 году, и начавшаяся реставрация советской модели касалась и статуса языков, означая продолжение советской русификации (Vekus, 2014, p.34; Vekus 2019). Русско-белорусское двуязычие лингвисты оценивают как несбалансированное, т.е. с закреплением за каждым языком определенных сфер применения, и поскольку русский язык занимает преимущественные позиции в деловой и общественной сферах, белорусский последовательно маргинализируется (Kittel et al., 2010).

“Неофициальность” белорусского языка, его “оппозиционность” привела также к разделению литературы на две конфликтующие сферы, что с позиций теории поля Пьера Бурдьё характеризуется следующим образом: “Belarusian-speaking literature could be characterized as the ‘elite’ pole in Bourdieu’s sense of ‘restricted production’, whereas literature in Russian language is regarded as ‘mass-oriented’² (and loyal to government)” (van Rees, 2012, p. 38). И более того, это разделение с позиции маргинализованного белорусскоязычия приводит к соответствующей эстетической оценке литератур: “...Belarusian = oppositional/autonomous = good literature vs. Russian = loyal/heteronomous = bad literature” (van Rees, 2012, p. 38).

Разделение литераторов Беларуси на два противоборствующих лагеря произошло не по языковому, а по политическому признаку, поскольку литература Беларуси исторически многоязычная, а современный социум толерантно двуязычный (Алешка 2013), что подтверждает тенденция к смешанным формам при выборе языка (Kittel et al., 2010). “Гибридная” идентичность может быть рассмотрена как “компонент общей постколониальной реальности” (“The linguistic repertoire of Belarusian society should be analysed, not in terms of vacillation between two languages (Russian and Belarusian), but as a component of general post-colonial reality” (Bekus, 2014, p. 48)), тогда как тенденции поляризации и разделения, приведшие в поле литературы к результату, описанному Кес ван Ресом, могут быть представлены как *реколонизация*, при которой реставрируется советская модель и происходит возвращение к зависимости от России. Институционально разделение привело к образованию двух писательских союзов – “провластного” Союза писателей Беларуси (СПБ) и “оппозиционного” Союза белорусских писателей³, а революция 2020 года стала кульминационным пунктом поляризации в обществе.

Задача статьи – показать, что легитимация русскоязычной литературы Беларуси в научном и школьном дискурсах происходила в соответствии с движением

² Характерна оценка Людмилы Синьковой, которая признает творчество русскоязычных писателей эпигонским по отношению к российским литературным стандартам, и в качестве образца выступает массовая литература (детективы Дарьи Донцовой, Татьяны Устиновой). Так характеризуется русскоязычная литература Беларуси в целом, с оговоркой “за редкими исключениями” (Синькова 2012, с. 110-111).

³ Союз белорусских писателей выражал несогласие с государственной политикой, и процесс распада организации, начавшийся в 1997, в 2005 привел к возникновению Союза писателей Беларуси, получившего все материальные ресурсы оппозиционного союза (Дом литератора, издательства, журналы и т.д.). Лояльность режиму отражена в самопрезентации официального писательского союза, отличающего себя от Союза белорусских писателей, “не признававшего законно избранную власть” (доступно на: <http://www.oo-spb.by/index.php?id=8>). В каждом из союзов были авторы, пишущие по-белорусски и по-русски, с преобладанием в провластном – русско-, а в оппозиционном – белорусскоязычных писателей. Союз белорусских писателей ликвидирован в 2021.

реколонизации, усилиями провластного писательского союза, в соответствии с государственной политикой. Под легитимацией подразумевается продвижение определенной концепции с помощью государственных структур (Национального института образования, Национальной академии наук Беларуси и др.) и утверждение ее в школьных программах и учебниках, в научных публикациях определенного круга литературоведов – членов провластного писательского союза, или аспирантов под их руководством. Частью той же стратегии является и издание поэтических антологий.

Понятие русскоязычной литературы Беларуси изначально дискутировалось в части своей принадлежности русской или белорусской культуре. В качестве средства обоснования для определения этой литературы как “русской”, а не “русскоязычной”, использовалась прямая апелляция к имперскому прошлому. Влиятельный литературный деятель Анатолий Аврутин создал проект “Западная Русь”, название которого напоминает о статусе белорусских земель в составе Российской империи, когда они назывались Северо-Западный край. Татьяна Алешка, анализируя полемику между двумя вариантами самоидентификации литераторов как русскоязычных и русских, отметила, что “первая формулировка предполагает, что русскоязычная литература – это часть белорусской литературы, написанной на русском языке, и таким образом выражает толерантную позицию двуязычного социума современной Беларуси. Вторая формулировка, с одной стороны, учитывает позицию той части литераторов, которые этнически являются русскими, но живут на территории Беларуси, или же тех, которые настолько прониклись идеями западнорусизма, что считают не только свои произведения частью русской культуры, но и страну всего лишь частью великой России...” (Алешка, 2013, с. 11). Идеи проекта, который реализуется совместно с информационным порталом “Империя”, разделяет, согласно ее наблюдениям, та часть писателей, “которая ориентирована на государственную идеологию и входит в СПб”, которым “ближе российский культурный императив, чем идеалы независимости и европеизма”, в основном это представители старшего поколения, “которые сохранили с советских времен ориентацию на Центр (Москву) и не признают автономность белорусского культурного поля” (Алешка, 2013, с. 8).

С 1999 Анатолий Аврутин возглавляет журнал “Немига литературная”, название которого объясняет следующим образом: “Как известно, некогда легендарная, упоминавшаяся еще в «Слове о полку Игоревом», река Немига уже много десятилетий течет под землей, упрятанная в железобетонные трубы. Так и русская литература в республике долгие годы считалась как бы не существующей, а ее представители

являли собой своего рода «людей из коллектора», творчество которых не замечалось десятилетиями... Был период, когда после распада СССР книги русскоязычных авторов Белоруссии вообще не включались в издательские планы, и даже Пушкин издавался, как... иностранный автор. Так продолжалось даже после всенародного Референдума 1996 года, конституционно уравнившего в правах русский язык с белорусским...” (Аврутин, 2011). Жалобы на ущемление своих прав, на отсутствие поддержки, апелляция к государственной политике – характерные для этого круга авторов риторические приемы, призванные представить себя как масштабное явление, заслуживающее внимания, признания и т.д. Повышение своего “символического капитала” (Пьер Бурдьё) писатели СПб производят при помощи впечатляющих званий и титулов. Например, процитированная выше публикация подписана Аврутиным с указанием должности главного редактора, а также статуса члена-корреспондента Российской Академии поэзии, Петровской Академии Наук и искусств. Обе академии являются общественными организациями и не имеют отношения к академической науке.

Писатели – члены СПб последовательно вели борьбу за символический капитал, который в поле литературы приобретает при помощи канонизации: прежде всего включения в школьные программы, учебники, научные труды, а также антологии, поскольку этот вид изданий обладает значением собрания лучшего или наиболее значимого. В силу ограниченного объема в данной статье приводятся только отдельные факты, тогда как реальные масштабы явления придется лишь наметить.

В 2003 году Анатолий Аврутин издал антологию “Современная русская литература Беларуси”, куда включил произведения 222 авторов. Небольшая по объему, антология представляла авторов минимально, т.е. главная задача этой антологии была в том, чтобы показать названную на обложке поэзию как явление, значительное прежде всего количественно. Также в антологии была предпринята попытка показать генезис “русской” поэзии Беларуси, т.е. представить эту поэзию как “исконное” явление, давно, а значит, с полным основанием существующее в Беларуси. “Великими предтечами” представлены Симеон Полоцкий, поэт 17 века, и Николай Минский (Виленкин), русский поэт-предсимволист (1855-1937).

Основанием для этого, вероятно, послужили факты рождения обоих поэтов на территориях, которые значительно позже вошли в состав современной Беларуси, а также их топонимические имена – Полоцкий и Минский. Творчество Симеона Полоцкого не было русскоязычным в связи с отсутствием в 17 веке русского

литературного языка, а Николай Минский родился в Российской империи и никакой связи ни с чем белорусским ни в его биографии, ни в творчестве нет. Выбор предшественников хотя и лишен каких-либо рациональных оснований, но весьма показателен, так как в биографии обоих персон важна связь с историей российских земель. Симеон Полоцкий переехал в Московское царство и был придворным поэтом и учителем. А Николай Минский родился на территории современной Витебской области, поскольку эти области находились в пределах черты оседлости, где с конца 18 века позволялось жить евреям. С одной стороны, эти фигуры призваны засвидетельствовать естественность такого явления, как “русскоязычная литература Беларуси”, с другой – они подчеркивают ориентацию на влияние России, доминирующую над белорусскими землями с давних пор.

Эта концепция была взята за основу при составлении школьной программы и вошла в учебники по русской литературе⁴. Раздел, посвященный русскоязычной литературе Беларуси, и соответствующие добавления в программу 8 и 11 классов появились в результате работы семинара в Национальном институте образования в 2006 с участием Анатолия Аврутина. Из современных авторов, продолжавших писать в 2000-х, в программу и учебники вошли только члены СПБ: председатель Николай Чергинец, сам Анатолий Аврутин, Сергей Трахимёнок, Анатолий Андреев, Валентина Поликанина и др. Таким образом, само понятие находилось еще в стадии становления, в процессе дискуссий, научные исследования еще не были начаты⁵, а канонизация авторов – членов СПБ уже состоялась. Сразу после возникновения новой организации писатели завоевали влиятельный ресурс – школьный канон.

Несмотря на то, что идея генезиса, предложенная Аврутиным, встречает возражения исследователей (Гниломедов 2013, с. 7), а введение этой литературы в школьный и вузовский канон было признано поспешным (Иванов 2011, с. 27), общая

⁴ Вопрос о том, частью какой литературы, русской или белорусской, является рассматриваемый феномен и в какой школьный курс должен быть включен, был решен, по всей видимости, административным путем.

⁵ Дискуссия состоялась в 2007 на страницах газеты “Літаратура і мастацтва” после публикации статьи Анатолия Андреева, в которой он предложил разделение русской и русскоязычной литературы на основании национальной “ментальности”, которую транслирует каждая из них (соответственно, русской или белорусской) (Андрэў, 2007). Проект Министерства образования Республики Беларусь «Русскоязычная литература Беларуси: генезис и образовательный потенциал» был утвержден в 2009; задание «Русскоязычная литература Беларуси в системе межкультурных взаимодействий» в рамках государственной программы научных исследований «История, культура, общество, государство» – в 2011. Оба проекта выполнялись в Могилевском государственном университете под руководством Алексея Иванова.

концепция, круг имен, в том числе и отсчет истории от Симеона Полоцкого, без изменений существуют в школьных учебниках 2021 года издания.

Среди научных работ, посвященных русскоязычной литературе Беларуси, преобладают работы авторства ученых - членов СПб, написанные под их руководством или на материале их творчества. Как правило, эти работы не решают научных проблем, поскольку выполняют прагматическую функцию: повышают значимость определенного круга писателей, в силу того что представляют их творчество как обладающее художественной ценностью.

Антология “Современная русская поэзия Беларуси” послужила материалом для статьи профессора Анатолия Гируцкого, авторитетного лингвиста и писателя. В его научных трудах последовательно использовалось понятие “русскоязычная литература Беларуси” (Гируцкий, 1985), художественный билингвизм исследовался как результат взаимодействия белорусского и русского языков, что понималось как существенный компонент “языковой ситуации в БССР” (Гируцкий, 1990, с. 6). Эти научные работы, созданные в советский период, не содержали выраженного национального или идеологического пафоса, рассматривали факты взаимовлияния языков, при этом использование белорусизмов дифференцировалось ученым и рассматривалось как прием, обусловленный “законами художественного творчества” или как факт интерференции, который “снижает идейную и эстетическую ценность художественного произведения” (Гируцкий, 1985, с. 188). Статья, опубликованная в 2005 на материале антологии Аврутина, не является собственно лингвистической, в большей степени она соответствует жанру литературной рецензии. Аналитическая часть начинается с тезиса о специфике современного этапа отношений России и Беларуси, которые перестали быть одной страной, однако авторы антологии сохранили ощущение “духовной общности двух народов”. Ученый выделяет в стихах мотивы сожаления о том, “что это уже не та общность, многое разрушено, утеряно” (Гируцкий, 2005, с. 69), мотивы тревоги за Россию, невозвратной потери и т.д. Представляя авторов антологии как целостность, Гируцкий сделал их выразителями пост-имперской ностальгии, а сочувственное изложение свидетельствует о его собственной постсоветской травме.

Белорусизмы рассматриваются им на примере стихотворений Анатолия Аврутина, и в их характеристиках отсутствует анализ, доказывающий художественную целесообразность их использования, все утверждения хвалебны и оценочны: Аврутин “тонко чувствует изобразительно-выразительные возможности белорусского слова в русском поэтическом тексте”, “лексико-стилистический белорусизм... органически

вписанный в глубокий философский смысл стиха, подчеркивает привязанность судьбы поэта к судьбе родной белорусской земли”, белорусизмы придают “философии стиха экспрессию и лиричность” и т.д. Вновь говорится о единстве “двух братских народов – белорусского и русского”, об “общности судеб” (Гируцкий, 2005, с. 71).

Этот мотив, который ретранслирует миф советского колониального дискурса о дружной семье советских народов во главе со “старшим братом”, встречается во многих научных трудах белорусских ученых. С тезиса о восточнославянской общности начинается 90-страничное предисловие двухтомной антологии “Поэзия русского слова”, подготовленной в Национальной академии наук Беларуси. Этот тезис сопровождает обширная ссылка с перечислением научных трудов, посвященных истории белорусско-русских и белорусско-украинских взаимосвязей, с характерной первой позицией перечня – работой Наума Перкина “В семье братских литератур” (1967). В список вошли и позднейшие труды, например 4-томное академическое издание (1993-1995), в котором идея белорусско-русской культурной близости и “братства” является ведущей. Авторы предисловия сразу подчеркивают “провинциальность” русскоязычной литературы Беларуси, поскольку центрами являются Москва и Петербург (Гниломедов, 2019, с. 7), куда и были “обращены взоры молодых провинциальных поэтов” (Гниломедов, 2019, с. 10). Точкой отсчета и позицией, с которой производится оценка, избирается Российская империя, что позволяет авторам констатировать недостаточный уровень развития белорусской литературы. Это обосновывается следующим образом: “Белорусская и русская литературы начала XX века существенно отличались уровнем идейно-эстетического развития... У белорусов к этому времени во многом еще сохранился фольклорный тип культуры, направленный на обслуживание духовно-практических потребностей человека. О белорусах, о их эмпирическом гносисе говорят (и с этим отчасти можно согласиться), что они не пережили эпохи Средневековья (в общеевропейском смысле) и что их дух, мышление не спиритуализировались, т.е. не достигли достаточной степени абстрагированности, субстанциональности. Отсюда – наивная непосредственность мировосприятия, наглядность образов, предметность художественного мышления, некоторая приземленность представлений, скромный интерес у писателей к внутреннему миру человека, его духовной жизни” (Гниломедов, 2019, с. 10). Оставляя в стороне вопрос о корректности этого высказывания, базирующегося на обобщенном представлении, которое существует априори (“говорят, что...”), обратим внимание на то, что уровень развития белорусской литературы

оценивается как недостаточный по сравнению с русской, а также на то, что качества белорусской литературы выводятся из стереотипных качеств нации. И далее, развивая мысль о конкретности и предметности, авторы характеризуют их положительно – как “сочность”, колоритность белорусского слова (Гниломедов, 2019, с. 24-25)

Сопоставление национальной литературы с русской и признание недостаточной развитости воскрешает идею “многонациональной советской литературы”, в которой всем, кроме русской, отводилась роль меньшинства со всеми признаками подчиненности и вторичности (Veryna 2023, p. 151-152). Так и “сочность” белорусского слова, признанная одновременно с отрицанием действительного уровня развития, – наследие имперского представления о “малой” литературе, существующей на периферии “большой” и соперничающей с ней⁶. Рональд Григор Суни подчеркнул особый характер дозволенной в рамках советской империи самостоятельности – культурной, однако сосредоточенной только на этнолингвистической специфике: “The Soviet empire had created territorial nations, with their own state apparatuses and ruling elites. Each had the trappings of any sovereign state, from the national opera house to a national flag and seal, but without real sovereignty or the right to full political expression. What Tom Nairn calls a "reservation culture" had been established: *ethnolinguistic culture* without political nationalism was the only permissible, "healthy" nationhood” (italics mine. – U.V.) (Suny, 1993, p. 111-112).

Параллель между национальной политикой 1920-30-х годов и современными процессами провел Илья Кукулин, отметив, что уничтожение модернизма в национальных литературах и замена его на литературу, созданную в “фольклорно-народном духе”, “означала переход от отношения к малым культурам СССР как к равным – к восприятию малых культур как в первую очередь фольклорных, ‘национальных по форме и социалистических по содержанию’. Таким образом, политика поддержки национальных культур в СССР с конца 1920-х годов приобрела явные черты культурного империализма... <...> ‘Архаизирующая’ и ‘фольклоризирующая’ норма сохранялась на протяжении 1960-1980-х годов как один из необходимых инструментов советской культурной политики: в случае необходимости советские культуры представляли в публичном пространстве как вневременные и экзотизированные. В ‘списке 100 книг’ (речь идет о списке, созданном

⁶ “Малая” литература может пониматься оценочно, как проигрывающая некой “большой”, а также как литература, написанная на языке меньшинства внутри “большого” и главенствующего языка (Deleuze, 1975). Оба значения связаны с понятием меньшинства, неравенства, приобретающим колониальный оттенок, когда оценка литературы производится с позиции более сильной стороны.

по указу президента России в 2012 и вошедшем в российский школьный канон. – У.В.) эта норма превращается в главную...” (Кукулин, 2020).

В рассмотренном выше предисловии можно найти характерный фрагмент: после долгого перечисления достоинств (величия, богатства, самодостаточности и т.д.) русской литературы и “трудностей” белорусской литературы, борющейся за “извечное стремление ‘людьми зваться’” (Гниломедов, 2019, с. 26), задается вопрос: какова же русскоязычная литература Беларуси? Несмотря на то, что авторы пишут о ее двойной принадлежности, они постоянно подчеркивают высокие достоинства этой литературы, т.е. всеми силами приближают ее “уровень” к русской⁷. В то же время, гетерономность, сервильность имеют своим неизбежным следствием низкий эстетический уровень, что и демонстрирует, в частности, поэзия авторов, введенных в школьный канон: их декларативная “русскость” в стихах не преодолевает уровня клише, расхожего стереотипа (Иванов, 2013).

Русскоязычная литература Беларуси вместо того, чтобы исследоваться как действительно сложное и гибридное явление, была поставлена в положение между русской и белорусской литературами, которые в свою очередь оказались в ситуации сравнения, причем в своих стереотипических чертах, воскрешающих колониальный дискурс. С началом полномасштабной войны России против Украины многие авторы отказались от русского языка, но это не является единственным средством деколонизации и решением проблемы, когда речь идет об исторически транснациональных культурах. Исследование современного состояния русскоязычной литературы Украины привело к подобному выводу: “...This literature's vector of dissociation from Russia (at least, as conceived by its current creators) is already a matter of decolonization and liberation, of unlocking and delimiting, as opposed to Russian literature, whose traditional and by now anachronistic definition invariably conjures up aspects of ethnonationality, the Russian state, and a specific Russian literary tradition. All this colonial homogeneity dissolves, at least in part, when we introduce Ukrainian literature as a multicultural and multilingual product – a phenomenon composed of several literary traditions and experiences, and their interbreedings” (Averbuch, 2023, p. 160).

⁷ Как уже отмечалось, не решение научной проблемы, а своего рода “свидетельство о литературе”, о ее сложности, развитости и т.д. – важнейшие импульсы многих научных работ. Яркий пример – защищенная в 2022 в Национальной академии наук диссертация Екатерины Сердюковой “Интертекстуальность в русскоязычной поэзии Беларуси второй половины XX – начала XXI в.”. Диссертация защищена по специальности “Теория литературы”, научный руководитель – профессор Анатолий Андреев.

Декolonизация научного дискурса и школьного канона позволит представить явление русскоязычной литературы Беларуси в его эстетически значительных образцах, поскольку оно включает не только “провластных” авторов, но и целый ряд независимых писателей, многие из которых получили международное признание (Светлана Алексиевич, Дмитрий Стрoцев, Саша Филипeнко, Тaня Скарынкiна, Константин Михеев и др.). Сложность настоящего момента: продолжающиеся репрессии в стране, эмиграция ученых, писателей и издателей, – не позволяют наметить какой-либо определенной перспективы, однако “вектор отделения” русскоязычной литературы Беларуси от России как деколонизирующий акт, безусловно, необходим.

Список литературы

- AVERBUCH, Alex. Russophone literature of Ukraine: self-decolonization, deterritorialization, reclamation. In: *Canadian Slavonic Papers*, 2023, 65:2, p. 146-162. ISSN 0008-5006.
- BEKUS, Nelly. “Hybrid” Linguistic Identity of Post-Soviet Belarus. In: *Journal on Ethnopolitics and Minority Issues in Europe*, 2014, vol. 13, No 4, p. 26-51. ISSN 1617-5247.
- BEKUS, Nelly. Belarus’s Winding Path to a Post-Soviet Identity. In: *Current History*, 2019, vol. 118, No 810, p. 258-264. ISSN 0011-3530.
- DELEUZE, Gilles, GUATTARI, Félix. *Kafka. Pour une littérature mineure*. Les éditions de minuit, 1975. ISBN : 978-270-7300584.
- KITTEL, Bernhard, Diana, LINDNER, Sviatlana, TESCH, and HENTSCHEL, Gerd. Mixed Language Usage in Belarus: The Sociocultural Background of Language Choice. In: *International Journal of the Sociology of Language*, 2010, issue 206, p. 41-71. ISSN 0165-2516 / 1613-3668.
- SUNY, Ronald Grigor. *The revenge of the past: nationalism, revolution, and the collapse of the Soviet Union*. Stanford, California: Stanford University Press, 1993. ISBN 0-8047-2247-1.
- VAN REES, Kees. Field, Capital and Habitus: A Relational Approach to ‘Small’ Literatures. In: KOHLER, Gun-Britt, NAVUMENKA, Pavel & GRÜTTEMEIER, Ralf hrsg. *Kleinheit als Spezifik: Beiträge zu einer feldtheoretischen Analyse der belarussischen Literatur im Kontext „kleiner“ slavischer Literaturen*. Oldenburg: BIS-Verlag der Carl von Ossietzky Universität Oldenburg, 2012, p. 15-56. ISBN 978-3-8142-2270-7.
- VERYNA, Ulyana. Russian-Language Writers in the Transnational Literary Space of Belarus in the 1920s–early 1930s: Paradoxes and the Inevitability of the Collective Project’s Failure. In: *Studia Białorutenistyczne*, 2023, 17, p. 139-158. ISSN: 1898-0457.
- НАВУМЧЫК, Сяргей. *Сем гадоў Адраджэньня, альбо Фрагмэнты найноўшай беларускай гісторыі (1988–1995)*. Варшава: Беларуская ведамасьці, Прага: Člověk v tísni, 2006. 140 с. ISBN: 80-86961-11-7.

- АВРУТИН, Анатолий. В служении русскому слову. In: *Западная Русь*, 01.08.2011 [online]. Dostupné na: <http://zapadrus.su/partnery/novaya-nemiga-literaturnaya/ozhurnale/402-2011-08-01-15-00-40.html>.
- АЛЕШКА, Татьяна. Современная литература Беларуси: двойной контекст. In: Светлана Гончарова-Грабовская (ред.). *Научные труды кафедры русской литературы БГУ*, вып. VIII. Минск: РИВШ, 2013, с. 3-17. ISBN 978-985-500-694-8.
- АНДРЭЎ, Анатолий. Русская літаратура Беларусі. In: *Літаратура і мастацтва*, 2007, 23 лістапада, с. 14.
- ГИРУЦКИЙ, Анатолий. Языковые особенности русскоязычной художественной литературы Белоруссии. In: МИХНЕВИЧ, Арнольд ed. *Русский язык в Белоруссии*. Минск: Наука и техника, 1985, с. 179-199.
- ГИРУЦКИЙ, Анатолий. *Белорусско-русское двуязычие в художественной литературе: типология, история, языковые процессы* [автореф. дисс. на соискание ученой степени доктора филологических наук]. Минск: Белорусский государственный университет имени В.И. Ленина, 1990.
- ГИРУЦКИЙ, Анатолий. Русскоязычная поэзия Беларуси в контексте двуязычия (на материале антологии “Современная русская поэзия Беларуси” (сост. А. Аврутин. Мн., 2003). In: *Весці Беларускага дзяржаўнага педагагічнага ўніверсіэта*, 2005, серыя 1, № 2, с. 69-72. ISSN 1818-8559.
- ГНИЛОМЕДОВ, Владимир. *На рубеже времен: русскоязычная поэзия Беларуси*. Минск: Галіяфы, 2013. ISBN 978-985-6906-96-4.
- ГНИЛОМЕДОВ, Владимир, МИКУЛИЧ, Микола. Место рождения – слово, или Где прожил жизнь – там родина... In: ГНИЛОМЕДОВ, Владимир, МИКУЛИЧ, Микола (ред.). *Поэзия русского слова: антология современной русскоязычной поэзии Беларуси*, в 2 т. Минск: Беларуская навука, 2019, т. 1, с. 7-96. 978-985-08-2492-9.
- ИВАНОВ, Алексей. К вопросу о создании истории русскоязычной литературы Беларуси. In: ЛАЎШУК, Аксана (рэд.). *У ракурсе сучаснага асэнсавання: міжкафедральны зборнік навуковых прац*. Магілёў: МДУ імя А.А. Куляшова, 2011, вып. 5: Філалогія, с. 27-31.
- ИВАНОВ, Алексей. Этнокультурные стереотипы в русскоязычной поэзии Беларуси. In: ЛАЎШУК, Аксана (рэд.). *У ракурсе сучаснага асэнсавання: міжкафедральны зборнік навуковых прац*. Магілёў: МДУ імя А.А. Куляшова, 2013, вып. 6: Філалогія, с. 50-54.
- КУКУЛИН, Илья. Русская литература во главе “младших братьев” (эпизод из новейшей истории российского школьного образования) [online]. In: *Новое литературное обозрение*, 2020, №6 (166) [cit. 2024-03-23]. Dostupné na: https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/166_nlo_6_2020/article/22961/
- СІНЬКОВА, Людміла. Спецыфічнае асэнсаванне нацыянальнага ў беларускай літаратуры ХХ стагоддзя. In: КОЛЕР Гун-Брыт, НАВУМЕНКА, Павел (уклад.). *Погляды на спецыфічнасць “малых” літаратур: беларуская і ўкраінская літаратуры*. Мінск: Паркус-плюс, 2012, с. 99-115. ISBN 978-985-90192-8-9.

Ульяна Юрьевна Верина / Ulyana Yu. Veryna
доктор филологических наук, доцент, Dr.Sc, docent
Carl von Ossietzky University of Oldenburg, Institute of Slavic Studies
Ammerländer Heerstraße 114-118, Oldenburg, Germany
E-mail: ulyana.veryna@uni-oldenburg.de
ORCID ID: 0000-0002-6015-7160

Средства перевода реалий и мифологем в лингвокультурологическом измерении

(на материале переводов романа М.Булгакова “Мастер и Маргарита” на украинский,
польский и словацкий языки в сопоставлении с его англоязычной интерпретацией)

Олег Тищенко

доктор филологических наук, профессор
Университет Св. Кирилла и Мефодия в Трнаве,
г.Трнава, Словакия

Абстракт: В статье осуществлен структурно-семантический анализ прагматических единиц с компонентом *черт* в романе М.Булгакова “Мастер и Маргарита”, выяснены основные отличия моделей их лексической и синтаксической номинации в составе возможных переводческих трансформаций, представлены лексико-грамматическая и прагмасемантическая специфика эквивалентов. Представлена краткая количественная параметризация соответствующих коллокаций в отдельно взятой целевой интерпретации (синтагматические конструкции в украинских переводах). Материалом для исследования послужили переводы романа М.Булгакова на украинский, польский и словацкий языки; частично использован также перевод романа на английский язык М.Гленни. Такой подход дал возможность выявить способы категоризации ментальных и эмоциональных состояний героев романа (угрозы, проклятия иные эмотивы и экспрессивы, эмоциональные междометия, лексические маркеры мифологем).

Ключевые слова: образ черта, инвектива, трансформация, междометная фразеология, структурно-семантическая модель, перевод реалий.

Means of translating realities and mythologems in the linguistic and cultural dimension

(based on translations of M. Bulgakov’s novel “The Master and Margarita” into Ukrainian,
Polish and Slovak languages in comparison with its English interpretation)

Abstract: In the article the structural and semantic analysis of pragmatic units with the component of traits in M. Bulgakov's novel "The Master and Margarita" is carried out, the main models' differences of their lexical and syntactic nomination in the composition of possible translation transformations are clarified, lexico-grammatical specifics of equivalents are presented. A brief quantitative parameterization of the corresponding collocations in a separate target interpretation (syntagmatic constructions in Ukrainian translations) is presented. The material for the study were translations of M. Bulgakov's novel into Ukrainian, Polish and Slovak languages; M. Glennie's translation of the novel into English was also partially used. This approach made it possible to identify ways of categorizing the mental and emotional states of the novel's characters (threats, curses and emotives, expressives, emotional interjections, lexical markers of mythologems).

Keywords: image of a devil, invective, transformation, inter-domantic phraseology, structural-semantic model, translation of realia.

Роман М.А. Булгакова “Мастер и Маргарита” считается одним из самых загадочных романов XX века. По мнению Е.М.Кирсановой, интерпретация булгаковского поликодового текста чрезвычайно сложна для герменевтического и лингвокультурологического анализа и не может быть однозначной (Кирсанова, 2016, с.212). Сложность и многоплановость текста романа дала импульс различным направлениям в изучении романа. Исследователей привлекла возможность разнообразного истолкования и пристального рассмотрения тончайших деталей его структуры, семантических и семиотических аспектов интерпретации. Этой теме посвящены исследования Б.М. Гаспарова, Б.В. Соколова, Е.А. Яблокова и других исследователей.

Как замечает Н.Н. Миронова, произведения М.А. Булгакова, “обладают самыми сложными семиотическими и культурными кодами в отображении национальной культуры России, в их многонациональном разнообразии” (Миронова, 2016, с.322).

Поскольку дискурсивные кросс-культурные особенности, как признаки культурных, семиотических и семантических кодов русской культуры, опосредованные временными параметрами 20-х годов XX века, вошли в качестве вторичных кодов в принимающие культуры их интерпретация в разных культурах оказывается довольно сложной (Миронова, 2016, с. 321).

Целый ряд исследований посвящен определению стилистической роли эмоционально-оценочных слов разных частей речи в переводах романа М.Булгакова “Мастер и Маргарита” на разные языки (Есакова, Кольцова, 2016, с. 124), в частности и на английский (Полубиченко, 2020, с. 83). Литвин Ф.А. подробно освещает функционирование названий животных в их характерологическом и оценочном аспекте в русском, английском, немецком и французском языках на материале параллельных текстов романа и девяти его переводов (Литвин, 2015, с. 105). В одной из моих совместных разработок обращено внимание на средства передачи идиомов-аналогов, культурем и интернационализмов в романе М.Булгакова на четыре языка (Тищенко, Спишьякова, 2021, с. 263).

Настоящая статья посвящена лингвокультурологической и сопоставительной категоризации образа ЧЕРТА (как мифологемы и инвективы) в параллельном художественном корпусе на материале перевода романа М.Булгакова “Мастер и Маргарита” на украинский, польский и словацкий языки в прагматическом аспекте. В ней рассматриваются устойчивые лексические коллокации с компонентом *черт* и его синонимы в составе разных прагматических контекстов и речевых, главным образом,

экспрессивных ситуаций. Отметим, что словацкий исследователь Ян Ференчик считает “тенденцию употреблять как можно более экспрессивные формы скорее нарушением принципа формальной тождественности оригинала и перевода, при этом допускается изменение формы в переводе лишь во имя необходимости адекватно выразить содержание” (Ferenčík, 1982, с. 63).

Материал исследования. Исследование осуществлено на основе составленного параллельного корпуса, содержащегося в GRAK (<https://uacorpus.org>), который включает переводы романа М.Булгакова на украинский язык: более старый перевод (в орфографии 1928 г.) Юрия Некрутенко (2006) (TL2) и более современный М.Белоруса (2017) (условное обозначение (TL1) . Оцифрованный оригинал романа на русском языке, опубликованный по последней прижизненной редакции с исправлениями и дополнениями, сделанными под диктовку писателя его женой Еленой Булгаковой, получен из ресурса <https://2queens.life/Articles/Biblioteka-Skachat-elektron>. Кроме этого использованы 2 версии перевода романа на польский (Bułhakow M. Mistrz i Małgorzata; пер. I. Lewandowska, W. Dąbrowski. – 13-е изд. Warszawa: Czytelnik, 1995 (TL3) и словацкий языки (Bulgakov, M.: Majster a Margaréta. Bratislava: Slovart 2019, 381 s.) (TL4). В отдельных случаях поданы параллели из англоязычной версии перевода романа (The Master and Margarita Mikhail Bulgakov. Translated from the russian by Michael Glenny. Published by Collins and Harvill Press, London, 1967) (TL5).

Категоризация прагматики соответствующих формул и коммуникативных высказываний, связанных с образом черта представляется следующим образом. Это в основном **отсылы** (с формальными синтаксическими и грамматическими маркерами *Да ну..., пошел ты, черт бы вас/их побрал*), прагматические конструкции со значением **угроз и сходных перформативных речевых актов**, связанных с проклятиями, ругательствами, или инвективами и т.п; **междометная фразеология**, в которой содержатся эмотивы – **возгласы, восклицательные конструкции** со значением удивления, негодования гнева (*Куда тебя черти несут..., На кой черт тебе... ср., укр. А нехай тобі дідько!* – крикнув редактор). И, наконец, представлены и **семиотические локусы отдаленности, неизвестности** в их разных вариантах (*черт знает куда/откуда, у черта на куличках*), **заклинательные конструкции, близкие к оберегам**, защите от нечистого (типа *Тьфу ты, черт*), реже встречаются **злопожелания, как бы обращенные на самого субъекта** (*черти б меня/его, их взяли, черт меня побери*).

Что касается краткой количественной справки об употреблении данных единиц и их синонимических коррелятов в украинской версии перевода романа, то она выглядит следующим образом: Лексема *черт* в переводе Н. Белоруса (TL1) используется 35 раз, у Ю.Некрутенко (TL2) – 53. Лексема *біс* (TL1) представлена 21 раз, у Ю.Некрутенко (TL2) – 8. Лексема *дідько* у Н.Белоруса (TL1) употребляется только 2 раза, у Ю.Некрутенко (TL2) – 7. Все эти контексты употребляются в тексте романа в устойчивых конструкциях и фразеологических связях. То есть прямое, номинативное значение данных слов, например *Коровьев – он черт* и под., во внимание не принимались. Обратим внимание и на то, что лексема *черт* обнаруживает более широкую синтагматику, чем ее украинский синонимический эквивалент *дідько* (это видно на рис. 5).

Синтагматическая конструкция	Белорус (TL1)	Некрутенко (TL2)
modifiers of "чорт"	Він: 1, який: 1, ти: 3, він: 1, усі: 0	0, 0, 2, 1, 2
"чорт" and/or ...	перекладач	0
verbs with "чорт" as object	сипати: 1, заходитися: 1, йти: 0, чинитися: 0, брехати: 0	0, 0, 1, 1, 1
"чорт" на ...	річка	0
... у "чорт"	тут	1
"чорт" в ...	зуб	1
... в "чорт"	тут	0
"чорт" з ...	Москва	0
"чорт" із ...	Москва	1

Рис. 5: Синтагматические конструкции с лексемой *черт* в переводах Некрутенко (TL2) и Белоруса (TL1)

Таблица показывает, что только в 3-х случаях есть совпадения коллокаций в обоих переводах, причем в одних и тех же контекстах для выражения возгласов: *ух ты черт* = *тьфу ты черт*. Отметим, что каждая синтагматическая конструкция была проверена по контексту, ведь автоматическое определение не всегда может быть корректным, особенно в случаях фразеологизированных выражений. Привлечение межъязыковых соответствий в других целевых интерпретациях (польская и словацкая (и фрагментарно английская) версии переводов дают возможность проследить средства передачи образности или ее утраты, связанной с данными единицами, а также средства лексико-грамматических и фразеологических (метафорических) замен, или

переводческих трансформаций. Далее кратко продемонстрируем результаты анализа переводческих трансформаций на материале избранных контекстов с их фрагментарными комментариями.

Структура и семантика отсылов в оригинале и переводе

Отсыл – прагматическая формула, которая употребляется в ситуации, когда прогоняют или отпускают кого-нибудь с негодованием, возмущением; с дополнительным элементом значения ‘желание избавиться от кого-либо’ с коннотативным оттенком интенсивности движения и удаленного, нечистого локуса. Структура **отсылов** в русском языке выглядит следующим образом: **(формула-модель да ну тебя + ЛОКУС (черт или его заменитель))**; в одной из целевых украинских версий перевода типичный вариант данной формулы выглядит так **(TL2) локус + предложно-падежная форма с дополнительным квантитативным квалификатором, или актантом** – *три чорти, під три чорти*. Аналогичная конструкция обнаружена и в словацкой ЯКМ. Обратим внимание и на то, что в польском тексте **(TL3)** ключевое слово передано синонимом с грамматической заменой формы числа (Pluralia) – *diabli*; последнее выступает как субъект в составе предикативной конструкции с побудительной модальностью (*niech*) *diabli wezmą*; при сравнении структуры словацкого эквивалента обнаруживаем, что императивная модальность маркирована глаголом. В украинском переводе **(TL1)** осуществлена синонимическая замена слова *черт* словом *бес* (со значением неопределенного множества – *до біса*). Некоторые исследователи при переводе произведений М.Булгакова на английский язык прибегают к дословному и описательному переводу подобных единиц, а также к фразеологической аналогии. Примером описательного перевода является перевод выражения *Да черт их возьми, олухов* М.Гленни – *May they rot in hell, the blockheads*, который переводится как “гнить в аду”.

TL4	TL3	TL1	TL2	ORIGINAL
<i>Bodaj ich čert zobrał, somárov!</i> Schmatli ma, po viazali voľajakými handrami a odvliekli na	<i>Cholera ich tam wie, idiotów!</i> Złapali, związali jakimis szmatami i przywieźli	<i>Та чорт би їх побрав, йолопів безмізких!</i> Схопили, зв'язали якимсь ганчір'ям і притарабанили	<i>Та чорт би їх побрав, тих йолопів!</i> Схопили, зв'язали якимось ганчір'ям і поволокли на вантажівці.	<i>Да черт их возьми, олухов!</i> схватили, связали какими-то тряпками и поволокли в грузовике!

nákladiaku!	ciężarówką!	на вантажівці!		
-------------	-------------	----------------	--	--

Во всех сопоставляемых языках, где более менее сохранена семантико-грамматическая структура и прагматическая тональность формул пожелания с наличием грубых инвективов (*олух, йолоп, idiot* и т.д.), а в словацком к тому же представлена и формальная маркированность проклятия – *Bodaj ich*. В польском тексте ругательство *czert* лексически заменено более привычным экспрессивом *cholera*, т.е осуществлена лексическая замена ругательства в и изменена синтаксическая структура высказывания. Переводчик на английский актуализировал другой семантический контекст, связанный с инвективой, более умеренный, несколько сглаживающий эмоциональный накал – *болван* (ср. словацк. *čert zobral, somárov!* – *черт забрал ослов!*), а также осуществлена замена слова *czert* в английском (TL5) на *God: God knows, the blockheads!* They grabbed me, tied me up with some filthy rags and dumped me in a lorry!

TL4	TL3	TL1	TL2	ORIGINAL
<i>Nech ich para tlačí!</i> Čo sa tu krútim ako taký somár?!“ Odkopol ich a prestal na ne hľadieť	<i>Niech je szlag trafi!</i> По <i>kiego licha</i> zawracam sobie nimi głowę jak idiota?...” — kopnął serwety i w ogóle przestał na nie patrzeć	<i>Ta nu їх к бісу!</i> Що я, справді, як дурень, кручусь?..” — відкинув їх ногою і не дивився на них більше	<i>Ta nu їх до біса!</i> Що я, справді, як дурень, верчусь?..» — відкинув їх ногою й перестав на них дивитися	<i>Да ну их к черту!</i> Что я, в самом деле, как дурак верчусь?..» — отшвырнул их ногой и перестал на них глядеть

TL5: To hell with them! Why should I crawl around after them?

Итак, при значительной типологической общности данных формул-отсылов наблюдаем и отличия: в английском переводе произведена лексическая замена словом *hell*; в (TL3) актуализировано традиционное грубое проклятие с другой образностью вместе с усилением экспрессии при помощи восклицательного интеррогатива (*kiego licha* – *какого черта*); сходную символическую образность, но отсылающую мифологеме *Parom* наблюдаем и словацком языке.

TL4	TL3	TL1	TL2	ORIGINAL
Vy ste ale otravný chlap, Nikolaj	Ach, jaki pan jest nudny, Mikołaju	Ох, і нудний же ви тип, Миколо Івановичу! — дали	Ах, який же ж ви нудний тип, Миколо Івановичу! — вела	Ах, какой вы скучный тип, Николай Иванович, —

Ivanovič,“ povedala Margaréta... sa s vami lúčim! Nech vás všetkých vezme čert!	Iwanowiczu! — ciągnęła Małgorzata... — z wami rozstaje! A niech was diabli wezmą!	вела Маргарита... з вами розлучаюсь! Ну вас до бісової матері!	далі Маргарита... з вами розстаюся! Ну вас ік чортовій матері!	продолжала Маргарита... с вами расстаюсь! Ну вас к чертовой матери!
--	--	---	--	--

Обратим внимание на формальные и смысловые модификации; в польском и словацком переводах актуализированы формальные структуры перформативов-проклятий с незначительными морфологическими отличиями компонентов, а в оригинале и **TL1** **TL2** им соответствуют обычные формулы отсылов к нечистому отдаленному локусу (с расширением *к чертовой матери*), а в **TL5** опять-таки выступает образ ада (Oh how you bore me, Nikolai Ivanovich! Margarita went on. You all bore me inexpressibly and I can't tell you how happy I am to be leaving you! You can all *go to hell!*)

TL4	TL3	TL1	TL2	ORIGINAL
skončil veľmi zle , na jeho truhlici s valutami a drahokamami ho trafil šľak	skończył paskudnie, skonał w cholere na apopleksję , na swoim kufrze z walutą i kamieniami szlachetnymi	скінчив він дуже кепсько, помер к бісовій матері від удару на своїй скрині з валютою та камінцями	скінчив дуже зле, помер ік чортовій матері, бо грець його побив на своїй скрині з валютою та коштовностями	кончил очень скверно, помер к чертовой матери от удара на своем сундуке с валютой и камнями

Если внимательно присмотреться к данным параллелям, то можно заметить следующее. В украинской версии (**TL2**) при трансформации переводов произошло расширение за счет введения экспрессивного аналога *черта – грець побив** в составе проклятия; в польском переводе произошло опущение, лексическая замена словом с другой мотивацией, но и усилительной коннотацией (при дополнительной актуализации возгласа *w cholere* и пейоративного глагола *skonać*) и сохранении общей прагматической тональности коммуникативной ситуации. В **TL4** происходит демотивация ключевой лексемы и ее замена нейтральной и свободной синтаксической конструкцией, без заметной экспрессивности. В то же время в **TL3** актуализируются идея болезни – *apopleksję* и стилистически сниженный экспрессив – *ho trafil šľak* как реликта проклятия*. И что касается **TL5**, то здесь любая образность не воспроизводится: That knight saw himself as a Casanova; but as you saw, nothing came of

his efforts, no nymphs threw themselves at him, the muses refused him their tribute, he built no palaces and instead he finished miserably after an attack on his hoard of money and jewels.

Что касается обозначения идеи отдаленного пространства и других хронотопных смыслов, то эти культурные смыслы практически изоморфны в во всех лингвокультурах. При этом прослеживаются незначительные структурно-семантические вариации этих конструкций. Так, в **TL 2** представлен неопределенно-локативный наречный вербализатор с предложно-именной конструкцией – *desť níd usí чорти на річку*, – который практически полностью совпадает со словацким переводом – *kamsi ku všetkým čertom* и оригиналом), а в польском переводе актуализирована поговорка, эквивалентом которой выступает русский оборот (*у черта на куличках/кулички*) – *gdzie diabeł mówi dobranoc*. Например, *W swoich opowieściach o tym, jak w powietrzu wiózł na grzbiecie naga służącą gdzieś nad rzekę, do kąpieli, gdzie diabeł mówi dobranoc*, і о poprzedzającej to wszystko historii z pojawieniem się w oknie nagiej Małgorzaty.

Некоторые междометные фраземы (с оттенком предупреждения), полностью совпадая в сопоставляемых контекстах по форме и содержанию, могут отличаться компонентно-образным составом только в одном из переводов; при этом ключевая лексема *черт* или ее заменители также отсутствуют. Речь идет об обороте *черт знает что/кто/чего/где*, выражающем неуверенность, необознаность, недоумение 'неизвестно кто или что, деятельность некоего (неизвестного) субъекта может привести к нежелательным последствиям'. Этот оборот также имеет многочисленные структурно-семантические вариации. К тому же прослеживается вариативность коллокаций в польском, при разной дистрибуции актантов-распространителей (квалификаторов, с которыми соединяется ключевой, основной глагольный компонент, ср. *tu diabli wiedzą jak narozrabia!*). Что касается словацкого перевода, то в этом случае, конечно же, наблюдается и меньший заряд экспрессии и утрата компонента черта в составе высказывания. Сравним русский оригинал со словацкой целевой интерпретацией: Да ведь он тут **черт знает, чего натворит!** – *Ale ved' on tu môže povyustrájat' strašné veci!*

TL4	TL3	TL1	TL2	ORIGINAL
Margaréta zbledla, odtiahla sa, povedala:	Małgorzata odsunęła się gw altow nie i	Маргарита зблідла і сахнулася. — 3 цього	Маргарита зблідла й відсахнулася. — 3 цього впрост і треба	Маргарита побледнела и отшатнулась. – С этого прямо и нужно

„Tým ste mali začat' a nie tárat' o odrezanej hlave! Chcete ma zatknúť?”	zbladla. — Od tego trzeba było zacząć powiedziała — zamiast pleść diabli wiedzą co o jakiejś uciętej głowie!	безпосередньо і треба було починати, — заговорила вона, — а не молоти чортзна-що про відрізану голову!	було починати, — промовила вона, — а не молоти чорт зна-що про відрізану голову!	было начинать, — заговорила она, — а не молоть черт знает что про отрезанную голову! Вы меня хотите арестовать?
---	---	---	---	--

(TL 5) Margarita paled and edged away. Why didn't you say so at once,' she said, **instead of making up that fairy tale about a stolen head?** Have you come to arrest me? Приведенные примеры убеждают нас в том, что синонимические компенсационные замены осуществлены прежде всего в английском и словацком переводах (вместо *молоть черт знает что* – придумать что-то, рассказывать сказки) при совпадении по компонентному и лексическому составу эмоциональных конструкций в остальных языках. Очевидно, что в английском переводчик подобрал образный аналог, а в словацком метафорическая (фразеологизированная) экспрессивная конструкция подлинника заменена моноксемным соответствием – *tárat'*, которому присущ оттенок разговорности (т.е. болтать, трепаться, разглагольствовать).

Другие междометные формулы, близкие к отсылкам

TL4	TL3	TL1	TL2	ORIGINAL
Čo je to so mnou? Toto sa mi ešte nikdy nestalo... srdce ma hnevá... som prepracovaný... Asi je najvyšší čas na všetko sa vykašpať a šmyknúť do Kislovodska...	Co się ze mną dzieje? Nigdy jeszcze to mi się nie zdarzyło. Serce nawala. Jestem przemęczony... chyba czas najwyższy, żeby rzucić wszystko w diabły i pojechać do Kislowodska...	Що це зі мною? Такого ніколи не було... серце каверзує... я перевтомився... Мабуть, пора кинути все до біса і в Кисловодськ...	Такого ніколи не було... серце... дається взнаки... я перевтомився. Чи не пора кинути усе під три чорти й геть до Кисловодська...	Что это со мной? Этого никогда не было... сердце шалит... я переутомился. Пожалуй, пора бросить все к черту и в Кисловодск...

Во всех языках структурная модель одинакова з незначительними лексико-семантичними і граматичними відмінностями (актанты в перекладі **TL2** містять *три чорти*; в польському використано посилення при допомозі місцеименового уточнення – *wszystko*), і тільки в словацькому цільовому тексті произведена заміна даного емотива

при помощи фразеологизма с иным компонентным и образным составом и внутренней формой – *všetko sa vykaš'at'* (также без компонента *черт*).

Реже представлены междометные структуры с **заклинательно-магическим значением** (только 2 единицы): укр. *Тьху ти, чортяка, Тьху ти чорт*. Это прежде всего **полные эквиваленты**, совпадающие по своей семантической и грамматической структуре. В польской и словацкой целевых версиях могут быть, помимо прочего, представлены свернутые лексикализованные отсылы (в отдельных случаях с актуализацией синонимических вариантов, как, например, в польском): польск. *Tfu, do diabła!* – словацк. *No dočerta!*

Некоторые формулы представляют собой свернутые, редуцированные проклятия, имеют структуру **самопроклятия, самоинвективы**, когда их действие как бы направлено на сам субъект, самого исполнителя. Это видно из следующей таблицы.

Slovak TL4	Polish TL3	TL1	TL2	ORIGINAL
Tak to už Prochora Petroviča načisto prešla trpezlivosť, skríkol: To čo má byť? Vyhoďte ho, lebo ma čert uchyť!	Wtedy, oczywiście, skończyła się cierpliwość Prochora Piotrowicza, wrzasnął: „Co to ma znaczyć? Wyrzucić go stąd natychmiast, niech mnie diabli porwą!	А той, подумати лишень, відказує: «Нічим ви не зайняті...» Га? Ну тут уже терпець Прохорові Петровичу луснув, і він загорлав: «Та що ж це таке? Видалити його геть, чорти б мене взяли?	А той, подумайте лише, відповідає: «Ба нічим ви не зайнятий...» Га? Ну, тут вже, звісно, терпець Прохорові Петровичу урвався, і він закричав: «Та що ж це таке? Вивести його геть, чорти б мене вхопили!	Ну, тут уж, конечно, терпение Прохора Петровича лопнуло, и он вскричал: «Да что ж это такое? Вывести его вон, черти б меня взяли!

Заключение

Анализ продемонстрировал, что лексико-грамматические средства концептуализации междометной лексики и фразеологии, инвективов, отсылок, угроз и проч, модели их дистрибуции могут существенно отличаться в оригинале и переводах романа М.Булгакова “Мастер и Маргарита”.

Важным для семиотического моделирования действительности в романе М.А.Булгакова “Мастер и Маргарита” мы считаем также структурно-семантическое моделирование прагматических единиц и вербальных формул-маркеров, соотнесенных с разными коммуникативно-речевыми ситуациями. Эти единицы связаны с категоризацией ментальных и эмоциональных состояний героев романа (удивление,

раздражение, недоумение, неуверенность, желание избавиться от кого-либо, разнообразные психические состояния и проч.)

Было установлено три возможных способа передачи образа черта в целевых интерпретациях, во-первых, где мифологема или ругательство в целевых версиях передачи этнокультурных смыслов вообще утрачена или воспроизведена при помощи свободной неэкспрессивной грамматической конструкции (иногда лишенной пейоративной коннотации), во-вторых, заменена фразеологизмом с другой образностью (т.е. использован аналог), в-третьих передана разнообразными структурно-семантическими вариантами (синтаксическими, лексическими, морфологическими) в составе изоморфных моделей, включающих перформативы-проклятия и отсылы, междометные фразеологизмы. Главным образом это неполные фразеологические соответствия.

Список литературы

- ЕСАКОВА, М.Н., КОЛЬЦОВА, Ю.Н. Оценочные суффиксы в произведениях М.А. Булгакова. Трудности перевода. In: Русский язык и культура в зеркале перевода: VI Международная научная конференция. Москва: Макс Пресс 2016, с.124–134. ISBN 978-5-317-05272-0
- КИРСАНОВА, Е.М. *Алиментарный символизм в романе М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита» и его интерпретация в переводе.* In: Русский язык и культура в зеркале перевода: VI Международная научная конференция. Москва: Макс Пресс 2016, с.212–223. ISBN 978-5-317-05272-0
- ЛИТВИН, Ф.А. Общее и национально-специфическое в семантике и функционировании зоонимов-характеристик (на материале параллельных текстов). In: Сибирский филологический журнал. 2015. № 2, с.105–113. ISBN 1815-77 082
- МИРОНОВА, Н.Н. *О рецепции прозы Михаила Булгакова в межкультурном, межсемиотическом и межъязыковом пространстве XX-XXI вв.* In: Русский язык и культура в зеркале перевода: VI Международная научная конференция. Москва: Макс Пресс 2016, с.321–328. ISBN 978-5-317-0 5272-0
- ПОЛУБИЧЕНКО, Л.В. Диминутивы как лингвистически релевантные личностные индексы в романе М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита» и их передача в переводе. In: Вестник Московского ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2020. № 3, с.83–96. ISBN 1813-7083
- ТИЩЕНКО, О., СПИШЬЯКОВА, А. Специфика перевода фразеологизмов: типы эквивалентов и культурем (на материале перевода романа М. Булгакова "Мастер и Маргарита" на славянские языки). In: Языковые образы: лингвокреативные символы этнокультурной духовности: сборник научных трудов по итогам 5-й Международной научной конференции. Белгород: ООО «Эпицентр», 2021, с.263–267. ISBN 978-5-6047446-9-7

FERENČÍK, J. Kontexty prekladu. Bratislava: Slovenský spisovateľ, 1982.

Олег Владимирович Тищенко / Oleh Tyshchenko,
доктор филологических наук, профессор / prof., DrSc.
Университета Св. Кирилла и Мефодия в Трнаве, г.Трнава, Словакия
University of Ss. Cyril and Methodius in Trnava. Nám. Jozefa Herdu 577/2, Trnava, Slovakia
E-mail: olkotiszczenko@gmail.com
ORCID ID: 0009-0009-0811-2123

Передача українізмів та українських реалій в перекладах ранніх повістей Миколи Гоголя українською та англійською мовами⁸

Олександр Кальниченко

кафедра слов'янських мов Університету Матея Бела в Банській Бистриці
Словаччина

Наталія Кальниченко

кафедра слов'янських мов Університету Матея Бела в Банській Бистриці
Словаччина

Анотація: У статті розглядаються відмінності у передачі українських реалій та українізмів ранніх повістей Миколи Гоголя в перекладах українською та англійською мовами. Перекладачі кінця 1920-х років передавали цю екзотичність мови Гоголя шляхом протиставлення сучасної української мови та мови архаїчної чи діалектної. Пізніші українські переклади цю стилітичну домінуючу Гоголя не передають, так само як і англійські переклади через нехтування українською складовою.

Ключові слова: Микола Гоголь, переклад-стилізація, реалії, стилістична домінуюча, українізми

Rendering Ukrainianisms and Ukrainian realia in translations of Nikolai Gogol's Early Tales into Ukrainian and English

Abstract: The article examines the differences in the rendering of Ukrainian realia and Ukrainianisms in Nikolai Gogol's early novellas in Ukrainian and English translations. The translators of the late 1920s conveyed this exoticism of Gogol's language by contrasting modern Ukrainian with archaic or dialectal language. Later Ukrainian translations do not transfer this stylistic dominant of Gogol, as well as English translations due to the neglect of the Ukrainian component.

Key words: Mykola Gogol, realia, stylistic dominant, translation-stylization, Ukrainianisms

ВСТУП

Зазвичай, у перекладознавстві само собою вважається, що читачі перекладу мають менші фонові знання за читачів першоджерела. Скажімо, читачі англійських перекладів гоголівських «Вія» або «Тараса Бульби» у своїй масі матимуть менші фонові знання, аніж читачі первотвору. Та, очевидно, це не завжди так. Прикладом протилежної ситуації може служити випадок з «українськими» повістями Миколи

⁸ Funded by the EU NextGenerationEU through the Recovery and Resilience Plan for Slovakia under the project No. 09I03-03-V01-00148

Гоголя в українському перекладі, адже читачі українських перекладів цих повістей, напевно, знають куди більше про свої власні культуру, історію, побут, аніж читачі першоджерела, росіяни. Отже, при перекладі можливі два типи ситуацій: перша, коли читачі перекладу мають менші фонові знання, аніж читачі першоджерела (типова ситуація), та, друга, коли читачі перекладу мають більші фонові знання, аніж читачі оригіналу. Образ «Іншого» суттєво впливає на явище перекладу (Kuran-Burcoğlu, 2000:144) до процесу перекладу, під час нього та під час сприйняття цільового тексту. Аналогічно, образ «Свого» іноді може спонукати перекладача до «коригування» фактів і уточнення культурно зумовлених елементів (реалій) (Кальниченко, Кальниченко 2012; Kalnychenko, Kalnychenko 2019). Виходячи з того, що перекладачі мають враховувати фонові знання читачів, ми ставимо у цій роботі собі за мету проаналізувати, як ця настанова перекладача впливає на його вибори.

ОСНОВНА ЧАСТИНА

Про стиль Гоголя

Літературна мова Гоголя, незважаючи на те, що він писав російською, відображає його українське походження. Особливістю художньої мови Гоголя було вміння майстерно змішувати як російську та українську мови, так і високий стиль та жаргон. У своєму дослідженні 1902 року «Про характер стилю Гоголя на тлі сучасної російської мови» професор Гельсінгфоргського університету Йосип Мандельштам приходиться до висновку, що «ідіома душі» Гоголя – це, по суті, українська мова, подумки перекладена на російську. Цей переклад передбачає перенесення елементів української граматики, синтаксису та значення, а не лише лексики, в російський контекст (Мандельштам, 1902, с. 208, 211). За словами сучасної дослідниці Едіти Бояновської, «Гоголь писав свої літературні твори російською мовою, мовою імперії. Російська мова його творів на українські теми настільки українізована, що її ледве можна прочитати без українського словника. Свої ранні повісті Гоголь супроводжував власними глосаріями, подібно до шотландських словників, які супроводжують художні твори Вальтера Скотта. Цікаво, що його використання російської мови не завадило раннім російським рецензентам ідентифікувати Гоголя як представника української, а не російської культури. Лише пізніше, коли його літературні таланти не викликали сумнівів, російські критики перекваліфікували Гоголя з української лялечки на

російського метелика»⁹ (Vojanovska 2014). Як стверджує Роберт Романчук (Romanchuk, 2018, s. 272), «Гоголь ніколи не припиняв писати українською – в російській». Двомовний від народження Гоголь, як пише Юлія Ільчук (Ilchuk, 2021, s.3) «свідомо грався з гібридним дискурсом у своїх ранніх творах». А за словами Андрея Белого, «...з мішанини [мов] Гоголь витворює власну ... якій на три чверті судилося потім скласти сам стиль російської белетристики і ще більше змінити саму мову, в якій він сам іноді почував себе іноземцем» (Белый, 1934, с. 212). Цей феномен гоголівського ідіостилю висвітлює вікову перекладацьку проблему, яка віднедавна набула виняткового звучання з огляду на переклади Гоголя українською мовою, адже при перекладі Гоголя нею може бути зруйнована неповторна російсько-українська двоїстість. Безперечно, що переклад будь-якого тексту неминуче передбачає певні відхилення від оригіналу, що призводить до неминучих втрат. Та у випадку з Гоголем ці втрати дуже суттєві. Вони несуть загрозу неповторній російсько-українській мовній дихотомії, притаманній гоголівському стилю, що може спричинити стандартизацію його ідіолекту і, як не парадоксально, втрату його української складової, «... оскільки естетична функція останньої проявляється лише через концептуальний контрапункт з російською складовою мовної дихотомії» (Барабаш, 2011, с. 46).

Забута дискусія про гомологічний (стилізація) або аналогічний метод перекладу в Україні в 1927-1931 роках

Наприкінці 1920-х – на початку 1930-х років значна кількість українських науковців, журналістів та письменників змістили свої професійні інтереси у царині перекладу. Вони долучалися до перекладацької роботи як перекладачі, редактори, стилістичні редактори, автори коментарів і передмов, рецензенти перекладних творів, і, зрештою, як теоретики перекладу. Спільно вони виробили нове розуміння завдань перекладача і редактора, розглядаючи переклад як особливий метод тлумачення текстів за допомогою філологічного аналізу та стилістичного дослідження, зосереджуючись на джерельному тексті. Теоретично цей підхід обґрунтував Володимир Державин, який назвав його «перекладом-стилізацією», або «(г)омологічним перекладом», на протигагу «аналогічному перекладу» (Kalnychenko, 2023). У своєму есе 1927 року Державин стверджує, що «треба, в першу чергу, визнати, що художній переклад (переклад-стилізація) мусить бути, по можливості, дослівний, – не в тому, що кожне слово оригіналу перекладається зокрема, а в тому, що художня цінність будь-якого речення,

⁹ Всі переклади з англійської або російської мов належать, якщо не зазначено інше, авторам розвідки.

слова, граматичної та фонетичної структури оригіналу, повинна, по можливості, знайти собі відображення в стилі перекладу» (Державин, 1927; cf. Кальниченко, Полякова, 2015, с. 57). Далі Державин додає, що дехто може сприйняти такий переклад як «екзотичний» або навіть такий, що межує з пародією. Однак співвідношення між пародією та стилізацією визначається стилістичною сприйнятливістю перекладача. Незважаючи на це, навіть пародія, на думку Державина, може краще передати художню неповторність оригіналу, ніж банальні літературні кліше (Там саме). В іншій роботі Державин уточнив, що метод гомологічного перекладу (перекладу-стилізації) може бути застосований виключно до класичних або канонічних творів (1930), творів, які мають велику естетичну вартість. Відстоюючи концепцію гомологічного перекладу в численних есе та рецензіях між 1927 та 1931 роками, Державин, зокрема, у рецензії до Першого тому «Творів» Гоголя в українському перекладі («Вечори на хуторі під Диканькою») за загальної редакції Івана Лакизи та Павла Филиповича та за стилістичної редакції Андрія Ніковського, вказував, що «справді художнім перекладом може бути тільки переклад стилізаційний, тобто такий, що намагається віддати не лише змістову сторону твору (хоча б, навіть, у всіх його найтонших відтінках), а й сторону стилістичну, тобто художні особливості мови; задля цього перекладач має право відходити від «коректної» загальнолітературної мови, використовуючи в міру змоги і менше звичайні, зокрема архаїчні, стилістичні варіанти» (Державин, 1929, с. 218–219). Метод гомологічного перекладу також підтримують Григорій Майфет та Микола Зеров (див. докладніше Кальниченко, 2021; Kalnychenko, 2023). Зеров, зокрема, виступаючи за гнучкість в передачі «основного» в першоджерелі, що може стосуватися як його змістовних, так і формальних аспектів зазначає, що «[П]ерекладаючи Гюго, не можна пройти мимо його ефектної синтакси, його блискучого ораторського апарату; не може бути елементарно-пристойного перекладу Верлена без максимальної уваги до його звукописних засобів, а перекладач Вергарна сам винесе собі смертний вирок, втративши в своїй роботі властиву французькому текстові поета багату метафоричність» (Зеров, 1928, с. 141).

Паралельно з цим у переважно компартійному колі зароджувався альтернативний підхід до перекладу, який фокусувався не на джерельному тексті, не на його особливостях, а на масовому радянському читачеві з невисокою освітцю, на цільовій культурі. Цей підхід дозволяв зміни, пропуски та доповнення, особливо коли мова йшла про літературу, що вважалася «класово шкідливою». Цю позицію декларував Іван Кулик у «Передмові до «Антології американської поезії 1855–1925»:

«... були в нас часом і навмисні спроби пристосувати переклади до розуміння й приймання їх тією аудиторією, що для неї призначено книжку. Ми мали на увазі, що перекладаємо для українського читача, до того ще для **сучасного**, радянського. Це змушувало нас свідомо вносити деякі зміни в переклади порівняно з оригіналом. Не можна писати цілком однаково для американського й українського читача, бо читачі ці мають різну психологію й різний нахил до приймання художніх творів, породжені переважанням різних, протилежних, політичних чинників та суспільного ладу» (Кулик, 1928, с. 36–37). І додавав: «Вірші американських поетів, точно перекладені, матимуть одне значення в Нью-Йорку і зовсім інше в Харкові. Не можна також перекладати цілком однаково той самий твір у різні епохи. Бо зміна доби історичного розвитку внесла чимало змін у характер мови, сенс окремих виразів, як знову ж таки і нахил до приймання й відчування мистецьких творів. Ось чому ми, маючи на увазі не етнографічне, а суспільно-художнє (почасти ж і політичне) значіння перекладу дозволяли собі часом змінювати розмір оригіналу, ритм його (наприклад, у метр привносити елементи верлібру й т. п.), а часом і образи оригіналу замінити однорідними, але все таки іншими, зрозумілішими нашому сучасному читачеві» (Кулик, 1928, с. 37).

Книгоспілчанські переклади «Творів» Гоголя 1929-30 року

Перекладами, в яких принцип стилізації (гомологічного перекладу) чи не вперше в українській перекладній літературі було зреалізовано систематично і з цілковитим художнім успіхом, на думку Державина, є перші два томи «Творів» Миколи Гоголя за загальної редакції Івана Лакизи і Павла Филиповича, видані в 1929 і 1930 роках кооперативним видавництвом «Книгоспілка». До речі, планувалося п'ятитомне видання «Творів» Гоголя, що мало вийти протягом 1929-1932 років, але друком вийшли лише 1, 2 та 4 томи, а саме кооперативне видавництво було націоналізоване того ж 1930 року. Серед інших зразкових гомологічних перекладів, що були опубліковані 1930 року, Державин також називає «Салямбо» Гюстава Флобера в перекладі Максима Рильського, «Мадам Боварі» того ж Флобера в перекладі Оксани Бублик-Гордон, «Кармен» Проспера Меріме в перекладі Бориса Ткаченка, а також перший том «Вибраних творів» Антона Чехова за редакції Василя Іванушкіна та Максима Рильського (Державин, 1930, с. 168).

У рецензії на перший том «Творів» Гоголя Державин зазначає, що унікальне поєднання в перекладах творів Миколи Гоголя сучасної української мови з архаїчними

та діалектними елементами відображає суть російсько-української мовної дихотомії «Вечорів». Цього вдалося досягти завдяки використанню не лише тих українізмів, що є в остаточній редакції Гоголівського тексту, а завдяки використанню щоденників та листів сучасників Гоголя, його власних рукописних чернеток та словничків українських народних слів (Державин, 1929). «Отже, тут максимальною мірою було здійснено принцип «зворотного перекладу» і це, щодо перекладу Гоголевих «Вечорів» є найправильніша – і разом з тим найтрудніша – метода художнього відтворення» (cf. Кальниченко, Полякова, 2015, с. 165). У перекладі було дбайливо використано всі ті українські слова, які Гоголь міг би використовувати, якби писав ці твори українською мовою; це означає передусім категоричну відмову від осучаснення стилю Гоголя та старанне оминання новотворів другої половини дев'ятнадцятого сторіччя та пізніших часів (Там саме).

У своїй рецензії на другий том «Творів» Гоголя Державин підкреслював особливу складність перекладу повісті «Тарас Бульба» Гоголя, бо в цьому творі автор дотримувався стилістичної орієнтації на колорит і мовну своєрідності українського народного епосу менш послідовно, аніж до стилю мовлення українських полупанків у жанрових повістях «Миргороду» (Державин, 1931, с. 219). Таким чином, завдання перекладача ще більше ускладнюється, адже постає питання чи слід «виправляти» деякі авторські непослідовності (зокрема, слова, що є ознакою пізніших часів), демонструючи більшу, ніж сам Гоголь, послідовність щодо стилю народного епосу. І перекладач «Тараса Бульби» Андрій Ніковський на це відважується. У перекладі Андрія Ніковського, який опубліковано під псевдонімом А. Василько, бо на час виходу перекладу перекладач уже не лише заарештований, а й засуджений у вигаданій справі міфічної Спілки визволення України, двоїстість російсько-українського мовного середовища майстерно передана через протиставлення сучасної української мови з елементами архаїчної та діалектної української. Цей свідомий вибір зберігає унікальне поєднання різноманітної мішанини і розмаїття, що створює відчуття двоїстості, подібне до того, що його породжує гоголівський ідіолект (Кальниченко, Кальниченко 2012; Kalnychenko, Kalnychenko, 2019). Розглянемо приклади:

Оригінал «Тараса Бульби» Миколи Гоголя (1842) : *«Все собрались в кружок, и после третьего боя показались, наконец, старины: кошевой с палицей в руке, знаком своего достоинства, судья с войсковою печатью, писарь с чернильницею и есаул с жезлом»* (Гоголь, 2008, с. 396).

Український переклад «Тараса Бульби» А. Василька (1930 року): «*Всі позбиралися кружка і за третім вибиванням виступила старшина і кошовий з патерицею в руці, – знак його гідності, – суддя з печаткою військовою, писар з каламарем і осавула з пірначем*» (Гоголь, 1930, с. 142).

Англійський переклад С. Дж. Гогарт: «*All formed in a ring; and at length, after the third summons, the chiefs began to arrive –the Koschevoi with staff in hand, the symbol of his office; the judge with the army-seal; the secretary with his ink-bottle; and the osaul with his staff*» (Gogol, 2001, s. 95).

В українському перекладі А. Василька (1930) звичайні родові слова конкретизовані. Перекладач використовує українські терміни, які позначали символи влади в козацькій ієрархії в XVI- XVII століттях, що вони навіть для сучасного українського вуха звучать архаїчно й екзотично. Кошовий отаман – найвища виборна керівна посада в Запорозькій Січі. Замість родового «жезл» перекладач пропонує конкретніше слово – «патериця», український термін, що походить від грецького слова *pateriké baktēria*, що означає «батьківський посох» і є символічним жезлом, який асоціюється з владою. «Пернач», різновид булави, слугував як зброєю, так і символом влади полковника. Іншими символами були військова печатка, яку зберігав військовий суддя, та каламар (чорнильниця), що асоціювалася з писарем. Між іншим, в англійському перекладі С. Дж. Гогарт «палица» і «жезл» навіть не диференційовані, а передані одним словом *staff*.

Ось ще один приклад з українського перекладу «Тараса Бульби» А. Василька, в якому описуються деталі української печі: декілька слова в українському перекладі є архаїчними або регіональними (*карунок і припічок*), а також *ярий* (яскравий) і *кахель* (кахельна плитка). Паралельно наведемо два англійські переклади (С. Дж. Гогарт та Беатріс Баскервіль), де ці деталі передаються описово і дуже приблизно (буквальний переклад українською – «з проміжками між нею [піччю] та стіною» та «широка піч, побудована з безліччю кутів і виступів»).

Оригінал «Тараса Бульби» Миколи Гоголя: «*Берестовые скамьи вокруг всей комнаты; огромный стол под образами в переднем углу; широкая печь с запечьями, уступами и выступами, покрытая цветными пестрыми изразцами*» (Гоголь, 1987 с. 70).

Український переклад «Тараса Бульби» С. Василька (1930): «*Берестові лави кругом усеї хати; великий стіл під образами у покуті; широка піч із запічками, карунками і прискалками викладена ярим кахлем*» (Гоголь 1930, с. 123).

Англійський переклад «Тараса Бульби» С. Дж. Гогарт (С. J. Hogarth, 2001): «*There were birch-wood benches all around the room, a huge table under the holy pictures in one corner, and a huge stove covered with particoloured patterns in relief, with spaces between it and the wall*» (Gogol, 2001, s.62).

Англійський переклад Беатріс Баскервіль (B.C. Baskerville): «*The birchwood forms round the room, the large table under the sacred pictures in the altar-corner, the wide stove built with many angle and projection, and faced with variegated tiles*» (Gogol, 1907, s. 70).

Переклад «Тараса Бульби» Ніковського, опублікований у 2-му томі «Творів» Гоголя, отримав найвищу оцінку як у рецензентів-сучасників Ніковського, так і у наших сучасників. Літературний критик Єлизавета Старинкевич в огляді перекладної літератури за 1929 рік так само як і Державин з усіх перекладів того часу виділяє саме переклади творів Гоголя, опубліковані «Книгоспілкою»: «виключно вдало передані у всій своїй стилістичній оригінальності» (Старинкевич, 1930, с. 117). За її словами, «у перекладі з Гоголя всі своєрідно трактовані місця мають певний зв'язок із стилем першоджерела, вони його підкреслюють і увиразнюють; за пасивнішого перекладу Гоголь неодмінно потьманів би, втратив би багато чого із своєї колоритності» (Там само). А за словами сучасного науковця Сергія Білоконя, «цей переклад є вершиною перекладацької майстерності українського «Розстріляного Відродження»» (Білокінь, 2009, с. 7). Переклади книгоспілчанського Гоголя, на його думку, були конгеніальними до оригінальних текстів самого великого Гоголя (Там само). Та попри всі схвальні відгуки сучасників книгоспілчанський Гоголь став недоступним через вилучення з бібліотек і крамниць. Чому так сталося?

Повторні переклади

Практика гомологічного або, інакше, філологічно точного перекладу на початку 1930-х років різко припиняється у зв'язку зі зміною національної політики в СРСР і відмовою від політики коренізації. Після націоналізації приватних і кооперативних видавництв у 1930 році режим не лише відверто втручається у вибір творів для перекладу, але й починає насаджувати метод перекладу, той самий, що орієнтований на масового читача (Kalnychenko, Kolomyets, 2022). В офіційних колах виникає підозрілість і ворожість до перекладу українською мовою, що спричинює погромницькі публікації, в яких перекладачів звинувачують у «націоналістичному шкідництві» (див. Kalnychenko, Kalnychenko, 2020).

Ця кампанія призвела до появи багатьох нових повторних перекладів і редакцій. Окрім сприяння перекладу з російської мови як мови-посередника, з'явилася цензурна політика перегляду та переписування нещодавно опублікованих перекладів з метою максимально наблизити їх до лексичних та граматичних норм російської мови (Kalnychenko, Kolomyets 2022). Лексика перекладів тепер потребувала очищення шляхом вилучення «застарілих слів», які стосувалися національної історії, та «чужих»

елементів, таких як лексика польського чи німецького походження. Ці елементи були позначені як «неприйнятні» та «фашистські», а заборонені слова та інші елементи були замінені на «інтернаціональні» (сучасну лексику та граматичні конструкції, запозичені з російської мови) (Nahailo, Svoboda, 1990).

Вже 1935 року з'являються нові редакції та переклади з Гоголя. Порівняємо фрагменти нового перекладу «Тараса Бульби», виконаного Антіном Хуторяном, з раніше наведеними фрагментами у перекладі А. Василька:

Український переклад «Тараса Бульби» А. Хуторяна (1935/ 48 року): *«Берестові лави кругом усієї кімнати; величезний стіл під образами на покутті; широка піч із **запінками, приступками й виступами**, викладена кольоровими **строкатими кахлями**»* (Гоголь 1948, с. 389).

Український переклад «Тараса Бульби» Антіна Хуторяна (1935/ 48 року): *«Всі зібралися в коло, і після третього вибивання показалися нарешті старшини: **кошовий з палицею в руці, ознакою його гідності, суддя з військовою печаткою, писар з каламарем і осавул з жезлом**»* (Гоголь 1948, с. 404).

Ці переклади, а також переклади за редакцією Антіна Хуторяна (1952) та Івана Маненка (1948) мають на меті стандартизувати безсумнівно унікальну манеру Гоголя; вони позбавляють її української складової і докладають усіх зусиль, щоб примирити російську та українську мови і максимально зблизити їх. Автори цих повторних перекладів та редакцій також уникають питома українських слів, стираючи гоголівський стиль.

Передача українських реалій та українізмів в англійських перекладах

А тепер розглянемо як українізми та українські реалії передавали різні перекладачі «Тараса Бульби» англійською мовою (стосовно способів передачі використовуємо термінологію, яку запропонували болгарські дослідники реалій Сергій Влахов і Сидір Флорін (Влахов, Флорін 1981). У Таблиці 1 наведено способи передачі української реалії – «бандура».

Слово	Перекладач	Варіант перекладу	Метод передачі
	Дж. Толстой	<i>musician playing on the bandora</i>	описовий переклад

бандурист	I. Хепгуд (ред. 1886 р.)	<i>band<u>ou</u>ra- player</i>	адаптаційне транскрибування
	I. Хепгуд (ред. 1922 р.)	<i>band<u>u</u>ra- player</i>	адаптаційна транслітерація
	Б. Фербер		
	О. А. Горчаков		
	Дж. Кертин		
	П. Константайн	<i>minstrel</i>	родо-видова заміна
	Б. С. Баскервіль		
С. Дж. Хогарт	<i>guitar-player</i>		

Таблиця 1. Способи передачі української реалії різними англійськими перекладачами

горилка [86, с. 72]	П. Константайн	<i>horilka</i>	транскрибування
	Дж. Кертин	<i>gorilka</i>	транслітерація
	I. Хепгуд (ред. 1922 р.)	<i>brandy</i>	функціональний аналог
	Дж. Толстой		
	Б. С. Баскервіль	<i>vodka</i>	загальноживаний відповідник, знищення українізму
	I. Хепгуд (ред. 1922 р.)		
	Б. Фербер		
	О. А. Горчаков	<i>corn-brandy</i>	функціональний аналог
С. Дж. Хогарт			
кулиш	Дж. Кертин	<i><u>k</u>ulish</i>	транскрибування
	Дж. Толстой	<i>gruel</i>	родо-видова заміна
	I. Хепгуд (ред. 1886 р.)	<i>oatmeal</i>	функціональний аналог
	С. Дж. Хогарт		
	Б. Фербер	<i>stew</i>	родо-видова заміна
	О. А. Горчаков	<i><u>c</u>ulish</i>	транслітерація
	П. Константайн	<i>wheat kasha</i>	описовий переклад
	Б. С. Баскервіль	<i>meal</i>	родо-видова заміна
	I. Хепгуд (ред. 1922 р.)	<i>buckwheat groats</i>	функціональний аналог

Таблиця 2. Способи передачі українізмів *кулиш* та *горилка* різними англійськими перекладачами

В англійських перекладах «Тараса Бульби» для передачі українських реалій та українізмів найчастіше використовується приблизний переклад (родо-видовий відповідник та функціональний аналог). У випадку транскрипції або транслітерації до перекладу додавалося паратекстуальне пояснення у вигляді виноски або глосарію.

Пропуск реалій спостерігався неодноразово. У багатьох перекладах українізми передаються перекладами російського відповідника, як коли *горилка* передавалося як *vodka*. Тобто, про жодну передачу найхарактернішої ознаки стилю Гоголя в «українських» повістях Гоголя в англійських перекладах не йдеться.

ВИСНОВОК

Отже, чи можливо передати стилістичні особливості першоджерела? Очевидно, що можна передати в перекладі стилістичну «домінанту», «основне» в першоджерелі, про що говорив Микола Зеров, що й було зроблено у перекладах «Книгоспілки» 1929 та 1930 років. Лише для цього слід фокусуватися не на читачеві, а на джерельному тексті і, зокрема, на його стилістичних особливостях. Що стосується англійських перекладів «Тараса Бульби», то в більшості з них український елемент як такий не передавався, й отже стилем Гоголя нехтували. Залишається лише сподіватися, що в майбутньому такі переклади англійською з'являться.

Список літератури

- БАРАБАШ, Юрий. «Своего языка не знает...», или Почему Гоголь писал по-русски? *Вопросы литературы*, 2011, № 1. С. 36–58.
- БЕЛЫЙ, Андрей. *Мастерство Гоголя: : Исследование*. Москва – Ленинград: ГИХЛ, 1934. 324 с.
- БЛОКОНЬ, Сергій. Такий не сучасний класик. *Літературна газета*, 2009, 13. С. 7.
- ВЛАХОВ, Сергей и Сидер ФЛОРИН. *Непереводимое в переводе*. Москва : Международные отношения, 1980. 343 с.
- ДЕРЖАВІН, Володимир. Проблема віршованого перекладу. *Плужанин*, 1927, № 9/10. С. 44–51. Reprint in: КАЛЬНИЧЕНКО, Олександр та Юліана ПОЛЯКОВА ред. *Володимир Миколайович Державин. Про мистецтво перекладу: статті та рецензії 1927–1931 років*. Вінниця: Нова Книга, 2015. С. 48–58.
- ДЕРЖАВІН В. М. [Рец. на: Гоголь М. Твори. Т. 1. Вечори на хуторі під Диканькою: Повісті від пасічника Рудого Панька / Заг. ред. І. Лакизита, П. Филиповича; стиліст. ред. А. Ніковського. [Харків]: Книгоспілка, б. р.] *Критика*, 1929, № 7–8. С. 218–219. Reprint in: КАЛЬНИЧЕНКО, Олександр та Юліана ПОЛЯКОВА ред. *Володимир Миколайович Державин. Про мистецтво перекладу: статті та рецензії 1927–1931 років*. Вінниця: Нова Книга, 2015. С.164–170.
- ДЕРЖАВІН, Володимир. Наші переклади з західних класиків та потреби сучасного читача. *Червоний шлях*, 1930, № 10. С. 160–168.
- ДЕРЖАВІН, Володимир. [Рец. на: Гоголь М. Твори. Т. 2. Миргород / Заг. ред. І. Лакизи; стиліст. ред. М. Зерова та А. Харченка. [Київ]: Книгоспілка, [1930]]. *Червоний шлях*, 1931, № 3. С. 218–221. Reprint in: КАЛЬНИЧЕНКО, Олександр та Юліана ПОЛЯКОВА ред. *Володимир Миколайович Державин. Про мистецтво*

- перекладу: статті та рецензії 1927–1931 років. Вінниця: Нова Книга, 2015. С. 259–266.
- ЗЕРОВ, Микола. У справі віршованого перекладу. Нотатки. *Життя і революція*, 1928, № 9. С. 133–146.
- КАЛЬНИЧЕНКО, Олександр та Наталія КАЛЬНИЧЕНКО. «Тарас Бульба» в українських шатах: переклад та формування національної свідомості. *Вісник Харківського національного університету ім. В. Н. Каразіна*, 2012, № 1002. Романо-германська філологія. Методика викладання іноземних мов. Вип. 69. С. 137–146.
- КАЛЬНИЧЕНКО, Олександр та Юліана ПОЛЯКОВА ред. *Володимир Миколайович Державин. Про мистецтво перекладу: статті та рецензії 1927–1931 років*. Вінниця: Нова Книга, 2015.
- КАЛЬНИЧЕНКО, Олександр. Дискусія про гомологічний та аналогічний переклад в Україні в кінці 1920-их років: Державин, Майфет, Зеров, Кулик, Фінкель. *Вісник Київського національного університету імені Тараса Шевченка. Іноземна філологія*, 2021, №53. С. 29-40.
- КУЛИК, Іван. Сучасна поезія Північної Америки : [передмова]. *Антологія американської поезії 1855–1925*. Харків: ДВУ, 1928. С. 9–38.
- МАНДЕЛЬШТАМ, Йосиф. *О характере гоголевского стиля: глава из истории русского литературного языка*. Гельсингфорс : Новая тип. Гувудстадсбладет, 1902. 405 с.
- СТАРЫНКЕВИЧ, Елизавета. Проблемы и достижения в искусстве перевода (К итогам украинской переводной литературы за 1929-1930 гг. *Красное слово*, 1930, 3ю С. 111–18.
- BOJANOWSKA, Edyta. All the King's Horses: Ukraine, Russia, and Gogol's Troika." *NYU Jordan Center for the Advanced Study of Russia*, 22 April 2014. https://jordanrussiacenter.org/news/kings-horses-ukraine-russian-gogols-troika/#.Yea-D_5BxPY. Last accessed 19 June 2024.
- ILCHUK, Yuliya. *Nikolai Gogol: Performing Hybrid Identity*. University of Toronto Press, 2021.
- KALNYCHENKO, Oleksandr and Nataliia KALNYCHENKO. Taras Bulba in Ukrainian Garb: National Self-Image in Translation. In: BARCINSKY, Lukas ed. *National Identity in Literary Translation*. Berlin: Peter Lang, 2019, s. 71-80.
- KALNYCHENKO, Oleksandr and Nataliia KALNYCHENKO. Campaigning against the 'nationalistic wrecking' in translation in Ukraine in the mid-1930s. In: HARMON, Lucyna and Dorota OSUCHOWSKA eds. *Translation and Power*. Berlin: Peter Lang, 2020, s. 53–60.
- KALNYCHENKO, Oleksandr and Lada KOLOMIYETS. Translation in Ukraine during the Stalinist Period: Literary Translation Policies and Practices. In: RUNDLE, Christopher, Anne LANGE and Daniele MONTICELLI eds. *Translation Under Communism*. London: Palgrave Macmillan, 2022, s. 141–72. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-030-79664-8_6
- KALNYCHENKO, Oleksandr. Discovering Erased Discussion on Translation Method in Ukraine in 1927-1931. In: DJOVČOŠ, Martin, Emilia Perez, Maria Kusá and Ivana Hostová eds. *Translation Studies in Ukraine as an Integral Part of the European*. Bratislava: VEDA, 2023, s. 36-62.

- KOLOMIYETS, Lada. The politics of literal translation in Soviet Ukraine: The case of Gogol's 'The tale of how Ivan Ivanovich quarreled with Ivan Nikiforovich'. *Translation and Interpreting Studies*, 2023, 18(3), s. 325–359. DOI: 10.1075/tis.21020.kol
- KURAN-BURÇOĞLU, Nedret. At the Crossroads of Translation Studies and Imagology. In: CHESTERMAN, Andrew, Natividad Gallardo San Salvador and Yves Gambier eds. *Translation in Context. Selected Contributions from the EST Congress, Granada 1998*. Amsterdam and Philadelphia: Benjamins, 2000, s. 143–151.
- НАНАЙЛО, Bohdan and Victor SVOBODA. *Soviet Disunion: A History of the Nationalities Problem in the USSR*. London: Hamish Hamilton, 1990.
- ROMANCHUK, Robert. Mother Tongue: Gogol's Pannochka, Pogorel'skii's Monastyrka, and the Economy of Russian in the Little Russian Gothic. *Slavic and East European Journal*, 2018, 62 (2), s. 272–292.

Список джерел ілюстративного матеріалу

- ГОГОЛЬ, Микола. Тарас Бульба/ пер. А. Василька. В: ГОГОЛЬ, Микола. *Твори: Миргород* / за заг. ред. ЛАКИЗИ, Івана та Павла ФИЛИПОВИЧА. Київ : Книгоспілка, 1930. Т 2. 256 с.
- ГОГОЛЬ, Микола Васильович. Тарас Бульба/ пер. Хуторяна Антона. Кудін О. ред. *Вибрані твори*. Київ: Держлітвидав України, 1948. С. 63–161.
- ГОГОЛЬ, Николай Васильевич. *Вечера на хуторе близ Диканьки*. Москва : Азбука-классика, 2008. 562 с.
- GOGOL, Nikolas. *Taras Bulba: A Story of the Dnieper Cossacks*/ trans. by Baskerville, Beatrice C. (transl.) London and Felling-on-Tyne; New York : The Walter Scott Publishing Co., 1907. 295 p.
- GOGOL, Nikolai V. *Taras Bulba and Other Tales* / trans. by C. J. Hogarth. The Pennsylvania State University, 2001. 281 p.

Олександр Кальниченко / Oleksandr Kalnychenko

кафедра слов'янських мов Університету Матея Бела в Банській Бистриці, Словаччина
Department of Slavic Languages, Faculty of Arts, Matej Bel University in Banska Bystrica
Tajovskeho 40, 97401 Banska Bystrica, Slovakia
E-mail: oleksandr.kalnychenko@umb.sk
ORCID ID: 0000-0001-7808-357X

Наталія Кальниченко / Nataliia Kalnychenko

кафедра слов'янських мов Університету Матея Бела в Банській Бистриці, Словаччина
Department of Slavic Languages, Faculty of Arts, Matej Bel University in Banska Bystrica
Tajovskeho 40, 97401 Banska Bystrica, Slovakia
E-mail: nataliia.kalnychenko@umb.sk
ORCID ID: 0000-0002-4807-1022

Фразеологічний портрет оповідачки роману О. Слоновьовської «Загублені в часі»

Ірина Ярославна Глуховцева

Східноукраїнський національний університет імені Володимира Даля, м. Київ,
Україна

Анотація: Фраземіка роману О. Слоновьовської «Загублені в часі» засвідчує, що оповідачка – це креативна свідомо особистість, глибоко обізнана з культурою українського народу. Паремії, використані в романі, демонструють світобачення героїні, яка сповідує цінності, закладені в прецедентні тексти. Завдяки вмілому вживанню загальноновживаних фразем, зафіксованих у загальнономовних словниках, їхньому комбінуванню, актуалізації лексичних варіантів мовлення набуває образності, метафоричності, іронічного відтінку тощо. У фраземах, відсутніх у загальнономовних словниках, часто вживаються сленгізми; просторіччя; росіянізми; вульгаризми.

Ключові слова: фраземи, фраземіка, паремія, образний конкретизатор.

Phraseological portrait of the narrator of O. Slonovska's novel «Lost in Time»

Abstract: The phrasemics of O. Slonovska's novel «Lost in Time» proves that the narrator is a creative, conscious person, deeply familiar with the culture of the Ukrainian people. Paremiias used in the novel demonstrate the worldview of the heroine, who professes the values laid down in precedent texts. Thanks to the skillful use of commonly used phrasemes recorded in general language dictionaries, their combination, actualization of lexical variants of speech acquires imagery, metaphoricity, ironic tone, etc. Slangisms, vernacular, Russianisms, and vulgarisms are often used in phrasemes that are not found in general language dictionaries.

Keywords: phrasemes, phrasemics, paremia, figurative concretizer.

Проблемам функціонування фразеологічних одиниць у художніх творах українських авторів присвячено роботи багатьох вітчизняних мовознавців. Ці питання активно почали порушуватися у другій половині ХХ століття і пов'язані з дослідженнями Ф. П. Медведєва (Медведєв, 1977), Л. Г. Скрипник (Скрипник, 1973), ранніми працями В. Д. Ужченка та ін. Зокрема, індивідуально-авторські видозміни у сфері фразеології і лінгвокреативні процеси формування фразеологічної семантики описав Л. Г. Авксентьєв (Авксентьєв, 1969), особливості функціонування та лексикографічної розробки українських фразеологізмів, уживаних у художніх творах, здійснили В. М. Білоноженко та І. С. Гнатюк (Білоноженко, Гнатюк, 1989; Гнатюк 1981). Питання про стилістичні функції фразеологізмів у художньому творі (на

прикладі роману Уласа Самчука «Волинь») розглянула С. О. Горожанова (Горожанова, 1999). Предметом наукових пошуків В. С. Калашника стала семантика і типологія української поетичної фразеології та афористики поетичної мови пожовтневого періоду (Калашник, 1992). О. Є. Клещова опрацювала питання про стилістичне використання фразеологічних одиниць у публіцистиці Івана Багряного (Клещова, 2000). М. П. Коломієць охарактеризував фразеологічну синонімію в поезіях Т. Г. Шевченка (Коломієць, 1992).

Дослідники початку ХХІ століття розвивають таку наукову проблему використання фразеологізмів у художньому дискурсі, як фразеологічна семантика. Цьому питанню присвячені праці Л. П. Петленко (описано фразеологію на позначення морально-психологічної характеристики) (Петленко, 2005), Ю. Ф. Прадіда (систематизував фразеологічні одиниці на позначення процесів відчуття і сприйняття людини) (Прадід, 1989; Прадід, 2004), М. В. Цегельської (фразеологічні одиниці із темпоральною семантикою) (Цегельська, 2000; Цегельська, 2002). Т. В. Цимбалюк (фразеологія перекладів Миколи Лукаша) (Цимбалюк, 1996), Н. Ф. Венжинович (Венжинович, 2018; Венжинович, 2022).

Проте традиційно важливими для розвитку фразеологічної стилістики є питання функцій фразеологізмів у художньому тексті-дискурсі (Чабаненко, 1993). Недостатньо праць, у яких була б системно описана фразеологія мови окремого письменника.

Завдання цієї статті вбачаємо в тому, щоб описати фразеологічний портрет оповідачки роману О. Слоньовської «Загублені в часі» (Київ: Видавництво «Український пріоритет», 2020), якою є вчителька загальноосвітньої школи.

Поняття *фразеологічний портрет* використовують у літературознавстві при загальному аналізі характерних для певної дійової особи фразеологізмів, у методичній літературі, але науково виваженої його дефініції немає. Прийнято вважати, що фразеологічний портрет – це сукупність стійких сполучень слів, притаманних певній особі, які вона використовує у своєму мовленні під час спілкування.

Чимало науковців доцільність уживання фразеологізмів у художньому тексті пояснюють типовими ознаками, властивими цим одиницям мови: «Фразеологізмам властиві такі виразові якості, як образність, емоційність, оцінність, експресивність. Образність є домінантною рисою фразеологічних одиниць, становить їхню естетичну цінність. У публіцистиці й художній літературі фразеологічні звороти використовують в авторському мовленні, роблячи його різноманітнішим, більш мальовничим,

сповненим почуттів, а також у мовленні персонажів як один із засобів їхньої характеристики» (Пономарів, 2000, с. 125).

Романи О. Слоновьовської «Тетраedr» («Загублені в часі», «Інстинкт саранчі», «Знехтувані Ноем», «Медуза-Горгона») називають експериментальними. Їхня назва пов'язана із чотирма розповідями головних героїнь, оскільки тетраedr – це правильний чотиригранник, кожна грань якого являє собою трикутник; трикутна піраміда (СУМ, т. 10, с. 103). Це слово утворене з двох грецьких слів: tetra – чотири і hedra – основа, грань. У кожній вершині тетраедра сходяться по 3 грані. Ця фігура має 4 грані, 6 ребер і 4 вершини. Цю геометричну фігуру називають дивовижним символом симетрії, що привертало увагу видатних мислителів і пересічних людей. О. Слоновьовська так побудувала свої романи, що в кожному з них розповідь ведеться від першої особи (у «Загублених в часі» – від імені вчительки, в «Інстинкті саранчі» – журналіста, у «Знехтуваних Ноем» – лікаря, а в «Медузі-Горгоні» – від імені письменниці, яка не лише розкриває таємниці своєї літературної творчості, а й показує, що талант – це не стільки дар, скільки відповідальність і хрест письменника). «Долі чотирьох головних героїв мають точки перетину, переплітаються, залишаючи глибокий слід у житті інших героїв. Кожен роман з тетраедра може існувати як автономно, так і в неподільній цілісності» (Слоновьовська, 2020, с. 2). Складається враження, що авторка романів використала в них власний досвід вчительки, викладачки вищого освітнього закладу, журналістки, письменниці, а, можливо, і медичного працівника.

У романі «Загублені в часі» показано події від кінця 90-х років ХХ століття до наших днів. Головна героїня Ганна – старша дочка колгоспної доярки, безправної матері-вдови. Вона навчається в педагогічному університеті. Після смерті матері переводиться на заочну форму навчання й стає опікункою чотирьох сестер, хоч три з них постійно норовлять перетворити Ганну в рабіню... Та, попри всі негаразди і зради, Ганна бореться за власне щастя.

Фраземікон Ганни позначений передусім стійкими сполученнями слів, які зафіксовані у загальномовних словниках, вони складають приблизно 66% фразем, ужитих письменницею в мовленні оповідачки. Це вислови, що допомагають передати психологічний стан особи, про яку йде мова (**крутитися як білка в колесі** 'бути постійно заклопотаним' [ФС I, с. 403]; **вхопитися за голову** 'відчутти розгубленість, жах, відчай; відчайтися' [ФС I, с. 166]); розкрити наміри дійових осіб (**котити бочку** 'наговорювати щось на кого-небудь, безпідставно звинувачувати когось у чомусь' [ФС I, с. 391]); конкретизувати часову чи просторову протяжність (**до нових віників** 'дуже

довго, тривалий період' [ФС I, с. 130]; **як з води** 'надзвичайно швидко' [ФС I, с. 142]); охарактеризувати дію (**гратися з вогнем** 'поводитися необережно, здійснювати щонебудь небезпечно, не думаючи про наслідки' [ФС I, с. 196]); указувати на спорідненість чи свояцтво (**сьома вода на киселі** 'дуже далека рідня' [ФС I, с. 141]); підкреслити особливості поведінки в певній ситуації (**в одне вухо впусити, а в друге випустити** 'неуважно слухати, не реагуючи або легковажно ставлячись до сказаного ким-небудь' [ФС I, с. 150]); актуалізувати кількість (**золоті гори** 'надто багато' [ФС I, с. 189]).

Образні конкретизатори аналізованих фразем не позначені високою частотністю. Найбільш фразеологічно навантаженими є слова *голова, душа, мозок, світ, слово, ніс, око, рука*, серед яких лексема *світ* ужита в чотирьох висловлюваннях, а решта у двох чи трьох: *А тепер ще й молодь з рідного краю примусово забирали на край світу* [СО: ЗЧ, с. 24]; **на край світу** 'дуже далеко' [ФС I, с. 392]; *Тікати не дітям, а бабі Малині треба було від свого законного **світ за очі!*** [СО: ЗЧ, с. 97]; **світ за очі** 'не вибираючи шляху, куди завгодно' [ФС II, с. 784].

В окремих випадках авторка вдається до використання лексичних варіантів фразем, коли здійснена заміна одного з компонентів, переважно дієслова, від чого вислів набуває більшої експресивності: *Настільки зле, що хотілося **товкти головою в стіну** до власної непритомності чи й смерті* [СО: ЗЧ, с. 93]; пор.: **битися головою об стіну** 'перебувати в стані розпачу, сильного збудження; дуже переживати, побиватися з якогось приводу' [ФС I, с. 27]; *Треба його гнати, поки **не закучерявив сестрі голову*** [СО: ЗЧ, с. 124]; пор.: **задурити голову** 'обдурювати кого-небудь, позбавляти можливості тверезо міркувати' [ФС I, с. 305]; *Звичайно, мій женишок-«старичок» брехав, аж дим курився* [СО: ЗЧ, с. 124]; пор.: **аж дим іде** 'дуже інтенсивно' [ФС I, с. 305]. Зафіксовано й одиниці з переставленими компонентами, які письменниця вживає поряд: *Тепер усе стало з **голови на ноги**. Чи з **ніг на голову?*** [СО: ЗЧ, с. 127]; пор.: **перевернути з ніг на голову (з голови на ноги)** 'різко змінювати, робити щонебудь зовсім іншим, не таким, як було' [ФС II, с. 614].

Зрідка письменниця оперує морфологічними варіантами фразем, що, імовірно, можна пояснити авторськими уподобаннями: *І тебе вже цілий рік попереджую-попереджую – а як **горохом до стіни!*** [СО: ЗЧ, с. 92]; пор.: **як горохом об стінку** 'не реагувати на розмову, на чий-небудь зауваження' [ФС I, с. 371].

Образність висловлюваної думки посилюється, коли оповідачка накопичує в одному реченні кілька фразем, супроводжуючи їх іншими художніми засобами

вираження думки (наприклад, порівнянням), чи, скажімо, скорочує один із фразеологізмів: *Але жити у вакуумі, звичайно, я не могла, й тому прикипіла до своїх гуртожитських співмешканок, як прикипає підгоріла каша до нової каструлі, тим більше, що журналістки облишили наді мною підсміюватися, зате постійно проявляли себе такими гранями, що мені дух перехоплювало* [СО: ЗЧ, с. 8]. Як бачимо, фразеологізм *прикипіти душею* скорочено, але уточнено порівняльним зворотом *як прикипає підгоріла каша до нової каструлі*. Зате другий вислів ужитий у повній формі: пор.: *перехоплює дух* ‘хто-небудь починає важко дихати від сильних переживань, хвилювань’ [ФС II, с. 624]. В іншому реченні уточнення і підсилення значення фраземи здійснено синонімічним висловом, уживаним в усному мовленні: *Мусимо мізкувати й самі, як зводити кінці з кінцями, вирулювати на рівне* [СО: ЗЧ, с. 77], де *зводити кінці з кінцями* ‘ледве справлятися з матеріальними труднощами, нестатками’ [ФС I, с. 327] загальноновживане. Синонімічні фразеологізми можуть мати подібну структуру, але різні образні конкретизатори: *Проте всі трималися робочого місця, як реп’яхи козуха, адже це був чи не єдиний шанс заробляти на життя* [СО: ЗЧ, с. 131]; *Руки від прогулянок з собаками боліли мені цілими ночами, але за цю роботу платили дуже добре, і я її трималася, як воша козуха* [СО: ЗЧ, с. 143]; *як воша за козуха* ‘дуже міцно’ [ФС I, с. 146].

Нерідко варіант фраземи зумовлений її сполучуваністю в реченні: *З кожним наступним роком бажання емігрантів повертатися ставало все меншим і меншим, поки не здрібніло до макового зерна* [СО: ЗЧ, с. 132]; пор.: *на макове зерно* ‘дуже мало, трошки’ [ФС I, с. 333]; *Я й не підозрювала, з якої радості Леся немов на крилах літає. А воно, бідне, закохалося!* [СО: ЗЧ, с. 93]; пор.: *як на крилах* ‘дуже швидко; у доброму настрої, на піднесенні’ [ФС I, с. 397].

Оповідачка роману нерідко послуговується пареміями, які допомагають їй пояснити свої вчинки (*Тільки нікуди я звідси не поїду, хоч би прийшлося голодувати: старе дерево пересаджувати дуже ризиковано!* [СО: ЗЧ, с. 194]); образно висловити свою точку зору, підпорядкувати загальній закономірності конкретну ситуацію (*Я підняла бокал і виголосила особливий тост: «Чого мудрий соромиться, тим безстижій хвалиться!»* [СО: ЗЧ, с. 196]); узагальнити свої роздуми (*Ні. Я вже набулася опікункою. Розбирайтеся зі своїми проблемами самі. Пора і честь знати. Тим більше, що, як кажуть, на третій день риба й гості почитають псуватися й тхнути* [СО: ЗЧ, с. 202]); передати іронічний відтінок мовлення (*Прийшла сваха до свахи притулити сраку до сраки, сіли, за столом посиділи, закусили, випили*

і побзділи! – зіронізувала й Уляна [СО: ЗЧ, с. 202]); переконатися у правильності своєї точки зору, подати додаткові докази, використовуючи прецедентні тексти (*Не сподівайся, що твої Поля й Уляна перевиховуються, несподівано з доброго дива стануть кращими. Вовк може втратити лише свою шерсть, але не власну суть! Люди між собою рівні не на землі, а в землі!* [СО: ЗЧ, с. 203]); продемонструвати істинну сутність оточуючих (*Ганно-Ганно, дурні ростуть навіть без дощу! Хіба ти зовсім безголова?* [СО: ЗЧ, с. 203]; *Закоханому і качка ангелом здається, а братові й сестра-гадюка – щонайбільше вужем* [СО: ЗЧ, с. 204]).

Оповідачка вправно оперує фраземами, уживаними в усному мовленні, що надає розповіді невимушеності, природності (*Під час навчання в університеті через голови лізла в начальства, при кожній слушній нагоді доносила на нас і в деканат, і в КДБ* [СО: ЗЧ, с. 194]); образності (*Чому, що при владі в студентські часи була, нас гнобила – хвалиться, аж захлинається, а про свого голубенького-голубенького ні пари з уст?* [СО: ЗЧ, с. 196]); допомагає охарактеризувати дійових осіб (*Ти не дрейф, тіпа ми з Леською не в голову биті, тіпа викручувалися раніше й зараз викрутимось* [СО: ЗЧ, с. 199]).

У фраземах цього типу часто вживаються сленгізми (*Скоріше нехай склеїла бласти: і квартира тобі, може, дісталася б* [СО: ЗЧ, с. 199]); просторіччя (*Простягне ноги – відразу ж обшукай всі закутки: у міській квартирі, тіпа, нема такої схованки, щоб її не можна було знайти!* [СО: ЗЧ, с. 199]); росіянізми (*Все життя тримав дружину в чорному тілі або, як сам любив казати, «в єжових рукавицах»* [СО: ЗЧ, с. 218]); вульгаризми (*Просто підмовив дід Корній кількох хлопчаків німчурам хрїну втерти* [СО: ЗЧ, с. 121]; пор.: **втерти маку (часнику)** ‘суворо покарати, побити кого-небудь; добре провчити’ [ФС I, с. 158]).

Фразеологізми, ужиті в мовленні дійових осіб, передані оповідачкою, тому вони також певною мірою відображають її внутрішній світ. Ці стійкі сполучення слів уведено в текст для характеристики дійових осіб (*Але ж адвокат – самому чортові брат, може те розгорнути, те прикрити, з чорного біле зробити* [СО: ЗЧ, с. 85]; див.: **самому чорту брат і сват** ‘дуже сміливий, впевнений, незалежний у діях, вчинках’ [ФС I, с. 48], **видавати біле за чорне** ‘виставляти кого, що-небудь зовсім інакшим, повністю протилежним’ [ФС I, с. 58]); відтворюють загальний контекст комунікативної ситуації (*Принесла чорта з пекла нечиста сила, – після довгої мовчанки першою зважилася бодай щось мовити Леся* [СО: ЗЧ, с. 83]; див.: **нечиста сила принесла** ‘уживається для вираження незадоволення з приводу прибуття когось небажаного куди-небудь або

чийого-небудь небажаного відправлення кудись' [ФС II, с. 953]); образно характеризують дію (*Хочеш, щоб усе було шито-крито – бери до уваги нашу думку й терпи. Гроші на бочку!* [СО: ЗЧ, с. 81]; див.: **шито й крито** 'лишатися таємним, невідомим' [ФС II, с. 963]). Авторка послуговується також евфемізмами для уникнення слів з грубим і непристойним змістом: *На крайній випадок нехай пса відв'яжуть, щоб йому штани полатав* [СО: ЗЧ, с. 95]; див.: **полатати штани** 'сильно побити когонебудь' [ФС II, с. 668]. Нерідко фразеологізми виступають засобом демонстрації особливостей мовлення: *Не заберуть. Насправді Поля нікуди писати не буде, лише язиком меле, щоб її всі вчителі боялись* [СО: ЗЧ, с. 79]; див.: **молоти язиком** 'вести несерйозні, беззмістовні розмови, займатися пустими балачками; базікати' [ФС I, с. 504]; *Марія язиком вже такого наплескала, що її першою міліція загребе, як тільки військові пожаліються, а когось із чоловіків покликати на допомогу – не тепер, то в четвер на п'яну голову промовиться* [СО: ЗЧ, с. 34]; пор.: **плескати язиком** 'поширювати плітки, вигадувати що-небудь таке, чого немає і не було' [ФС II, с. 645], **не тепер, то в четвер** 'неодмінно (про те, що обов'язково відбудеться, здійсниться)' [ФС II, с. 879]; *Ша, кошкер, про це – мовчок і рот на замок!* [СО: ЗЧ, с. 181]; див.: **рот на замок** 'уживається для вираження заборони говорити, розмовляти' [ФС II, с. 762].

Отже, фразеологічний портрет – це сукупність стійких сполучень слів, притаманних певній особі, які вона використовує у своєму мовленні під час спілкування. Оповідачка роману О. Слоньовської «Загублені в часі» Ганна оперує передусім фраземами, включеними у власне мовлення та тими, що вкладені у уста героїв роману. 66% загального обсягу стійких сполучень слів, ужитих оповідачкою, зафіксовані загальномовними словниками, 34% фразем складають ті, що побутують в усному мовленні, нерідко є загальноприйнятими, але відсутні у словниках.

Залежно від значення та функцій фразеологізми Ганни можна поділити на кілька груп. Значну частину яких складають вислови, ужиті для характеристики дійових осіб, що допомагають передати психологічний стан особи, про яку йде мова; розкрити наміри дійових осіб; відтворюють загальний контекст комунікативної ситуації; демонструють особливості мовлення; конкретизують часову чи просторову протяжність; образно характеризують ситуацію, зокрема дію; указують на спорідненість чи свояцтво; підкреслюють особливості поведінки в певній ситуації; актуалізують кількість, спосіб дії та ін. У фраземах, відсутніх у загальномовних словниках, часто вживаються сленгізми; просторіччя; росіянізми; вульгаризми.

Образні конкретизатори аналізованих фразем не позначені високою частотністю. Найбільш фразеологічно навантаженими є слова *голова, душа, мозок, світ, слово, ніс, око, рука*, серед яких лексема *світ* ужита в чотирьох висловлюваннях, а решта у двох чи трьох.

Фраземіка роману О. Слоньовської «Загублені в часі» засвідчує, що оповідачка – це креативна свідомо особистість, глибоко обізнана з культурою українського народу. Паремії, використані в романі, демонструють світобачення героїні, яка сповідує цінності, закладені в прецедентні тексти. Завдяки вмілому вживанню загальноновживаних фразем, зафіксованих у загальномовних словниках, їхньому комбінуванню, актуалізації лексичних варіантів, мовлення набуває образності, емоційності, метафоричності, оцінності, експресивності, зокрема іронічного відтінку тощо. Загалом фраземіка роману – це художній феномен, що має енциклопедійну, художню та дидактичну цінність.

Список літератури

- АВКСЕНТЬЕВ, Леонид Григорьевич. *Фразеология языка прозаических произведений Михаила Стельмаха* : [автореф. дисс... канд. филол. наук]. Харьков, 1969. 26 с.
- БІЛОНОЖЕНКО, Віра, Ірина ГНАТЮК. *Функціонування та лексикографічна розробка українських фразеологізмів*. Київ : Наукова думка, 1989. 156 с. ISBN 5-12-000619-1.
- ВЕНЖИНОВИЧ, Наталія Федорівна. *Фраземіка української літературної мови в контексті когнітології та культурології*: [монографія]. Ужгород : ФОП САБов А. М., 2018. 463 с. ISBN 978-617-7344-63-5.
- ВЕНЖИНОВИЧ, Наталія Федорівна. Фразеологія художніх творів закарпатоукраїнського письменника Дмитра Кешелі. *SLAVIA časopis pro slovanskou filologii*. го́спік 91, 2022, sešit 1. 64 – 76 с. ISSN 0037-67336.
- ГНАТЮК, Ірина Святославівна. Деякі особливості використання фразеологізмів у мові сучасної художньої прози. *Українська мова та література в школі*. 1981. № 9. С. 62–64.
- ГОРОЖАНОВА, Світлана Олександрівна. Стилiстичні функції фразеологізмів у романі Уласа Самчука «Волинь». *Волинь у житті та творчості письменника*: зб. наук. праць. Луцьк : РВВ «Вежа», 1999. С. 123–127. ISBN 966-7294-55-2.
- КАЛАШНИК, Володимир Семенович. *Українська поетична фразеологія і афористика поетичної мови пожовтневого періоду (семантико-типологічний аспект)* : [автореф. д-ра. філол. наук: 10.02.02]. Дніпропетровськ, 1992. 40 с.
- КЛЄЩОВА, Оксана Євстахіївна. Стилiстичне використання фразеологічних одиниць в публіцистиці Івана Багряного. *Вісник Луганського державного педагогічного університету імені Т. Шевченка*. Серія : Філологічні науки. Луганськ : Альма-матер, 2000. № 4. С. 141–148. ISSN 2227-2844.

- КОЛОМІЄЦЬ, Микола Пилипович. Семантико-стилістичні функції фразеологічних синонімів у поезіях Т. Г. Шевченка. *Мовознавство*. 1992. № 2. С. 33–38. ISSN 0027-2833.
- МЕДВЕДЕСВ, Федір Пилипович. *Фразеологія української мови. Чому ми так говоримо?* Київ : Вища школа, 1977. 223 с. ISBN 1.
- ПЕТЛЕНКО, Лариса Петрівна. *Українська фразеологія : морально-психологічний аспект характеристики людини*. Суми : Джерело, 2005. 158 с. ISBN 966-7413-20-9.
- ПОНОМАРІВ, Олександр Данилович. *Стилістика сучасної української мови: Підручник*. 3-тє вид., перероб. і доповн. Тернопіль: Навчальна книга – Богдан, 2000. 246 с. ISBN 966-7520-80-3.
- ПРАДІД, Юрій Федорович. Семантичні особливості фразеологічних одиниць на позначення процесів відчуття і сприйняття людини. *Функціонально-комунікативні аспекти граматики і тексту* : зб. наук. праць. Донецьк, 2004. С. 272–284. ISBN 966-639-212-7.
- ПРАДІД, Юрій Федорович. Структурно-граматичні типи фразеологізмів та їх різновиди. *Українське мовознавство*. Київ : Вища школа, 1989. Вип. 16. С. 28–35. ISSN 0320-3077.
- СКРИПНИК, Лариса Григорівна. *Фразеологія української мови: [монографія]*. Київ : Наукова думка, 1973. 278 с.
- СЛОНЬОВСЬКА, Ольга Володимирівна. *Загублені в часі*. Роман. Київ : Видавництво «Український пріоритет», 2020. 272 с. ISBN 978-617-7899-21-0.
- ЦЕГЕЛЬСЬКА, Марина Валеріївна. Семантичні особливості фразеологізмів на позначення часу в українській мові. *Складні питання вузівського курсу української мови* : зб. наук. праць / редкол. : Ю. О. Арешенков, Г. М. Віняр, С. О. Караман. Кривий Ріг, 2002. С. 86–90.
- ЦЕГЕЛЬСЬКА, Марина Валеріївна. Фразеологічні одиниці із темпоральною семантикою та структурно-семантичні трансформації у мові сучасної української прози. *Ономастика і апелятиви* : зб. наук. праць. Донецьк, 2000. Вип. 9. С. 155–159.
- ЦИМБАЛЮК, Тетяна Василівна. *Мова перекладу Миколи Лукаша : Фразеологія роману Мігеля де Сервантеса Сааведри «Дон Кіхот»*. Київ : Довіра, 1996. 238 с. ISBN 966-507-035-5.
- ЧАБАНЕНКО, Віктор Антонович. *Стилістика експресивних засобів української мови: [монографія]*. Запоріжжя: ЗДУ, 2002. 351 с. ISBN 966-599-139-6.

Джерела

- СО: ЗЧ – СЛОНЬОВСЬКА, Ольга. *Загублені в часі*. Роман. Київ : Видавництво «Український пріоритет», 2020. 272 с. ISBN 978-617-7899-21-0.
- СУМ – *Словник української мови*. В 11-т. Т. 1–11. Київ : Наукова думка. 1970–1981.
- ФС – *Фразеологічний словник української мови / уклад. : В. М. Білоноженко та ін.* Київ : Наукова думка, 1993. 984 с. ISBN 5-12-000635-3.

Ірина Ярославна Глуховцева / Iryna Hlukhovtseva
кандидат філологічних наук, доцент / doc., Ph.D. in Philology
кафедра журналістики та українознавчих студій Східноукраїнського національного
університету імені Володимира Даля,
м. Київ вул. Іоанна Павла II, 17, м. Київ, Україна, 01042
Department of Journalism and Ukrainian Studies,
Volodymyr Dahl East Ukrainian National University,
17 John Paul the 2nd St., Kyiv, Ukraine, 01042
E-mail: irynayaroslavna@gmail.com
ORCID ID: 0000-0002-3265-4733

Ойконім як текстотвірний чинник діалектного мовлення

Катерина Дмитрівна Глуховцева

ДЗ «Луганський національний університет імені Тараса Шевченка», Україна

Алла Василівна Нікітіна

ДЗ «Луганський національний університет імені Тараса Шевченка», Україна.

Анотація: У статті проаналізовано структуру та смислові особливості діалектних текстів про походження ойконімів, виявлено їхню специфіку. Автори переконують, що текстома 'походження ойконіма' має сталі й постійно вербально виражені структурно-смислові ланки, якими є назва населеного пункту та слово-мотиватор, а також такі, що можуть мати імпліцитний характер, до яких відносимо мотиваційно-інтерпретаційну оповідь.

Ключові слова: текст, текстома, макротекст, слово-мотиватор, мотиваційно-інтерпретаційний текст, ойконім.

Oikonim as a text-creating factor of dialectal speech

Abstract: The article analyzes the structure and semantic peculiarities of dialectal texts about the origin of oikonim. Their specificity is revealed. The authors convinces that the text topic 'origin of the oikonim' has steady and constantly verbally expressed strike-semantic links, which are the name of the locality and the word-motivator, as well as those that can carry the implicit character, which include the motivational and interpretive narrative.

Keywords: text, text topic, macrotext, word-motivator, motivational-interpretive text, oikonim.

Проблеми тексту – створення, структура, семантика – перебувають у центрі уваги багатьох учених. Та й у визначенні сутності поняття *текст* нерідко виходять з його будови, значення, функцій. Тому передусім констатують, що це «певне предикативне синтаксичне утворення, яке складається із слова (чи його аналога) або синтаксично зв'язаної групи слів (чи їх аналогів) і виконує комунікативну функцію» (Попова, 2012, с. 11). Ураховуючи комунікативно-діяльнісний аспект вивчення тексту, учені підкреслюють, що це засіб відображення дійсності, який є одночасно продуктом діяльності індивіда і продуктом певної епохи (Плющ, 2011, с. 296).

Діалектний текст як миттєва вербалізація свідомості у формі мовної семіотичної одиниці, що «відповідає прагматичній настанові комунікації» (Гуйванюк, Руснак, 2015, с. 120), не є винятком у загальному розумінні тексту як семантичної одиниці. «Це мовленнєвий масив, що становить лінійну послідовність висловлень, об'єднаних

спільною тематичною і сюжетною здатністю» (Українська, 2000, с. 679). На думку Н. В. Гуйванюк і Н. О. Руснак, доцільно диференціювати поняття *текстема* – *текст*, які є єдністю абстрактного й конкретного при потребі позначення дихотомії на текстовому рівні (Гуйванюк, Руснак, 2015, с. 124).

Серед діалектних текстів можна виділити ті, у яких ідеться про походження назв населених пунктів. Стрижнем такого тексту є ойконім. Сам ойконім розглядаємо як стислий чи стиснутий текст, оскільки в сучасному розумінні текст є прагматично спрямованим посередником дискурсу, що поєднує передтекст, текст і посттекст (Федотова, 2008, с. 6). Ойконім характеризується цілісністю, діалогічністю, комунікативністю, прагматичним спрямуванням і структурованістю. Це дозволяє визнавати ойконім самостійною мовною структурою, що здатна реалізувати в акті спілкування інтенції мовця і співрозмовника, хоча в багатьох випадках мотиваційну та інтерпретаційну ланку топоніма не вербалізовано.

Завдання цієї статті вбачаємо в тому, щоб проаналізувати структуру та смислові особливості діалектних текстів про походження ойконімів, виявити їхню специфіку.

Діалектні тексти про походження ойконімів покликані розтлумачити значення власної назви засобами усного мовлення. Такі тексти, продуковані діалектоносієм, спираються на передтекст (певну подію чи ситуацію в житті мовної спільноти, яка стала ґрунтом для виникнення власної назви). Нерідко мовець під час складання цього тексту спирається на розповіді, легенди про виникнення власної назви, які він чув від своїх односельців. Тому сюжет розповіді взятий або з об'єктивної дійсності (передтексту), або з тексту, який він переказує, на що вказують такі зауваження (*мені розказувала мати, бабуся* тощо).

Тексти про походження ойконіма мають певну структуру, що дозволяє у складі текстами 'походження ойконіма' виділити такі смислові та структурні ланки: ойконім, слово-мотиватор, мотиваційно-інтерпретаційний текст, додаткові свідчення про цей населений пункт (де розміщений, де починається й закінчується, коли виник). Обов'язковими, на наш погляд, є перші дві ланки. Інші можуть бути або зовсім відсутні, або характеризуватися різним ступенем деталізації, як-от: *П і'н і'юка / бо / саме / перве тут жи'ли / П'є'н'є'ви / Пе'ту'х і'юка во'но / перве називало'с'я // і о'то во'но і'н і'ш'ло // / саме / перве нач'а'ли / н'і'м'ц'я в'і'т: 'і'л'а ви'гони'т' // то Ми'ч'к і'юш'ч'і'є'на / то / Воїкова / а це Мар'т'і було / ран'ше // на ста'вок ка'зали у па'рах // там зе'м'л'а / па'ри називали // К'руглий л'іс / це ос' у нас // (Батенко А. І.; 1942 р. н., с. Півнівка, Луганська обл.); *Ну / об'шч'ім та'ка / шо на це по'селе'н':а при'ї'їха'ю / П'і'є'н' і ста'ю**

розводи́т' кормушк'и / н'іс'л'а 'ц'ого с'тали назива́т' се'ло П'і'н'і'юко́ю // 'наше се'ло у'же 'пос'л'і назива́лос' / се'ло було по'д'іле'но на два кол'хоз'и / 'перша час'тина 'Вуїкова і д'руга Мар'т'і / 'наше / от Ми'ч'к'і'ш'ч'і'єни і ту'ди / до мага'з'іна / було кол'хоз Мар'т'і / а от мага'з'іна і до 'Зорк'і'юки / 'Вуїкова // 'наше Ми'ч'к'і'ш'ч'і'єна / а За'гор'і'юка / те'пер же ж там не'має н'і'кого у' За'гор'і'юц'і / а 'р'ічка Ка'мишина / а ста'вок / йа не з'найу'// (Осадча Р. Ю.; 1937 р. н., с. Півнівка, Луганська обл.); О'там то'д'і к'руч'і на Мо'роз'і'юку / де Чу'хра'ї'ї там жи'є'вут' / о'там 'перва 'хата була // там Мо'роз / там 'П'е'н'е'у' / там 'Зори'єк / і н'іш'ли наз'ван'ї'я се'ла // Ми'ч'к'і'ш'ч'і'єна / там ба'гато Ми'ч'к'і'ю' / по по'мин'і / 'вули'ц'а 'Лен'іна у нас // а так о'на йак / Це'нт'рал'на / йак Це'нт'рал'на // 'б'і'л'а 'ц'еркви Ш'кол'на / там ш'кола була / с'ім клас'ів у'се у'рем'їа'// (Прядка П. П.; 1929 р. н., с. Півнівка, Луганська обл.).

Тексти про походження одного й того самого ойконіма нерідко відрізняються інтерпретаційною частиною, зрідка в них названо різні мотиваційні слова. Зокрема, назву с. Проїждже Луганської обл. трактують як таку, що походить від найменування балки *Проїжджа* (бо *т'іки 'через ц'у 'балку 'можна було про'їхат' у Була'вин'і'юку* (Масовецька Л. М.; 1942 р. н., с. Булавинівка, Луганська обл.). Однак старожили цього населеного пункту розповідають і таке: колись у яру, під час Булавинського повстання, убили брата князя Долгорукова. Російські поселенці на питання: «Хто убіл?» відповідали: «Проезжие люди». Звідси і яр називався Проезжеє. Згодом тут виникло поселення, яке й зберігає назву яру (Шевцова, 2001, с. 176).

Прагнучи подати достовірні свідчення про цей населений пункт, О. М. Погорелий, місцевий краєзнавець, автор книги «З минулого і сучасного до невідомого майбутнього» (рукопис), спростовує деякі поширені думки, намагаючись уточнити версію походження назви села. Зокрема, О. М. Погорелий указує: «Документальних історичних даних про заснування нашого села дуже мало. Але вони є, їх треба наполегливо шукати. В основному – це свідчення старожилів, але вони не достовірні і не підтверджені документально. Ось що пишеться в «Проекті планування, забудови та благоустрою с. Проїждже за 1948 рік...»: «із опитування місцевих старожилів встановлено, що селу Проїждже 150 років. Назву нібито одержало через те, що тільки через нього проходив проїзд у сусіднє село Булавинівку, де був маєток поміщика Булавіна і стояв його полк» (с. 15). Але це в корені не вірно, бо такого поміщика в Булавинівці не було» (Погорелий, т. I, 1993, с. 15). Село Булавинівка названо на честь ватажка селянського повстання в 1707 – 1709 рр. Кіндрата Булавіна, хоч офіційна назва в документах уперше трапляється за 1782 рік (Історія, 1968, с. 585).

Як досвідчений краєзнавець, Олексій Михайлович, після вивчення всіх джерел, подає свою версію походження села та його назви: «... с. Іванівська Лука (с. Булавинівка) було засноване 1683 року українськими козаками. Хутір же Кашубівка, потім слобода (нині село Проїждже) рахувалося як ребро села Булавинівки. Отже, дець у тих роках було засноване і наше село. Заснування почалося з кутків Однорєбрівка (тепер вулиця Восьмого березня) та Красного Плану (цебто Нижній Шлях, тепер вулиця Жовтнева). Мабуть, х. Кашубівка (від прізвища Кашуба), яких було багато в с. Булавинівці, ними й заснувалося... Односельчани-старожили стверджують, що Проїждже пішло від слова **проїжджати**, бо тільки через село могли проїжджати повстанці із Біловодська, Йовсуга до Кіндрата Булавина по Проїжджанському яру (Мабуть, уже з тих пір став хутір Проїждже, а не хутір Кашубівка. О. П.)» (Погорелий, т. I, 1993, с. 15). Отже, ойконім **Проїждже** в діалектних текстах може мотивуватися найменуванням балки (*Проїжджа балка*), іменником дієприкметникового походження *проїжджий* і дієсловом *проїжджати*, що й зумовило відмінності інтерпретаційної частини діалектних текстів.

Мотиваційно-інтерпретаційні тексти зазвичай відрізняються різним ступенем деталізації подій. Вони тоді детальні, коли пов'язані з народними легендами, оповідями: як-от: *Назва се^ла по^ходит['] од['] назви тра^ви га^нус / ан['] іс його ш[']ч[']е з[']в[']т['] / мат['] тут ко^лис['] рос^ло ба^гато ц[']ого га^нусу (Скнарина Г. І.; 1918 р. н., с. Ганусівка, Луганська обл.); Га^н:ус[']і[']ю[']ка так назива^йец[']:а / бо Га^н:ус[']а (Мартовицька Є. К.; 1902 р. н., с. Ганусівка, Луганська обл.); Пер[']ва Га^н:ус[']і[']ю[']ка / посе^ли[']юс[']а з Ново[']біло[']ї Га^нус / і[']к[']и т[']іка[']ю од['] пана / а тут бу[']ли са[']м[']і о[']зера / і разом з Га^нусом розсе^лилис[']а і[']нш[']і // тут степ бу[']ла го[']ла і т[']ікали в[']ід па[']н[']і[']ю['] у[']с[']і // а то шо ка[']ж[']ут про ко[']нок[']рад[']і[']ю / то це не[']пра[']ўда // тут т[']ікали в[']ід па[']н[']і[']ю['] / там / де ви[']шка / сто[']їали та[']тар[']с[']к[']і ор[']ди // і[']а[']кос['] за[']хва[']тили та[']тари д[']і[']ю[']ч[']ину / пот[']ім ма[']т[']ір / а д[']і[']ю[']ч[']ину за[']бра[']ў та[']тарин у ж[']ін[']ки // ма[']те[']р[']і ска[']зали / не['] ка[']жи / шо ти ма[']т[']ір / бо не['] жи[']ти д[']і[']ю[']ч[']ин[']і // а ў дво[']р[']і ма[']ти за[']хо[']вала зо[']лото // та[']тари ўхо[']пили бра[']та / а тої у[']т[']ік і про[']сид[']і[']ю ў о[']зер[']і ц[']ілий ден['] // уно[']ч[']і в[']ін при[']шо[']ў // за[']бра[']ў гро[']ш[']і ў ку[']ш[']ин[']ч[']и[']е[']ку і по[']ч[']а[']ў са[']м жи[']ти // (Записано від Костенка П. І., 1924 р. н., с. Ганусівка, Луганська обл.). Офіційна гіпотеза походження найменування населеного пункту найчастіше акумулює народне трактування назви: «Раніше село називалося *Ганусів хутір* казенний. Мотивуюче – *Ганусів яр*; словотворчий засіб – топоформант - *івка*. Мотив: село розташоване по яру Ганусовім. Ганус – однорічна трав'яниста ефіроносна рослина» (Північно-східна, 2002, с. 19).*

Розлогу легенду про створення селища записано в Лозно-Олександрівці Луганської обл.: В ¹обшчом у нас і не^н се^нло / а по^солок // як посе^нлилис'а посе^нленц'і / так і ос^таїс'а в'ін по^солком // це було ¹дуже даїно / шо йа і не^н ¹помн'у // м'і'н'і рос³ка'зала мо'їа ¹ба^бка Ул'їана / а ¹її ¹її ¹її ¹мати / мо'їа ¹пробаба ¹Н'урка // ко'лис' ¹дуже даїно ¹б'іл'а ве^нлико^аїї ¹р'іч-ки ¹стали жит' ¹л'уди // в-ід^мк-іл' во'ни по'ход'ат' / н'іхто не ¹помне // а¹ле з'найемо / шо ¹л'у ди були ¹в-іл'н'і / їс'а ¹р'іч-ка була за'рошч'а ¹лозами // були та^к-і ¹зарос'л'і / шо ¹можна було хо'вац':а ¹їс'ому се^нлу // цеї по^ст'її ¹стали з'вати ¹Лознойу // т'рохи п-із'н'їш до'бавили шч'е од'не на'зван'їє / ¹Лозно-Ал'е^нк'сандроїка // йа роз^скажу чо'го /

По ¹їс'ому ¹миру ¹їшої мор // цеї мор / ч'у¹ма // ¹л'уди були ¹дуже на'пуган'ї // во'ни бо'їалис'а / шо і до^них ¹доїде це ¹горе // так і полу^чилос' // ¹л'уди ¹стали їм'рат' / як ¹мухи // їс'і позакри^{ел}валис' ¹ї хатах / та і це не ¹помог'ло // ¹ї ¹кажд'її с'ім'її хтос' ¹їми^{ел}раї / ¹їми^{ел}рали ¹с'ім'їами // з ¹їа'когос' ¹городу при^{ел}сли сол'дат / шоб^н во'ни оце^нпили вес' по^солок і н'ікого не^н ¹випус'кали // во'ни ¹думали / шо цим оста^нноїл'ат' ч'у¹му / ко'ли їс'і ¹л'уди пере^нмрут' / і во'на не ¹п-їде ¹дал'ше // хто хо'т' ¹її ¹те^нк'ти / тих ¹їби'вали // у^с'і жи^{ел}ли і бо'їалис'а / шо п'рїйдут' ¹л'уди / йа^к-і соби'рали ¹мертвих і забе^нрут' ¹остал'них / йа^к-і ¹їшч'е були жи'в-і // на ок'райн'ї по^солка жиї ¹Ал'е^нк'сандр із сво'їми ¹родич'ами // бо^л'ез'н' шч'е не ¹доїшла до^них // ¹дуже не^н хо'т'їлос' ¹їїм їм'рат' // Ал'е^нк'сандр ¹дуже хара'шо знаї ¹лози / ¹ними в-ін і ¹їз'думаї т'їкат' // в-ін р'їшиї / шо ¹луч'ше по'мерти ут'їкаїши / чим ждат' / ко'ли бо^л'ач'ка ¹доїде і до^них // ¹ноч':у в-ін с':ім'їойу їде ¹їлози // ¹с'к-іл'к-їс' ¹дн'її во'ни хо'валис'а ¹ї те^нрни'ках // ¹їїли шо ¹їїм попа'дец':а // по^с-т'е^н-ен:о во'ни проби^{ел}раїуц':а на ¹другї бок ¹р'іч-ки // і так полу^чилос' / шо ос'талис'а во'ни жи'в-і і ¹їшч'е ¹с'к-іл'кито ¹л'у'деї // ко'ли мор ¹кончиїс'а / то ос'таїс'а по^солок пу'стїї // ¹л'у'деї не^н ¹стало / хто їмер / а хто ос'таїс'а жи'виї / т'ї утек'ли / гет' з ¹то'го страїного ¹м-їста // проїшло ¹ск-їл'к-їс' ¹їремн'а і Ал'е^нк'сандр ве^нр'нуїс' у по^солок // ¹разом з ¹ним повер'нулас' ¹їо'го с'ім'їа // за ¹ними по^с-т'е^н-ен:о вер'нулис' т'ї ¹л'уди / йа^к-і ос'талис'а жи'вими // с' ¹то'го ¹врем'їа стаї по^солок рос³рос'тац':а // з'нову вер'нулис' ¹л'уди // те^нпер по^солок стаї з'вац':а ¹Лозно-Ал'е^нк'сандроїка // ¹їч-ест' ¹п-ервого посе'ленц'а // с'в-її по^солок ми зве^нмо ¹Лозна / шо^б ¹удобн'їш було // (Станїшевська Н. І.; 1939 р. н., сел. Лозно-Олександрівка, Луганська обл.).

Мотиватором для назв ойконімів звичайно постають:

1) назви річкових об'єктів: *про наш Біловоц'к багато розказат' можна / назван'їє його п'їшло шче дуже даўно / коли б'єж'єнц'ї т'їкали // во́ни м'їли но́ги ў р'їчк'ї / а йак побач'їли / шчо во́да б'їла / то сказали / аї да б'єл'їє во́ди // так о́но і п'їшло назван'їє // д'єло ў том / шо ў нас го́ра м'єловаїа / а коли і́де дошч / то во́да зб'їга по го́р'ї ў р'їчку / і ў р'їчк'ї во́да ста́новиц'а б'їла // от так і п'їшло назван'їє на́шого го́рода // а во́тщ'є Біловоц'к сам не ве́ликиєї // (Мякота Т. М.; 1950 р. н., смт Біловодськ); А по́том се́ло с'тало розрос'татис'а / його засно́вате́л'ї / т'ї хто / жи́ли ўже по́мерли / с'у́ди по́приї'ж'ало ба́гато но́вих л'у́деї / во́ни тут ос'талис'а жит' / бо йак йа ўже ка́зала тут го́рно / кра́сиво у нас // се́ло обно́вилос'а / ў нашо́му се́л'ї є р'їчка / во́на те́ч'є ў нас пр'ам б'їл'а кре́їд'аної го́ри / пр'ам аж б'їла та́ка / во́на й з'вец'а Б'їлоїу / так йїї не зна́йу хто шч'є наз'ваў // ма́бут' т'ї ж сол'дати // а коли се́ло обно́вилос'а / його пе́реї ме́нували / наз'вали Но́ва Б'їла / із'а б'їлої р'їчки / ну так полу́ч'їлос'а ўже те́пер'їш'н'є се́ло Но́воб'їла (Туренко В. Є.; 1937 р. н., с. Новобіле, Луганська обл.);*

2) імена (прізвища) перших поселенців: *Наз'ву се́ла поўйязуїут' з і́менем ч'ол'в'їка / йакиї пер'вим посе́лиўс'а ў ц'її м'єснос'т'ї // його пр'їзвищ'є Чмир' // во́но і да́ло назван'їє се́лу / Чмир'їўка // ко́лис' тут прот'їкала р'їчка Коза́ч'ок // те́пер во́на за́сохла і о́сталос' бо́лото (Боцман О. С.; 1906 р. н., с. Чмирівка, Луганська обл.); Ка́зали / шо на́ше се́ло по́ходить' од Лант'рата / та́ка бу́ла фа́м'їл'їа Лант'рат // так от во́ни / Лант'рати / пер'ї при́їшли ў на́ше се́ло // посе́лилис' тут // с'їм'їа бу́ла од'на / а то́д'ї ўже при́їїхало ба́гато л'у́деї // так от ста́р'ї ба́бус'ї ка́зали / шо шч'є на́ше се́ло не́ т'їл'ки в'їд с'їм'її Лант'рат'їу / а од то́го / шо при́їшли аж із'їд Кїїєва до нас посе́лен'ц'ї і тут посе́лилис'а / і так о́то на́ше се́ло п'їшло // (Лозова М. І.; 1935 р. н., с. Лантратівка, Луганська обл.); ко́лис' мо́їа ба́бус'а рос'казувала ме́н'ї / шо / на м'їс'т'ї на́шого се́ла / сто́їаў / полк' ца́рс'коїї арм'її / ну та́киї не́знайу ве́ликиї не́ве́ликиї / ну ба́гато тих сол'дат'їу пон'рав'єлос'а ў нашо́му се́л'ї / ско́реї ўс'єго не се́ла / во́но та́ке кра́сиве тут у нас р'їчка є го́рна і сад'к'ї ў ба́гато / ну во́ни тут по́же́нилис'а і пооста́валис'а тут жи́ти // ну і так полу́чиўс'а ма́лен'киї хуто́роч'ок / ми об'рали со́б'ї с'таросту / в'їн бу́ дес'їздале́ка / тої му́жик / і в'їн д'уже ску́чаў за свої́ми бат'ками / в'їн йїх д'уже л'у́биў / та ї наз'ваў с'в'її ма́лен'киї хуто́рок на́чест' сво́го бат'ка / Куз'мінкойу / бо бат'ка його з'вали Куз'моїу // (Туренко В. Є.; 1937 р. н., с. Новобіле, Луганська обл.);*

3) прізвища людей, яких було найбільше в селі: *Зараз на́ше се́ло з'вут' Поло́винк'їне / а ра́н'ше його наз'ївали Толоч'к'їўка // та і зара́з можна уст'р'їти*

с'тару назву нашого с'ела/старш'і л'уди так його і називають / Толоч'к'іюка // не знайу / ч'ого зараз так називають / але ч'ула від мо'йейі бабус'і / що ц'а назва / Толоч'к'іюка / пішла від того/ що у нас жило багато л'удей з хва'м'ілі'йейу Толок// (Григоренко Г. Д.; 1940 р. н., с. Половинкино, Луганська обл.);

4) дотичні господарські реалії, особливості ландшафту: Назва с'ела Підгор'іюка пішла від того / що перш'і переселен'ці будували свої хати під горами Прис'т'ін і Ф'ілонова (Черник З. С.; 1911 р. н., с. Підгорівка, Луганська обл.);

5) ім'я власника населеного пункту: Білокурак'іне / так називають / бо кн'аз' Курак'ін тут бу' / землі йому тут подарили / от він с'уди і мота'с'а (Степанчук О. П.; 1938 р. н., смт Білокуракине);

6) прізвища відомих чи сановних осіб: У нас же с'ело ж' воно ж' у нас знамените тим / що / по не'реказам / тоже у нас бу' Кіндрат Бу'лавін із своїми по'с'тан'ц'ами // йе у нас у с'елі і його пам'ятник у центр'і с'ела // ход'ат' до н'ого від'а'ють йому на усі праз'ники на де'у'йате майа / там ви'ходимо туд'и і до по'гиб'ших 'войні' і до Бу'лавіна ц'ві'ти нос'ат' д'ітво'ра // (Масовецька Л. Г.; с. Булавинівка, Луганська обл.);

7) імена людей, наближених до санованих осіб: Оце наше с'ело тут не' було // л'уде кажут' / озеро / н'іч'ого не' було // а тод'і пр'їїхала барин'а / т'іки йа забула ч'і Кашир'іна / ну / забула / йа'ка барин'а / ну звали й'її Тет'ана / і назвали наше с'ело Тан'ушо'ка / і у барин'і робили / оце мо'я мате роз'казує / йак робили у барин'і // отут р'іч'ка була // ото де клуб / там ото вона жила там // са'ма постр'ойка туд'а дал'і до р'іч'ки була / ну / ай то'го не' захва'тила (Записано від Вольваєвої П. Д.; 1920 р. н., с. Танюшівка, Луганська обл.);

8) назви попереднього місцепроживання переселенців: У нас тут с'кр'із' називають с'ела за тим / відк'іл'а л'уди були не'ре'селен'і // он Полта'ус'ке / л'уди пр'їшли з Полта'уш'ч'ини / он Ол'шан'ке / бо з Ол'шан / он Бе'ре'з'іюка / з Бе'ре'з'іюки Воронез'кої облас'т'і л'уди пр'їшли (Ольшанський А. С.; 1948 р. н., с. Іллічівка, Луганська обл.);

9) апелятивні назви: С'ело Пришиб так називають / бо по'ходить' од слова пр'ишиб/ за'тишне / тихе м'ісце (Дегтярьова К. М.; 1939 р. н., смт. Слов'яносербськ)

10) прикметники, дієслова: У Благ'іюц'і кажут' / що наз'ван'іє та'ке воз'никло ч'ерез убог'і землі / бо тут с'кр'із' кам'я'нистий хр'аш'ч'уватий ґрунт / йак кажут' бла'гий / не'ро'д'уч'ий // у ш'кол'і казали / що у „Донс'ких облас'них в'едомос'т'ах” пи'сали про не'ур'о'жай у ц'ому кра'їу // за д'ругою верс'іейу / с'ело так називають'

Через те / що жінка поїла чіпана / часто боліла // а люди їїїї однак / дуже л'юбили // і їїї пам'ятають про неїїї називали село Благіюкою (Бойко К. І.; 1990 р. н., с. Благівка, Луганська обл.).

Інколи навіть дослідники, услід за місцевими мешканцями, вагаються, що спричинило місцеву назву поселення. «Назву свою [Боровске] воно одержало або від слова «Боровъ» (кабан), або від прізвища «Боровской» (Історія, 1968, с. 545)].

З виділених десяти типів мотивації найменувань населених пунктів найпродуктивнішими виявились два: назви за ім'ям першого поселенця (перших поселенців) і за дотичними реаліями чи ландшафтом.

Мотиваційно-інтерпретаційний текст тісно пов'язаний з передтекстом, функцію якого виконують народні перекази, легенди, спогади односельців, рідше – конкретні події, що сталися в селі, на що вказують респонденти, констатуючи, що цю розповідь вони почули від своїх пращурів, односельців, старожилів, учителів, прочитали в газеті тощо. Фантастичне в такому тексті постає під час опису незвичайних багатств краю: безмежних лісів, у яких було дуже багато дичини, річок, багатих на рибу, тощо: *На ц'їм міс'ї була україїна // їїї ту пору тут ніх'їто неїїї жиїї / і неїїї було ц'їго поселен'а // гора пок'їрита була л'їсами / де водїїс'а різніїї дикїї зв'єр'ї та жиїї розб'їїники / а долина / так це була настоїїаш'їа беїїїзоднина / боло'їта та очеїїре'їта (Іванов А. В.; 1929 р. н., с. Краснорічїнське, Луганська обл.).*

Перекази часто відбивають особливості поглядів народу на історичні події, культурні традиції, особливості побуту. Культурний фон наративів репрезентує ментальні риси мовної спільноти, зокрема любов до рідного краю, шанобливе ставлення до пращурів, намагання зберегти відомості з історії свого поселення.

Інтерпретаційні тексти зазвичай не мають традиційних початкових чи прикінцевих формул, усталеного чергування подій. Лише подекуди в них наявні початкові формули: «Колись дуже давно», «Діло було так». Найчастіше вони розпочинаються з викладу змісту, наприклад, переказ про походження назви села Калмиківка починається так: *З'їдк'їл'ас'ї до нас заб'їр'її с'їуди Кал'їмик. Однак нерідко розповідь має усталене закінчення – своєрідний висновок. А село їїї тепер називають Лиманом...*

Отже, текстома 'походження ойконіма' має сталі й постійно вербально виражені структурно-сміслові ланки, якими є назва населеного пункту та слово-мотиватор, а також такі, що можуть мати імпліцитний характер, до яких відносимо мотиваційно-інтерпретаційну оповідь. У текстах цієї тематики мотиваторів може бути кілька,

а інтерпретація походження назви більш чи менш детальною, що залежить від інтенцій діалектоносія, його вміння передати події, наявності чи відсутності інформації про цю реалію.

Загалом макротекст ‘походження ойконімів’ – це культурний феномен, у якому закодовано інформацію про історію краю та його жителів, відображено вірування, традиції та погляди на життя діалектоносіїв. Сам ойконім як стиснутий текст виконує не лише номінативну функцію, а й є ключем культурного коду тексту.

Список літератури

- ГУЙВАНЮК, Ніна Василівна, Наталія Олександрівна РУСНАК. Багатовимірنا реальність діалектного тексту: *Діалекти в синхронії та діахронії: текст як джерело лінгвістичних студій*. Київ: КММ, 2015, 119–127. ISBN 978-966-1673-29-7.
- Історія міст і сіл Української РСР. Луганська область*. Т. 26. Київ: Голов. ред. УРЕ, 1968, 939 с.
- Північно-східна Слобожанщина (Новоковський, Біловодський, Міловський райони Луганської області)* : Матеріали фольклорно-діалектологічних експедицій / Упорядники: Магрицька І. В., Семистяга В. Ф., Сікорська З. С. Чорнописький М. Г., Шевцова В. О. Львів, 2002, 256 с. ISBN 966-613-151-2.
- ПЛЮЩ, Марія Яківна. *Словоформа в семантично елементарному та ускладненому реченні: вибрані праці*. Київ : Вид-во Нац. педагог. ун-ту ім. М. П. Драгоманова, 2011, 362 с.
- ПОГОРЕЛИЙ, Олексій Михайлович. *З минулого і сучасного до невідомого майбутнього*. Т. 1. 1993; Т. II-III, 2005. 254 с. (рукопис).
- ПОПОВА, Ірина Степанівна. *Фундаментальні категорії синтаксису української мови у формально-граматичному та метамовному аспектах* [автореф. д-ра. філол. наук: 10.02.01]. Чернівці, 2012, 40 с.
- Українська мова: Енциклопедія* / Редкол.: В. Русанівський, О. Тараненко, М. Зяблюк та ін. Київ : Укр. енцикл., 2000, 752 с. ISBN 978-966-7492-07-9.
- ФЕДОТОВА, Наталія Михайлівна. *Сучасні прізвиська Луганщини: когнітивна прагматика творення тексту оніма* [автореф. дис. ... канд. філол. наук: 10.02.01]. Харків, 2008, 20 с.
- ШЕВЦОВА, Валентина Олександрівна. *Дромоніми Луганщини : Луганщина: етнокультурний вимір*. Луганськ: Знання, 2001, С. 172–178. ISBN 966-617-057-4.

Катерина Дмитрівна Глуховцева / Kateryna Dmitrivna Glukhovtseva
доктор філологічних наук, професор / Doctor of Philological Sciences, Professor
кафедра української мови, Україна, м. Полтава, вул. Ковалю, 3
Department of Ukrainian Language, Ukraine, 3 Koval St., the City of Poltava
E-mail: hlukhovtseva@gmail.com
ORCID ID: 0000-0002-5581-2204

Алла Василівна Нікітіна / Alla Vasylivna Nikitina
доктор педагогічних наук, професор / Doctor of Pedagogical Sciences, Professor
кафедра української мови, Україна, м. Полтава, вул. Ковалю, 3
Department of Ukrainian Language, Ukraine, 3 Koval St., the City of Poltava
E-mail: a.v.nikitina2017@gmail.com
ORCID ID: 0000-0001-6600-5451

Епоніми та їх передача в перекладі¹⁰

Наталія Кальниченко

кафедра слов'янських мов

Університет Матея Бела в Банській Бистриці

Словаччина

Анотація: У статті йдеться про епоніми, тобто, загальні назви, що походять від власних імен, та деякі складні випадки їх інтерпретації та перекладу, адже багато епонімів не містяться в словниках. В статті, зокрема, розглядаються прикметники, які утворені від антропонімів, способи передачі епонімів, що походять від топонімів, та фірмові назви виробів та торгові марки, які прагнуть стати епонімами.

Ключові слова: антропоніми, епоніми, переклад, топоніми, торгові марки

Eponyms and their transmission in translation

Abstract: The article deals with eponyms, i.e., common names derived from proper names, and some difficult cases of their interpretation and translation, since many eponyms are not found in dictionaries. In particular, the article discusses adjectives derived from anthroponyms, ways of rendering eponyms derived from place names, and brand names and trademarks that aspire to become eponyms.

Keywords: anthroponyms, eponyms, toponyms, trademarks, translation

Серед слів, які важко або неможливо знайти в словниках, чільне місце належить епонімам, тобто загальним назвам, які походять від власних імен (історично, епонім – найвища посадова особа в Афінах, ім'ям якої позначався рік) (Кальниченко, Гаращук, Кальниченко, 2000, с. 485). Наприклад, днями в телерепортажі жінка каже: «Я – салтівська», тобто жителька Салтівки, району в Харкові, що сильно постраждав від російських бомбардувань. У словниках можна знайти тільки археологічне: «Салтівська культура». Сусіди бабусі мого чоловіка з села Більковці Коростишівського району Житомирської області про себе казали: «Ми – зубровецькі», тобто жителі кутка Зубровка. Такі епоніми, похідні від мікротопонімів, в словниках і довідниках відшукати практично неможливо.

Ще одна група епонімів, які важко знайти в словниках, це – епоніми-«радянізми». За Роксоланою Зорівчак, «радянізми» (або «сов'єтизми») – це слова, словосполучення чи фразеологізми часів СРСР, що репрезентують соціалістичну дійсність

¹⁰ Funded by the EU NextGenerationEU through the Recovery and Resilience Plan for Slovakia under the project No. 09I03-03-V01-00148

та несуть певну суспільно-політичну чи виробничу інформацію, пов'язану з історією СРСР та радянським способом життя (Зорівчак 1989, с. 60). Звісно, що мовців, які їх знають, стає все менше. Приміром, в романі «Тигролови» (1944) (в англійському перекладі «The Hunters and the Hunted») Івана Багряного, дія якого відбувається у кінці 1930-х років на Далекому Сході, в Приамур'ї, зустрілося таке речення:

*Вона – «хетагуровка», ентузіастка, що загналась в одніх панчішках просто з благословенної сонячної Одеси в цей благословенний, розпропагований, опоетизований ДВК. Тут, епонімом, який не міститься в українських словниках, є радянське «хетагуровка», тобто молода дівчина, яка переїхала за закликом Валентини Гетагурової жити і працювати на Далекий Схід. В англійському перекладі 1954 року цей радянське було передано наступним чином: *She was 'Khetakhurovka', an enthusiast, who had come in light shoes direct from blessed, sunny Odessa to this over-publicized and romantic Far Eastern land.* До перекладу англійською додається у виносці пояснення: «*Khetakhurovka, a Soviet girl who followed the example of Valentina Khetakhurova in going to live in the Far Eastern land*». Якщо поняття «стаханівець» ще не є пустим звуком для людей старшого покоління, то інші почини та рухи радянської доби вже забуті і потрібне буде їхнє тлумачення не лише при перекладі, а й у тексті українською мовою, як, скажімо, в наступних реченнях: *Через два дні, 13 вересня, вибійник шахти «Кочегарка», ізотовець Ф.Н.Артюхов нарубав за зміну 311 тонн вугілля. Піонерами гаганівського почину на Черкащині була доярка Половинецького колгоспу ім.ХХ з'їзду КПРС Монастирищенського району Т.І.Ревенко, а також робітники Шевченківського паровозоремонтного заводу.* Очевидно, щоб зрозуміти епоніми-радянське «ізотовець» та «гаганівський рух» необхідно буде провести пошук їхнього значення, причому не в українських джерелах.*

На початку 1990-х років, ще в доінтернетівську епоху, коли ми працювали над перекладами вестернів, нам зустрілося чимало реалій життя на Дикому Заході США другої половини XIX століття – загальних назв, що походять від власних, напр., *Justin's boots, Stetson* або *John B., bowie knife, appaloosa, Arbuckle's, Blocker loop, California moccasins, Charlie Taylor, Henry, maverick, long Tom* тощо. На щастя, вдалося відшукати словник “Western Words: A Dictionary of the American West” Рамона Адамса (Adams 1968), що допоміг встановити, що, скажімо, *bowie knife* – «довгий мисливський ніж» – називається так на честь американського полковника Джеймса Бові, героя битви при Аламо, якому приписують його винахід. Словом *maverick* – що означає «худобину без хазяїна», зазвичай, «теля, що відбилося від корови», ми зобов'язані імені

техаського судді Сема Мейверіка, який виявився безталанним скотарем, що не зміг затаврувати телят у своїй череді, а позаяк в середині XIX століття Техас був місцем диким, де за закон правили кулак та «кольт» (ще один епонім), то сусіди не забарилися привласнити його худобу. «Стетсон» виявився ковбойським капелюхом, винайденим Джоном Б. Стетсоном. Цим словом ковбої називають свої капелюхи, незалежно від того, чи це «справжній» Стетсон, чи ні. Зовсім не марнославство змушує ковбоя платити високу ціну за свій капелюх, адже той має безліч застосувань: під палючим сонцем широкі поля нагадують тінь від дерева, а висока тулія забезпечує прохолоду для голови; широкі поля також прикривають очі, а коли сонце стоїть за спиною, ковбой нахиляє капелюх, щоб захистити шию. Під час дощу той слугує парасолькою, а тулія на шість галонів – зручним відром для води, щоб напувати коня. Капелюхом ковбой роздмухує полум'я, а взимку він опускає криси і зав'язує їх на вухах, щоб уникнути обмороження. Сьогодні це слово стало вже надбанням української мови. Але способи його передачі ще різні. Порівняємо: *На голові в нього сидів «Стетсон», шия була пов'язана ранчерською краваткою, на ногах закрутисто розшиті чобітки* (Стівен Кінг). *На голові одного з них був крилатий стетсон, колісь сірий, а тепер якогось незрозумілого кольору, брудний як і весь його одяг* (Роберт Шеклі). В першому випадку це ще є торговельна марка, а в другому – слово з малої літери і без лапок, загальне слово на позначення будь-якого ковбойського капелюха.

Загалом, історії виникнення епонімічних назв можуть бути досить-таки цікавими та захоплюючими, бо за багатьма з них стоять життя та долі людей видатних чи просто винахідливих, а то й горезвісних; їх походження часто пов'язане з історією чи міфом, з правдою чи вигадкою, з гумором та поезією. Досить часто епонім містить ім'я свого винахідника чи першовідкривача: наприклад, Geordie – «рудникова лампа» – названа на честь Джорджа Стеффенсона, який, до речі, і паротяг винайшов, а Pullman car – «пульманівський вагон», тобто «спальний вагон» – на честь Джорджа Пульмана, винахідника і промисловця, що заснував компанію «Пульман», яка будувала вагони для залізниці. А глінтвейн – pegus англійською – носить прізвище веселого англійського полковника і придворного Френсіса Негуса, який навчився сам і навчив товаришів готувати цей звеселяючий напій. Власні імена можуть виступати основою деривації спеціальних термінів, як-от daltonism – «дальтонізм» або «колірна сліпота» – цей термін походить від імені англійського лікаря Джона Дальтона, який виявив у себе та у деяких своїх родичів цю хворобу і першим описав її, або brucellosis – «бруцельоз», термін, що

походить від імені шотландського мікробіолога Девіда Брюса, який провів ґрунтовні дослідження цієї хвороби.

В англійській мові надзвичайно поширені прикметники, які утворені від антропонімів, наприклад: *Orwellian*, *Kafkaesque*, *Shavian*, *Brechtian*, *Byronic*, *Chopinesque*, *Eliotic*, *Gaullist*. Такі епоніми часто не транскрибується, а передається лише їх зміст. Так, *Nasserist* позначатиме «прибічник Гамалія Абдер Нассера», першого президента Єгипту. А ось у випадку з «голіст» – тобто, прибічник Шарля де Голля – цілком можлива транскрипція: *Наприклад, чимало уваги приділено Франції, де існував колабораціоністський режим Віші і точилася запекла боротьба між вішистами, голістами й комуністами*. Вішисти – також епонім, що позначає «прибічників колаборацістського уряду Франції (1940 – 1944)». Інший випадок з *Byronic*: *Зокрема, описи природи дуже нагадують своїм зловісним характером романтичні «байронівські» краєвиди*.

Нерідко тлумачення таких дериватів від власних імен може носити ситуативний характер. Так, *Shavian* може означати і «прихильник поглядів Джорджа Бернарда Шоу», і «схожий на Шоу», і «пов'язаний з Шоу», і просто «дотепний» (Newmark, 1988, s. 180). *Orwellian "unperson"* – орвелівська не-особа, тобто, людина, чиє минуле існування викреслено з публічного запису і пам'яті. Орвелівський – це прикметник, що позначає жорстоку політику драконівського контролю за допомогою пропаганди, стеження, дезінформації, заперечення правди (подвійне мислення) і маніпулювання минулим, як у наступному прикладі: *For me, President Putin's speech is something Orwellian. In this speech of Putin, false is true, true is false, in his speech, truth is untruth, and untruth is truth. Для мене промова президента путіна є ніякою іншою, як орвелівською. У цій промові путіна неправдиве є правдивим, правдиве – неправдивим, правда є неправдою, а неправда – правдою*. В наступному прикладі таких прикметників від власних імен аж три: *Напряму впадає в око хіба що «нечуй-левицька» архаїка знарядь праці, якої не приховаси, – всі ті недомикані повісма, веретена, мотовила й ветушки аж до 1960-х років справді тільки й одягали обідране до голої нитки українське село, матеріально відкинуте сталінським режимом не на сто років назад, у прокляте Шевченком кріпацтво, – а, вважати, в кам'яний вік (тільки з колгоспними тракторами й орвелівськими «тарілками» коло сільрад: єдине, в чому виявилася сталінська «індустріалізація»!), і це не перебільшення: селян 1950-х, які тоді, в роки запуску «спутників», вручну крутили кам'яні жорна, моє покоління ще застало «наживо» (Оксана Забужко)*. Орвелівська «тарілка» – це гучномовець, пристрій для

трансляції радіопередач, по-народному «брехунець», засіб пропаганди і маніпуляції. «Нечуй-левицька» архаїка знарядь праці – знаряддя праці часів кріпаччини, тобто, середини XIX століття, зображеної у творах українського письменника Івана Семеновича Нечуя-Левицького (1838 – 1918). Розглянемо наступний приклад: *За рік визначилося: Росія тим часом увійшла в орвелівський рік (хронологічно та духово), але прийшла до нього без Андропова.* Тут одночасно задіяно обидва значення: хронологічне – 1984 рік (за назвою роману Джорджа Орвела «1984») – та смислове – жорстока політика драконівського контролю, яка існувала за часів Юрія Андропова, керівника СРСР у 1982 – 84 роках.

Коли такі імена відносяться до якостей чи поглядів референта, то перекладачеві доводиться звертатися до широкого тлумачення, як-от у випадку передачі заголовку статті *Kafkaesque v Dickensian* як «Фантастичне чи реалістичне зображення дійсності» або «Лінія Кафки чи лінія Діккенса в літературі». Звісно, що в певних випадках можуть бути застосовані і прикметники «кафкіанський» та «діккенсівський». Наприклад, *Я називаю такі прочитання кафкіанськими, тому що вони ігнорують зв'язок між російською літературою та Російською імперією і натомість поселяють персонажів у ніби нічийній землі, подібній до тієї, де живуть герої Кафки* (Ева Томпсон). *Ми ж бачимо кафкіанське перетворення, яке сталося з багатьма людьми: коли люди, які раніше, здавалося, були інтелігентними та освіченими, бризкають одне на одного слиною, обзиваючи фашистами.* А ось приклад застосування діккенсівський в романі Валерія Шевчука «Юнаки з вогненної печі» (1991) *Може, я перебільшував у цих своїх негаціях, але досить було хоч би того, що Ларисин батько – діккенсівський тип, тобто саме той донощик, котрий напевне доніс на мене на Миколаївську, і Лариса це знала, знала!* (Валерій Шевчук)

Епоніми від топонімів нерідко є назвами продуктів (вина, сири, ковбаси), які виробляють у певному регіоні (*Cheddar, Parmesan cheese, Urpiner, Worcestershire sauce, wiener, frankfurter, brie, Emmenthal*). Скажімо, *Worcestershire sauce* можна передати прикметником з родовим «соус» – «вустерський соус», або «вустерширський», чи наводячи тлумачення – «пікантний соєвий соус». Вустерський соус – важливий інгредієнт салату «Цезар» та коктейлю «Кривава Мері». В перекладі Марини Загребельної оповідання «Одружений» Пірс Полрад, опублікованого у журналі «Всесвіт» у 1984 році, зустрічаємо варіант «вустерський соус». *Вона сіла поруч, поклала собі теж печеної картоплі, яку розрізала ножем і змастила маслом, сметаною, посипала нарізаною цибулею і тертим сиром, додала печених бобів під*

вустерським соусом, трохи приправи «Табаско», на окремій тарілочці шматочки помідора, заправлені оливковою олією, лимоном, перцем і нарізаною кубиками цибулею.

Якщо продукт цей недостатньо добре відомий у культурі мови перекладу, то при передачі його на цю мову його назва має супроводжуватися родовим терміном: *Gruyère* – *сир грюєр*; *Emmenthal* – *ементальський або швейцарський сир*; *Maasdam* – *сир «Маасдам»*; *Hollandaise* – *Голландський соус* (а десь можливо краще навести тлумачення «*гарячий яєчно-масляний соус*»). Приміром, як у цьому перекладі Катерини Гловацької з «Аварії» Дюрренматта: *Суперечка ставала дедалі жвавіша, голосніша та незрозуміліша, втрутився суддя, теж розхвилювався, і коли попервах Трапс ще силувався бодай щось почути та збагнути сенс суперечки, то згодом він полегшено відітхнув, як економка поставила на стіл сири – камембер, брі, ементальський, грюєр, тет-де-муан, вашерін, лімбурзький, горгонцоль (Фрідріх Дюрренматт). Наведемо ще один приклад, цього разу з рекламного тексту. У закладі також можна підкріпитися піцою – наприклад, класичною «Маргаритою» в авторському виконанні (готують з копченими томатами чері й *сиром грюєр*).*

Сьогодні найбільшою групою неологізмів імен власних стали фірмові назви виробів та торгові марки (*Ariel, Shweppes, Revlon, Bic, Wrangler*), які фіксуються не в словниках, а в каталогах. Слова цього роду виходять із вжитку, як тільки виходить із вжитку товар чи виріб, який вони називають. Звичайно їх слід передавати транскрипцією в лапках, та якщо виріб в мові перекладу не дуже добре відомий, то багато хто рекомендує підшуковувати функціональний аналог в культурі перекладу (*Anadin* – *анальгін*) чи до родо-видової заміни (*Tipp-Ex* – *штрих-коректор*, *Biro* – *шарикова ручка*). Так, *Revlon* можна передати як «губна помада «Ревлон»», як «модна американська помада», або просто «губна помада» (Newmark, 1988, s. 143).

Хоча головна функція торгової марки, надаючи продукту ярлик, виокремити його, ці слова не є семантично порожніми, адже вони асоціюють марку з певним видом товару і його характеристиками, скажімо, *Rolex* пов'язується з коштовним і престижним годинником, а то й із поганим смаком, *Winston* – з сортом сигарет середньої вартості, а *Bentley* – з автівкою класу «люкс». І, мабуть, у наступних реченнях з роману *The Angel Maker* Рідлі Пірсона (Ridley Pearson) підкреслені слова можна передавати транскрипцією в лапках без слів-класифікаторів: 1) *His gold **Rolex** winked at Tegg as it caught the light.* 2) *By five-thirty that afternoon, over one hundred cars had filled the lower parking area of the Broadmoor Golf Club. **Mercedes, BMWs, Acuras, the occasional Cadillacs and Olds.***

Знайдемо приклади передачі торгових марок в українських текстах. 1) Умостившись за кермом, Лейла запалила «Мальборо» і видихнула хмарку диму. 2) Какао ще раз схиляється й бачить на підлозі, поруч із раковиною, стосик брошурок із проповідями преподобного, він побожно бере одну, розглядає трішки пожмакане обличчя Джонсона-і-Джонсона, розглядає «ролекс» на його руці і, посміхнувшись, ховає брошуру до кишені свого пісочного піджака (Сергій Жадан).

Однак, якщо «Герші», «Лібіз» або «Крафт» мають у американців стійкі асоціації, відповідно, з шоколадом, томатним супом та сиром, то лише перша марка – «Герші» – здатна викликати у нашого читача подібні асоціації.

Вибір шляху передачі реалії (Влахов, Флорин, 1980, с. 94) самим суттєвим чином залежить від жанрової приналежності твору, що перекладається, і якщо в «звичайній» прозі, транскрибуючи епоніми, можна дати пояснення у виносці, то в драматичному творі чи в дубляжі кінофільму це неможливо. Наприклад, при перекладі кінофільму «Період пристосування» за однойменною п'єсою Теннессі Вільямса ряд фрагментів містив епоніми, які є носіями інтенсивного смислового навантаження, і, значить, вимагають, здавалось би, обов'язкової передачі. *Isabel: ... Oh, I help myself to a little Pepto-Bismol! I found it in your sweet little bath room. /Ralph: Aw, that pink stuff? Take it all.* У перекладі маємо: *Ізабель: Я випила трохи соду.* «Пепто-Бісмол» – торгова марка вісмуту субсаліцилату, «рожевого вісмуту», лікарський засіб для лікування тимчасового дискомфорту в шлунку та шлунково-кишковому тракті, такого як нудота, печія, порушення травлення, розлад шлунку та діарея. У перекладі застосовано функціональний аналог – соду, яка також допомагає при печії, проте героїню радше від хвилювання нудить.

В художній літературі епоніми від топонімів та власні імена – торгові марки чи епоніми від них, найчастіше виступають у ролі уточнювальної деталі, що, на думку Валерії Кухаренко (1988), шляхом фіксації незначних подробиць дозволяє створювати враження достовірності. Тому нам здається, що практика пропускати такі слова в перекладі, чи передавати родовим словом, як правило, є невиправданою, оскільки саме торгова назва може додавати реальності та правдоподібності будь-якій ситуації. Так, нам важко погодитися з відомим болгарським перекладознавцем Сидером Флоріним, який у популярній книзі «Муки перекладацькі» пише: «У романі Г. Дж. Веллса «Напередодні» ("Meanwhile") у перерахуванні подаваного на сніданок "Dundee marmalade" залишився тільки *мармеладом*, щоб уникнути необхідності давати пояснення того, що не надає в цьому випадку навіть якогось будь-якого додаткового

кolorиту, назві *данді*» (Флорин 1983, с.162-163). А шкода, бо це не просто мармелад, а мармелад з померанців (гірких апельсинів) з цедрою, традиційна британська їжа.

Із можливих способів передачі власних імен, які позначають торгові марки, кращий – транскрипція або транслітерація в лапках з великої літери та пояснювальними словами, введеними до тексту. Наприклад, як це подано у наступному матеріалі в газеті «День»: *До списку увійшли, зокрема, фарби для волосся «Полікolor» та «Ревлон», ручки «Паркер» і «Шнайдер», одяг і взуття марки «Найк» та «Ренглер», печиво «Лу», соус «Маггі», шоколадки «Марс» та «Баунті».* Проста транскрипція, хай і супроводжена виноскою, буде вести до засмічення мови небажаними епонімами, а повна відмова від збереження формальної оболонки власного імені при передачі змісту описовим способом позбавить нас художніх деталей, які відіграють важливу роль в цілому тексті.

Отже, при передачі епонімів у перекладі вони часто не мають прямих відповідників у мові перекладу, тому перекладачі повинні знаходити творчі рішення, аби передати специфічне значення, пов'язане з ним.

Список літератури

- ВЛАХОВ, С. ФЛОРИН С. Непереводимое в переводе. Москва: Международные отношения, 1980. 349 с.
- ЗОРІВЧАК, Р. П. Реалія і переклад (на матеріалі англomовних перекладів української прози) : монографія. Львів : Видавництво при Львівському державному університеті, 1989. 215 с.
- КАЛЬНИЧЕНКО, О. А., ГАРАЩУК Л. А., КАЛЬНИЧЕНКО Н. М. Англійські епоніми та особливості їх передачі українською мовою. *Вчені записки Харківського гуманітарного інституту «Народна українська академія»*. Харків : Око, 2000. Т. 6. С. 485–494.
- КУХАРЕНКО, В.А. Интерпретация текста. Москва: Просвещение, 1988. 188 с.
- ФЛОРИН, С. Муки переводческие. Москва: Высшая школа, 1983. 213 с.
- ADAMS, R. F. *Western Words: A Dictionary of the American West*. Norman: University of Oklahoma Press, 1968. 355 pp.
- NEWMARK, P. A. *Textbook of Translation*. London: Prentice Hall, 1988. 292 p.

Наталія Кальниченко / Nataliia Kalnychenko
кафедра слов'янських мов Університету Матея Бела в Банській Бистриці, Словаччина
Department of Slavic Languages, Faculty of Arts, Matej Bel University in Banska Bystrica
Tajovskeho 40, 97401 Banska Bystrica, Slovakia
E-mail: nataliia.kalnychenko@umb.sk
ORCID ID: 0000-0002-4807-1022

Особенности гибридизации в мемных текстах (на материале котоматриц)

Olga Makarowska

Университет им. Адама Мицкевича в Познани
Познань, Польша

Аннотация: В рамках коммуникативного направления, исследующего язык, коммуникацию и культуру Сети, широко изучается признанная гибридной устно-письменная форма функционирования в ней языка. Однако гибридизация, воплощенная в котоматрицах, мало изучена. В статье рассматриваются разные аспекты (не)языковой гибридизации, реализующийся в них. Представляются ее типы, виды, механизмы образования гибридов и особенности связи между текстом и иконоидом в процессе гибридизации.

Ключевые слова: гибридизация, типология гибридизации, иконоидные мемы, котоматрица, виды гибридизации.

Features of hybridisation in meme texts (on the material of cat memes)

Annotation. Within the communicative strand investigating language, communication and culture of the Web, the recognised hybrid oral-written form of language functioning within it has been widely studied. However, the hybridisation embodied in catomatrices has been little studied. This article examines different aspects of the (non)linguistic hybridisation realised in them. Its types, kinds, mechanisms of hybrid formation and features of the relationship between texton and iconoid in the process of hybridization are presented.

Keywords: hybridization, typology of hybridization, iconoid memes, cat memes, types of hybridization.

Гибридизация как явление, издавна существующее (Pieterse, 2001, с. 221), и как процесс, считающийся началом „всякой жизни как физической, так и психической” (Бодуэн де Куртенэ, 1963, с. 363), применяется и исследуется в различных областях (не)гуманитарного знания. При этом представители разных научных дисциплин в целом определяют ее как смешение элементов, разнящихся между собой прежде всего происхождением. Так же единодушно отмечается¹¹:

- как минимум двойственное происхождение гибридов;
- наличие не менее одного признака, отличающего/противопоставляющего смешиваемые компоненты;

¹¹ Характеристики гибридизации даны по (Drobniak, 2019, с. 23-27; Ирисханова, 2010, с. 32-33).

- выход за рамки стереотипа и получение нестандартного результата;
- значимость адаптации гибрида в сфере функционирования и продуктивности модели гибридизации;
- естественность процесса языковой (как и природной) гибридизации, которая протекает „по законам, не зависящим от индивида или не всегда им осознаваемым” (Ирисханова, 2010, с. 28).

Многоаспектность гибридизации и разнообразие ее процессов обусловило разработку нескольких типологий в соответствии с отличными критериями (Ирисханова, 2010, с. 3; Хотног, 2019, с. 191-192). В рамках лингвосемиотических исследований, принимающих за основу критерий принадлежности знаков к разным или к одной семиотической системе, выделяются поликодовый и монокодовый типы гибридизации. Если в определении поликодового типа учитываются неязыковые знаки, то монокодовость сводится к языковым знакам, причем без учета критерия (не)родственности языков, что важно (Поливанов, 1991, с. 353-354)¹². Поэтому дополнение типологии, предложенной Анастасией Хотног, представляется обоснованным (добавленные элементы отмечены звездочкой):

Схема 1. Модифицированная версия типологии гибридизации А. Хотног (2019, с. 192).

¹² Поликодовый тип – „сочетание языковых и/или неязыковых” взаимодействующих кодов; монокодовый охватывает полиязыковую гибридизацию, т. е. эффект сращения „морфем или слов одного языка” с языковыми элементами другого, и моноязыковую как результат сочетания „морфем или слов одного и того же языка” (Хотног, 2019, с. 191).

Поликодовую неязыковую гибридизацию понимаем как сочетание разных типов знаков¹³. Монокодовую неязыковую – как сочетание знаков одного типа, почерпнутых из двух и более источников (напр., знаков-икон в фотожабах, т. е. элементов разных фотографий) или принадлежащих к иным разновидностям, скажем, совмещение элементов фото и плаката, рисунка и видеокadra, снимка и репродукции картины и под.¹⁴

В работах, исследующих гибридизацию на материале поликодовых мемов, преимущество отдается анализу их структуры (сочетанию разнокодовых компонентов, степени креолизации текстов, видам и специфике связи между ними), а также лексическим гибридам.

Однако существуют и другие виды гибридизации (Ирисханова, 2010, с. 33), поэтому основная цель настоящей работы связана с установлением их особенностей в котоматрицах (КМ). Для этого выявляются и определяются виды гибридизации в КМ; анализируется специфика их обнаружения; описываются механизмы образования гибридов. В работе применяются методы описания, семантического и интерсемиотического анализа.

Ярким примером смешанной поликодowości (сочетание текста и изображения) являются иконоидные мемы – аткрытки, (де)мотиваторы, эдвайсы и пр. Избрание КМ в качестве исследуемого материала объясняется тем, что они не ограничены композиционными рамками и правилами оформления. Это дает их авторам широкие возможности в выборе и сочетании языковых средств при создании текстонів. Эксцерпция материала (примерно 500 мемов) была проведена из собрания мемов, размещенных на сайте КОТОМАТРИЦА.РУ, методами сплошной и произвольной выборки с помощью поисковой системы сайта.

Несмотря на то, что в российском лингвистическом дискурсе термины *гибридизация* и *контаминация* часто¹⁵ трактуются как синонимы (Борисова, 2018), первый применяется достаточно редко (Ирисханова, 2010, с. 29). Поскольку контаминацией „можно обозначить многие другие языковые явления” (Стрельцов, 2021, с. 141), а „терминология описания” контаминации и ее разновидностей

¹³ Примеры поликодовой неязыковой гибридизации – сочетания знаков-икон с математическими символами: на меме между фотографиями черного, белого, рыжего котів и стиральной машиной стоит знак плюс, а между снимком машины и бело-черно-рыжей кошечки – знак равенства [1].

¹⁴ См.: фото юношей с фейсами вместо лиц [2]; фотожабу – фото скульптуры „Гомункул слоподобный” Маргрит ван Бреворт на картине Валентина Серова „Девочка с персиками” [3].

¹⁵ В узкой трактовке термины размежевываются (см., напр.: Нефедова, 2022, с. 180-181, 182).

неоднозначна (Цыганова, 2014, с. 200), выбор термина *гибридизация* представляется обоснованным.

Итак, в КМ отсутствует монокодовая неязыковая гибридизация, очень редко встречается поликодовая неязыковая (см. сноску 3). В рамках смешанной поликодовой гибридизации появляются следующие ее виды (названия со звездочкой даны условно).

Смысловая гибридизация*, в контексте КМ¹⁶, – это получение новых смыслов при соединении буквального смыслового содержания иконоида и смысла текстона – слов, фразем¹⁷, фраз, выражений. При этом обыгрывается переносный или буквальный смысл текстона. Пример-1: на фото [4] щенок писает на клавиатуру компьютера; текстон „вирусы ? / **мочить** их, гадов!“. Значение жаргонизма *мочить* (убивать) в свете иконоида приобретает значение *жестко расправиться путем испускания мочи* (ср. помочиться/мочиться – испустить/испускать мочу).

Пример-2: на фото [5] в бокале стоит рыжий котенок; текстон „Вы любите **Золотое Игривое?!...**“ *Золотое игривое* – разговорное название шампанского *Золотое* с частичками золота, относящееся к котенку ввиду соединения: 1) значений слов *игривый* (любящий играть) и *игривый* (шипучий в значении *производящий шипение, не пенистый*)¹⁸; 2) переносных значений слова *золотой* – „желтоватый“ и „очень ценный“, что весьма значимо в контексте котматричных текстов, авторы которых рыжих котиков часто называют золотом.

Культурная гибридизация*, соединение элементов разных культур, в КМ выступает на уровне иконоида и/или текстона. Например: фото белки с японскими атрибутами (суши и палочки в лапке, на голове белая повязка, имитирующая флаг Японии); надпись „Какие смешные белочки после саке приходят!!!“ [6]. В текстоне состояние алкогольного делирия (называемое „белка/белочка“ и неправильно интерпретируемое как последствие злоупотребления алкоголем) и пьянка японцев объединяются в одну ситуацию. Само название – результат моноязыковой гибридизации: БЕЛая гѐрЯЧКА → белочка → белка. Данный мем – пример эксплицитной гибридизации. В основе имплицитной лежат механизмы ассоциативной

¹⁶ О ней можно говорить, поскольку ее процессы „протекают как на уровне ментальных структур (т. е. на содержательном уровне), так и на формальном уровне“, причем в ряде случаев без формального маркирования „внутри самой гибридной единицы или гибридного комплекса“ (Ирисханова 32).

¹⁷ Фразем – „относительно устойчивая языковая форма (выражение, фраза или целое предложение), которая воспроизводится в речи разными коммуникантами в одной и той же функции и в том же самом значении“ (Urbańczyk, Kusała, 1999, с. 103). Перевод наш – О. М.

¹⁸ Здесь и далее значения слов, выражений при водятся по Викисловарю.

связи¹⁹: на фото [7] пучок длиной засохшей травы со множеством улиток; текстон „Букет для француза”. Улитки вызвали у автора мема ассоциацию с французской кухней, что и определило получателя такого подарка.

Жанровая гибридизация, то есть результат сочетания „жанров внутри одного произведения” (Хорева, 2018, с. 93), одновременно в текстоне и иконоиде не выступает. Неприменение ее в иконоиде обусловлено негласным запретом обработки фотографий для КМ в программах типа Фотошоп. Но есть исключения: на портрете Леонардо да Винчи Джоконда держит упитанную рыжую кошку; текст наверху иконоида – „Знакомьтесь:”, напротив женщины – „-Мона,” напротив кошки – „-Лиза.” [8]. Редко встречается и жанровая гибридизация в текстонах: фото бегущей длинношерстной собаки, похожей на шарик, сопровождается надписью „«Я от бабушки ушел, / Я от дедушки ушел, / А от Зверева – не смог» – / пел гламурный Колобок.” [9]. В текстоне смешаны два жанра – сказка (песенка Колобка) и частушка, о чем говорят ее признаки: 4 строки разного содержания, концевые парные „мужские” рифмы, ударение на 3 и 7 слогах, четырехстопный хорей, сохранение речевого ударения при пении и наличие 2 музыкальных фраз²⁰.

Результатом **семантической гибридизации (блендинга)**²¹ является новое слово с оригинальным значением (бленд), образованное путем соединения нескольких (двух и более) слов, частей нескольких слов или слова/слов и части другого слова или частей других слов.

Блендинг применяется в рамках полиязыкового типа гибридизации, хотя не часто, например: на фото [10] хомяк держит игрушечный автомат; текстон „террорист-**хомикадзе** к заданию готов!”. Слово *хомикадзе* (хомяк-камикадзе) образовано путем сочетания **ХОМяк** + **камиКАДЗЕ**.

С помощью блендинга обычно осуществляется моноязыковая гибридизация с помощью:

а) соединения слов. На фото [11] кричащий кот лезет на диван; текстон „Хозяииин!!! Спасай!!! / Меня мыши за хвост тянут! / В этот страшный **поддиван!**”: поддиван = под + диван. На фото [12] кот играет с пружиной, торчащей из плинтуса; надпись „Для вас может это и дверной ограничитель / А для меня это чудесная **дрын-**

¹⁹ В основе механизма ассоциативных связей лежит объединение „в одну единую группу” „различных образований” или „нескольких представлений (идей)” (Назаров, 2013, с. 43).

²⁰ Признаки частушки даны по (Лазутин, 1981, с. 181-202).

²¹ В связи с заблуждениями относительно блендинга, а также терминологическим и дефиниционным разнообразием (Стрельцов, 2021), избегаем употребления связанных с ним распространенных, но требующих уточнения, терминов словообразования.

дрынкалка". Ономатопеические слова *дрын* и *дрынкалка* образованы от глагола *дрынка́ть* (дрынькать) – плохо играть на музыкальном инструменте. Значение слова *дрын-дрынкалка* (дрын + дрынкалка) – *отличная игрушка для кота*.

б) соединения частей нескольких слов. На фото [13] кошка сидит на фоне окна с жалюзи и котенка, пролезающего через них; надпись „Эй! **Жалюзай** к нам!”, где Жалюз**и** + ~~зале~~Зай = жалюзай, т. е. *залезай через жалюзи*.

в) соединения слова и части другого слова. На фото [14] кот спит на драном диване; текстон „Суров, взыскателен и скор / Ваш верный **котпотребнадзор** / Прошел проверку и диван. / Не пенополиуретан.” Котпотребнадзор = Кот + ~~Р~~еепотребнадзор, где Роспотребнадзор – Федеральная служба России по надзору в сфере защиты прав потребителей. Значение котпотребнадзор, возможно, *надзор кота за качеством потребительских товаров*.

Иногда встречаются бленды, составленные из более, чем 2 компонентов: на фото [15] белый кот свернулся в клубок вокруг апельсина, что напоминает глазунью. Надпись „**МЯичница-везделазунья**” образована от сочетания слов и их частей: МЯу+ Яичница + везде + лазунья (глазунья + лазунья от *лазить*).

Примеры **графиксации** в текстонах КМ единичны, например: на фото ворота с ромбовидным проемом, в который просунула морду собака [16]. Текстон „Бубновый **ТУЗик**”, где ТУЗик = туз (игральная карта, влиятельное лицо) + Тузик (имя собаки).

Достаточно широко в КМ применяются все подвиды **текстовой гибридизации**, т. е. употребление в русскоязычном тексте иностранных слов²²:

1) в русской транскрипции или транслитерации, иногда одновременно. Например, немецкое выражение *ein Moment*: на фото [17] рыжий кот грызет оранжевый цветок; текстон „Что за рыжий конкурент? / Щас исправим, **айн момент!**”

2) в оригинале. На фото [18] собака влезла головой в дыру в кирпичной стене; текстон „«свободный **life**» / общайся с друзьями без преград!”

3) в качестве компонента нового слова или заимствования, употребляющегося в соответствии с грамматическими правилами русского языка. Например, на фото [19] серо-белая кошечка в окружении четырех черных котов; текстон „К **VIP-Мурке VIP-хозяин** приставил **VIP-охрану!** / Теперь к ней, даже в марте, не лезут хулиганы! / Сидит она скучает! Охрана молчалива! / Да... жизнь бывает к **VIPам** совсем

²² Определение текстовой гибридизации дано с опорой на дефиницию в (Бойко, 2014, с. 36), а ее подвиды на основании описания в (Kravchenko, 2012).

несправедлива!” На фото [20] кот лежит в микроволновой печи; текстон „Камера с подогревом и ультразвуком для **вип-котов**”.

Асемантическая гибридикация, замена русских букв в слове иностранными буквами-эквивалентами (ТАNдем, КраSота, ZoLoTo), не часто, но встречается. На фото [21] лысый страшный кот с выпущенными когтями орет и вырывается из рук хозяина; текстон „vot kak vigonyayut demonov iz kotov”.

Редкой является и **фразеологическая гибридикация** – сочетание нескольких фразеологизмов. На фото [22] котик с мокрой мордочкой; текстон „**Жаба душит аж слюни текут**” состоит из 2 выделенных фразеологизмов.

Фонетическая гибридикация, как смешение элементов неродственных языков, зафиксирована в избранных КМ один раз. На фото [23] хомяк сидит за столиком с едой в японском стиле; текстон „Охисиант!! Бляхиньсь!! Хде Саке к ужиньхуньсь??!!” В слове *официант* звуки [ф] и [ц], отсутствующие в японском языке, заменены свистящим [с], что привело также к замене не имеющегося в японском звука [ы] звуком [и].

Межкатегориальная гибридикация, то есть „интеграция в знаке разных способов концептуализации референта” (Ирисханова, 2010, с. 33) отмечается изредка: на фото [24] белые коты сидят в раскрытом холодильнике, рассматривая продукты; текстон „наподобие **белых** на холодильник”. При субстантивации прилагательное *белые*, впрочем, не один раз субстантивированное (ср. *белые* – белогвардейцы; европеиды; фигуры белого цвета в шашках и шахматах), обрело новое значение – *белые коты-захватчики*.

В качестве проявления межтекстовой гибридикации выделяется интертекст (Ирисханова, 2010, с. 33), что требует отдельного рассмотрения ввиду расплывчатости понятия, а также множественности связей текстонв КМ не только с другими текстами, но и с разнообразными культурными источниками (Макаровска, 2017, с. 181-194). Пристальное внимание нужно уделить как стилистической гибридикации, основывающейся на соединении функциональных стилей, так и функциональной, предполагающей совмещение в знаке иконичности, индексальности и символичности (Ирисханова, 2010, с. 33). Возможность наличия в КМ полиязыковой гибридикации, базирующейся на смешении элементов родственных языков, обуславливает необходимость установления/исключения данного факта. Все это задает вектор дальнейшего изучения специфики гибридикации в котоматричных текстах.

Подводя итог, следует отметить, что единственный тип гибридизация, который в КМ не осуществим, – монокодовая неязыковая. Дело в том, что она сопряжена с использованием знаков одной и той же семиотической системы, например только фотографий, а это противоречит жанровым установкам. Рассмотрение гибридизации в свете отношений текстона и иконоида раскрыло значимую роль изображения, участвующего в создании текста как: а) визуального элемента, сопровождающего текст (мем [7]); б) смыслообразующего фактора – все остальные примеры. Первый вид связи текстона и иконоида говорит о частичной, второй – об их полной креолизации. Механизмы гибридизации – ассоциация и соединение, которому иногда сопутствует наложение элементов.

В виду окказионального характера гибридизации говорить об адаптации гибридов в устно- и письменноречевой практике было бы не обосновано. В целом же всем гибридам присущи нестандартность, что свидетельствует об активизации у авторов мемов креативного потенциала и выход за рамки шаблонности.

Список литературы

- DROBNIAK, Adam. *Definiowanie koncepcji hybrydyzacji rozwoju*. In: *Rozwój Regionalny i Polityka Regionalna* [online]. Poznań: UAM, 2019, nr 45, s. 23-40 [cit. 2023-03-26]. Dostępne na: https://www.researchgate.net/publication/332107610_Definiowanie_koncepcji_hybrydyzacja_rozwoju_Defining_development_hybridization_concept
- KRAVCZENKO, Alexander. Взаимодействие культур и гибридизация языка. In: ЯНАШЕК, Крыстына et al., ed. *HOMO COMMUNICANS: человек в пространстве межкультурных коммуникаций*. Щецин: GRAFFORM, 2012, s. 80-86 [cit. 2024-07-07]. ISBN 978-8393-41-414-7. Dostępne na: https://www.academia.edu/1458122/Взаимодействие_культур_и_гибридизация_языка
- PIETERSE, Jan Nederveen. Hybridity, So What? The Anti-hybridity Backlash and the Riddles of Recognition. In: *Theory, Culture & Society* [online]. London: SAGE, Thousand Oaks and New Delhi, 2001, pp. 219-245 [cit. 2023-03-26]. Dostępne na: https://www.researchgate.net/publication/249725861_Hybridity_So_What
- URBAŃCZYK, Stanisław a Marian KUCAŁA, ed. *Encyklopedia języka polskiego*. Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1999. 507 s. ISBN 8304045079; 978-8304-04-507-1.
- ХОРЕВА, Лариса. *Нарративные стратегии в новейшей русской литературе*. In: *Globalie un lokālie procesi slāvu valodās, literatūrā un kultūrā 2*. Rīga: LU Akadēmiskais apgāds, 2019, s. 93-99 [cit. 2024-07-07]. ISBN 978-9934-18-407-9. Dostępne na: <https://core.ac.uk/download/pdf/249317815.pdf>
- БОДУЭН ДЕ КУРТЕНЭ, Иван. О смешанном характере всех языков. In: Бодуэн де Куртенэ, Иван. *Избранные труды по общему языкознанию. Том 1*. Москва: Издательство Академии наук СССР, 1963, s. 362-372.

- БОЙКО, Светлана. *Англицизмы в современном русском языке: лингвоэкологический аспект*. In: *Экология языка и коммуникативная практика* [online]. Сетевое издание: Сибирский федеральный университет, 2014, № 2, s. 32-43 [cit. 2024-07-07]. Dostupné na: <http://ecoling.sfu-kras.ru/wp-content/uploads/2014/09/Boiko-S.A..pdf>
- БОРИСОВА, Инна. *Современные тенденции процесса окказионального словообразования в Интернет-общении*. In: *Litera* [online]. Сетевое издание: ООО <НБ-Медиа>, 2018, № 3, s. 281-288 [cit. 2024-07-07]. Dostupné na: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=27160
- ИРИСХАНОВА, Ольга. *О языковой гибридизации, лексических гибридах и фокусе внимания*. In: *Вестник МГЛУ* [online]. Москва: ФГБОУ ВПО МГЛУ, 2010, № 603, s. 27-44 [cit. 2023-03-26]. Dostupné na: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=17111084>
- ЛАЗУТИН, Сергей. *Поэтика русского фольклора*. Москва: Высшая школа, 1981, 221 s.
- МАКАРОВСКА, Ольга. *Редиректовность котоматричных текстов*. In: *Žmogus Kalbos Erdvėje* [online]. Kaunas: Vilniaus universiteto Kauno fakultetas, 2017, № 9, s. 176-189 [cit. 2024-07-07]. Dostupné na: https://www.knf.vu.lt/dokumentai/failai/konferenciju/ZKE_2017.pdf
- НАЗАРОВ, Анатолий. *Ассоциации без ассоцианизма*. In: *Психологический журнал* [online]. Сетевое издание: Международного университета природы, общества и человека „Дубна“, 2013, № 2, s. 43-77 [cit. 2024-07-07]. Dostupné na: <https://psyanima.su/journal/2013/2/2013n2a3/2013n2a3.pdf>
- НЕФЕДОВА, Любовь. *Лингвокреативные практики современного словотворчества (на материале немецкого и русского языков)*. In: *Уральский филологический вестник* [online]. Екатеринбург: УГПУ, 2022, № 2, s. 177-189 [cit. 2024-07-07]. Dostupné na: <https://journals.uspu.ru/attachments/article/2650/15.pdf>
- ПОЛИВАНОВ, Евгений. *Труды по восточному и общему языкознанию*. Москва: Наука, 1991. 623 s. ISBN 5-02-017118-2.
- СТРЕЛЬЦОВ, Алексей. *Блендинг: краткая история заблуждений*. In: *Теоретическая и прикладная лингвистика* [online]. Благовещенск: АмГУ, 2021, № 7 (4), s. 135-147 [cit. 2024-07-07]. Dostupné na: https://lingua.amursu.ru/upload/lingua/2021/4/thal_2021_4.pdf
- ХОТНОГ, Анастасия. *Природа гибридного дискурса (на материале французского языка)*. In: *Филологические науки. Вопросы теории и практики* [online]. Тамбов: Грамота, 2019, том 12, выпуск 8, s. 190-194 [cit. 2023-03-26]. Dostupné na: <https://cyberleninka.ru/article/n/priroda-gibridnogo-diskursa-na-materiale-frantsuzskogo-yazyka>
- ЦЫГАНОВА, Наталья. *Контаминация как основной способ словотворчества*. In: *Филологические науки. Вопросы теории и практики* [online]. Сетевое издание: Грамота, 2014, № 1 (31), часть 1, s. 200-203 [cit. 2024-07-07]. Dostupné na: https://www.gramota.net/articles/issn_1997-2911_2014_1-1_55.pdf

Источники мемов

- [1] https://the-deep.ru/news_portal/modules.php?name=News&file=print&sid=12319. [cit. 2023-03-26].

- [2] https://2.bp.blogspot.com/-iglBycd2VP8/UYOtBai73dI/AAAAAAAAA7A/ORvnFJZfuig/s1600/C360_2012-03-01+20-25-41+copy.jpg, [cit. 2023-03-26].
- [3] https://avatars.dzeninfra.ru/get-zen_doc/3770780/pub_5fa852a81aeb58326cd37385_5fa854a28eb5b23a30c59bb0/scale_1200, [cit. 2023-03-26].
- [4] <http://kotomatrix.ru/show/1337073/>, [cit. 2024-07-09].
- [5] <http://kotomatrix.ru/show/401643/>, [cit. 2024-07-07].
- [6] <http://kotomatrix.ru/show/742006/>, [cit. 2024-07-07].
- [7] <http://kotomatrix.ru/search.php?q=букет+для+француза>, [cit. 2023-03-26].
- [8] <http://kotomatrix.ru/show/1136952/>, [cit. 2024-07-07].
- [9] <http://kotomatrix.ru/show/660441/>, [cit. 2023-03-26].
- [10] <http://kotomatrix.ru/show/77437/>, [cit. 2024-07-07].
- [11] <http://kotomatrix.ru/show/1673196/>, [cit. 2024-07-07].
- [12] <http://kotomatrix.ru/show/1673710/>, [cit. 2024-07-07].
- [13] <http://kotomatrix.ru/show/1029468/>, [cit. 2024-07-07].
- [14] <http://kotomatrix.ru/show/1725941/>, [cit. 2024-07-07].
- [15] <http://kotomatrix.ru/show/1711813/>, [cit. 2024-07-07].
- [16] <http://kotomatrix.ru/show/467031/>, [cit. 2024-07-07].
- [17] <http://kotomatrix.ru/show/1431536/>, [cit. 2024-07-08].
- [18] <http://kotomatrix.ru/show/424000/>, [cit. 2024-07-08].
- [19] <http://kotomatrix.ru/show/870997/>, [cit. 2024-07-08].
- [20] <http://kotomatrix.ru/show/1001909/>, [cit. 2024-07-08].
- [21] <http://kotomatrix.ru/show/1313713/>, [cit. 2024-07-08].
- [22] <http://kotomatrix.ru/show/242041/>, [cit. 2024-07-08].
- [23] <http://kotomatrix.ru/show/34807/>, [cit. 2024-07-08].
- [24] <http://kotomatrix.ru/show/1128857/>, [cit. 2024-07-09].

Olga Makarowska

кандидат гуманитарных наук, доцент / PhD. Assistant Professor

аллея Неподлеглиости 4, 61-874, г. Познань

al. Niepodległości 4, 61-874 Poznań

E-mail: olga.makarowska@amu.edu.pl

ORCID ID: 0000-0002-3687-7993

Наименования органов чувств как источник тропов

Гигла Джинджолия
Западнечешский университет
г. Пльзень, Чехия

Аннотация. Статья посвящена изучению тропеических обозначений *сердца* и *души*. Для анализа привлекаются метафоры, сравнения и именные перифразы, извлеченные из произведений русских поэтов XIX – XX веков. Обосновывается понятие образного поля, устанавливается его состав и описываются системные отношения. Рассматриваются устойчивые образы и способы их переосмысления в ряде идиостилей, прослеживается эволюция тропов.

Ключевые слова: образное поле, троп, тропеические обозначения, метафора, сравнение, перифраза, русская поэзия.

Names of sense organs as a source of tropes

Abstract. The article is devoted to the study of the figurative designations heart and soul. For analysis, the author uses metaphors, comparisons and nominal periphrases taken from the works of Russian poets of the 19th-20th centuries. The concept of a figurative field is substantiated, its composition is established, and its system relationships are described. The article considers stable images and ways of their reinterpretation in a number of idiostyles and traces the evolution of tropes.

Key words: figurative field, trope, figurative designations, metaphor, comparison, periphrasis, Russian poetry.

Устойчивые образные формулы, параллели, тропеические обозначения с теми или иными опорными словами и их преобразования привлекают к себе внимание лингвистов. Так, в работах Н. А. Кожевниковой прослежена эволюция тропов в языке русской поэзии XIX – XX веков (Кожевникова, 1986; Кожевникова, 1995, с. 6-79). Описан состав образных парадигм (Павлович, 2004). В исследовании З. Ю. Петровой рассмотрены образные обозначения эмоций (Петрова, 1995, с. 79-106). В работе Л. Н. Синельниковой показан процесс метафоризации названий растительного мира в стихотворном тексте [Синельникова, 2022, с. 47-57]. Внимание уделялось также музыкальной метафоре (Хохонин, 2015). В работах А. Д. Григорьевой, И. И. Ковтуновой, М. А. Бакиной, Е. А. Некрасовой, Ю. Д. Тильман анализируется использование устойчивых языковых формул в ряде идиостилей (Ф. Тютчев, И. Анненский, С. Есенин, М. Волошин, И. Северянин, Б. Пастернак и др.) (Григорьева,

1980; Ковтунова, 2003; Бакина, 1995, с. 106-143; Некрасова, 1994, с. 54-105; Гильман, 1999, с. 203-213). В исследовании Н. А. Фатеевой рассмотрены инвариантные семантические преобразования в поэзии и прозе одного автора и в системе поэтического языка (Фатеева, 1995, с. 178-253). Дано лексикографическое описание тропов в русской литературе XIX – XX вв. (Кожевникова, Петрова, 2000; Павлович, 2007; Кожевникова, Петрова, 2010; Кожевникова, Петрова, 2017; Петрова, Фатеева, 2021).

В русской поэзии XIX – XX веков в большом количестве представлены тропеические обозначения *сердца* и *души*. Однако целостного их изучения не проводилось. Эти лексические единицы у разных поэтов подвергаются метафоризации: *сердца струна* (М. Лермонтов), *сады моей души* (Н. Гумилев), *ветры .../ все дуют в дудочку души* (Б. Окуджава), *в берлоге души* (И. Сельвинский); выступают как предметы сравнений: *И бьется сердце .., / Как сжатая теснинами река* (Вяч. Иванов), *Пело сердце от восторга, / Пело весело, как птица, / Билось гордо, как источник* (И. Бунин), *Сердце скачет, как белка* (И. Бродский); и перифразируемые слова в именной перифразе (Синельникова, 1975): *сердце – кровавый ручей* (А. Блок), *сердце – легкая птица забвений* (А. Блок), *Тесные келейки – наши сердца* (М. Цветаева).

Цель статьи – рассмотреть поле образных обозначений *сердца* и *души* в русской поэзии XIX – XX веков, описать его состав, устойчивые смысловые связи и их преобразования.

Материал исследования – тропы (метафоры, сравнения, именные перифразы), опорными компонентами которых являются слова *сердце* и *душа*. Материал получен методом сплошной выборки из произведений русских поэтов XIX – XX веков (А. Майков, Ф. Тютчев, А. Фет, Я. Полонский, И. Анненский, А. Белый, А. Блок, И. Бунин, Н. Гумилев, С. Есенин, Вяч. Иванов, Б. Пастернак, М. Цветаева, Н. Заболоцкий, Б. Ахмадулина, И. Бродский, А. Вознесенский, В. Высоцкий, Е. Евтушенко, А. Кушнер, Б. Окуджава, А. Тарковский и др.).

Тропы, относящиеся к одному предмету изображения, группируются в семантические совокупности (образные поля, парадигмы) (Петрова, 1995, с. 79-106). Метафоры, сравнения и именные перифразы с опорными словами *сердце* и *душа* могут быть объединены в образное поле. В его составе выделяются следующие микрополя: *музыка, музыкальные инструменты; человек; огонь; водные объекты; птицы; звери, насекомые, рыбы; жилище, дом* и др. Данные микрополя для осмысления, образной

концептуализации *сердца* и *души* в русской поэзии формировались в течение длительного времени и имеют ряд особенностей в разных идиостилиях.

Единицы **образного микрополя музыка, музыкальные инструменты** ограниченно представлены в поэзии XIX века. Характерным является уподобление *сердце/душа – струна, арфа*. Этот образ встречается, например, у М. Лермонтова, А. Фета, Я. Полонского, И. Анненского: *Вдруг стон тяжелый вырвался из груди, / Как будто сердца лучшая струна / Оборвалась* (М. Лермонтов); *Душа порою в сон погружена, – / Но лишь краса душевная коснется / Усталых глаз – бессмертная проснется / И звучно затрепещет, как струна* (А. Фет); *Чью-то душу слышу я, / В струнных звуках долетает чье-то сердце / До меня* (Я. Полонский). У И. Анненского появляются образы *лиры* и *бубенчика*: *О сердце! Когда, леденя, / Ты смертный почувствуешь страх, / Найдется ль рука, чтобы лиру / В тебе качнуть, / Миру, желанному миру, / Тебя, мое сердце, вернуть?; А сердце ... бубенчиком бьется / Так тихо у плотной шлеи*.

В XX веке образы *струны* и *арфы* сохраняются у А. Блока, Н. Гумилева, И. Сельвинского, И. Бродского, В. Высоцкого. *Струны* могут быть *сердечные*, «*усыпленные жизнью*» (А. Блок), *задушевные* (И. Бродский), *серебряные* (В. Высоцкий). Так, у А. Блока: *Как ты рвала без сожаленья / Моих сердечных струн четы!* В поэзии А. Блока встречаются разные виды сочетания, взаимодействия тропов, например, генитивная метафора осложняется метафорическим эпитетом и сравнением с союзом *как*: *И напев приглушенный и юный / В затаенной затронет тиши / Усыпленные жизнью струны / Напряженной, как арфа, души*. Тропы здесь образуют «*смысловую цепочку с переходящими друг в друга элементами смысла*» (Ковтунова, 2003, с. 27).

У Н. Гумилева *арфа* выполняет роль медиатора внутреннего диалога с душой (Ковтунова, 1986, с. 61-66): *И отвечала мне моя душа, / Как будто арфы дальние пропели: / «Зачем открыла я для бытия / Глаза в презренном человеческом теле?»*. У И. Сельвинского: *Душевные страдания как гамма: / У каждого из них своя струна*. Для И. Бродского *лира* – проявление поэтического творчества: *Ну, время песен о любви, ты вновь / склоняешь сердце к тикающей лире, / и все слышней в разноголосом клире / щебечет силлабическая кровь*. С поэтическим творчеством связаны *струны* и у В. Высоцкого: *Загубили мне душу, отобрали волю, / А теперь и порвали серебряные струны*.

Круг музыкальных ассоциаций в XX веке значительно расширяется. Новые единицы – *литавры, капельмейстер* (А. Блок), *напев* (И. Бунин), *нота* (И. Бродский), *музыка* (И. Бродский, П. Антокольский), *раструб* (А. Тарковский), *дудочка* (Б. Окуджава). Приведем примеры: *Нет, уселся капельмейстер / В сердце собственном моем* (А. Блок); *Он жалок был, но я душой привычной / В нем уловил напев родной души* (И. Бунин); *Точно так же движенье души, / что сродни умолкающей ноте, / замирающей в общей тиши* (И. Бродский); *Ах, Шуберт, Шуберт! Твой «Двойник» / В раструб души ее проник, / И рокотал, и сердце ранил, / И душу страстную тиранил* (А. Тарковский); ... *ветры с грустной истомой / все дуют в дудочку души* (Б. Окуджава).

Как видим из примеров, в XIX веке преимущественно используются названия струнных музыкальных инструментов. В XX веке к ним добавляются различные названия ударных и духовых инструментов, слова, передающие характер звучания инструмента, музыкальные термины, название лица, связанного с музыкой, используется слово *музыка* и т. д.

Микрополе человек образуют различные наименования лиц (по возрастному параметру, социальной роли, отношению к вере, роду занятий и характеру деятельности, физическому состоянию, родственным отношениям и др.): *дитя* (А. Фет), *подкидыш* (Ф. Тютчев), *малютка* (А. Фет, М. Цветаева, Д. Пригов), *ребенок* (А. Тарковский), *мальчик* (А. Блок), *девочка* (А. Блок, И. Бродский, Н. Заболоцкий), *девка* (И. Бродский), *жена* (Н. Гумилев); *женщина* (О. Мандельштам), *старуха* (П. Антокольский), *схимник* (А. Блок), *еретица* (М. Цветаева), *паломница* (Б. Пастернак) и др. *Сердце – дитя, малютка, ребенок: Может быть, сердце утихнет больное / И, как дитя в колыбели, уснет* (А. Фет); *Сердце – ты малютка* (А. Фет); *Сердце дремлет, но сердце так чутко, / Помнит все: и блаженство, и боль. / Те лучи догорели давно ль? / Как забыть тебя, грустный малютка, / Синеглазый малютка король?* (М. Цветаева); *И как ребенок «мама» говорит, / И мечется, и требует покровы, / Так и душа ...* (А. Тарковский); *Лелеять буду там один / Я душу – бедную малютку* (Д. Пригов). *Сердце/душа – мальчик, девочка: О, глупое сердце, / Смеющийся мальчик, / Когда перестанешь ты биться?* (А. Блок); *О вас поплачет втихомолку / Шалунья девочка – душа...* (А. Блок); *В качелях девочка-душа / Висела, ножкою шуриша* (Н. Заболоцкий); ... *прекрасная, как девочка, душа, / ты так же велика, как хороша* (И. Бродский); *Смеялись люди за стеной, / а я глядел на эту стену / с душой, как с девочкой больной / в руках* (Е. Евтушенко). *Душа – девка: душа / как в девках*

заждалась, готовая озлиться (И. Бродский). **Душа – жена, женщина, старуха:** *Моя душа осаждена / Безумно-странными грехами. / Она – как древняя жена / Перед своими женихами* (Н. Гумилев); *Кто держит зеркальце, кто баночку духов, – / Душа ведь женщина, ей нравятся безделки* (О. Мандельштам); *Душа, чего ты жаждала, о чем алкала? / Молчи о том, старуха! Слышишь?* (П. Антокольский). **Душа – рабыня, раб:** *Взор обжег и разум вынул, / Ночью света ослепил / И с души-рабыни скинул / Всё, чем мир ее купил* (Вяч. Иванов); *Как раб хранит заветный грош в заплате, / Хранит душа одну мечту – о плате* (И. Бунин); *Когда под соснами, как подневольный раб, / Моя душа несла истерзанное тело* (А. Тарковский). **Душа – нищая:** *Бессонная моя душа ... / Проснулась поутру, как нищая* (М. Цветаева). **Сердце – вор:** *Слушай, поганое сердце, / Сердце собачье мое. / Я на тебя, как на вора, / Спрятал в руках лезвие. / Рано ли, поздно всажу я / В ребра холодную сталь* (С. Есенин). **Сердце/душа – пленник/пленница:** *И сердце, пленник зимних вьюг, / Вдруг разушилось сжиматься* (А. Фет). *Да душа не смеет / Кинуть долгий плен* (И. Бунин); *О, если забудется, пленница лет* (о душе) (Б. Пастернак). **Сердце – схимник:** *Стань, сердце, вздыхающий схимник* (А. Блок); **еретица:** *Скрежещущая еретица – ... Душа, достойная костра* (М. Цветаева); **паломница:** *По мнению многих, душа и паломница* (Б. Пастернак). **Душа – сестра** (М. Цветаева), **сестрица** (А. Тарковский): *Саванароловой сестра* (о душе) (М. Цветаева); *Почему, скажи, сестрица, / Не из райского ковша, / А из нашего напитокя / Захотела ты, душа?* (А. Тарковский). **Сердце – инструктор:** *Но сердце, как инструктор в Шамони, / усиленно карабкается вверх* (И. Бродский); **Сердце – спорщик:** *Сердца не стало. / Спорщик мой где? В окнах ни зги. Пусто на кресле* (И. Бродский).

Очень важным регистром осмысления сердца и души в поэзии XIX века является **образное микрополе огонь:** *Я ль виновен в том, / Что люди угасить в душе моей хотели / Огонь божественный, от самой колыбели / Горевший в ней, оправданный творцом?* (М. Лермонтов); *Душа горит и силится во мне / Залить в груди огонь жемчужной пеной* (А. Фет); *Его душа испепелилась, / Вся в бурях творчества сгоря* (А. Майков).

Смысловая связь **сердце/душа – огонь** широко распространена и в поэзии XX века: *Полюбуйся равнодушно, / Как сердца горят над бездной. / Их костры далеко зримы, / Озаряя мрак окрестный; Ты, душа, порожденье огня* (А. Блок); *Где сердце запылает, не сгорая?* (Н. Гумилев); *В сердце бедном много зла / сожжено и перемолото* (А. Белый); *И сердца незаконный пламень – / Его ребяческая месть*

(О. Мандельштам); *Лишь теперь душа всю сладость / Поняла, какой горела!* (Вяч. Иванов).

Образ огня используют М. Цветаева, Б. Пастернак, А. Ахматова: *Из ночи в ночь валандавшись, / Гормя горит душа* (Б. Пастернак); *Смерти довериться, смелые, / Что вас заставило, что? / Ужас ли дум неожиданных, / Душу зажегший вопрос...* (М. Цветаева); *О, сказавший, что сердце из камня, / Знал наверно: оно из огня* (А. Ахматова). Этот образ встречается у многих поэтов: *Необходимо сердцу быть огнивом* (И. Сельвинский); *Когда, измученный работой, / Огонь души моей иссяк...* (Н. Заболоцкий); *Душа горит и тело тает* (А. Тарковский); *Огонь души в ее слепом полете / не виден был бы здесь давным-давно, / не будь у нас почти прозрачной плоти* (И. Бродский); *Огонь сосны с огнем души / В печи перемешайте* (Б. Окуджава); *И вихрем чувств пожар души задуло, / И я не смел или забыл дышать* (В. Высоцкий); *Его сердце как пламень адовый / все вокруг, все – и лед, и его собственную плоть до тла сжигающий, лишь ее сердца остывшего растопить не в силах* (Д. Пригов).

Как в XIX в., так и в XX в. активны элементы **образного микрополя водные объекты**: *океан* (М. Лермонтов), *море* (М. Лермонтов, А. Блок, Вяч. Иванов); *речная гладь* (А. Блок), *река* (Вяч. Иванов, И. Бунин), *речка* (И. Бродский); *родник* (М. Лермонтов, А. Фет, Я. Полонский), *ключ* (А. Майков), *ручей* (А. Блок), *источник* (И. Бунин); *волна* (Я. Полонский, И. Бунин); *озеро* (Н. Заболоцкий).

Уподобление сердце/душа – океан, море: *В душе моей, как в океане, / Надежд разбитых груз лежит* (М. Лермонтов); *В глазах – как на небе светло, / В душе ее темно, как в море* (М. Лермонтов); *Моря души просторны и безбрежны* (А. Блок). **Сердце/душа – ручей**: *Видишь: сердце – кровавый ручей* (А. Блок). **Сердце/душа – речная гладь, река, речка**: *Сердце все открыто, как речная гладь, / Если хочешь видеть, можешь увидеть* (А. Блок); *И с высот знакомых вижу вновь отдельным водосклон / Рек души, текущих в вечность* (Вяч. Иванов); *И бьется сердце сладко-подневольно, / Как сжатая теснинами река* (Вяч. Иванов); *И мое темнее сердце, / Как река, когда над нею / Облака бросают тени* (И. Бунин); *Доктор Фрейд, покидаю Вас, / сумевшего (где-то вне нас) на глаз / над речкой души перекинуть мост, / соединяющий пах и мозг* (И. Бродский). **Сердце/душа – родник, ключ**: *Случится ли тебе в заветный чудный миг / Открыть в душе давно безмолвной / Еще неведомый и девственный родник, / Простых и сладких звуков полный* (М. Лермонтов); *Земли ль из сердца ключ шипящий / Истоки тайные пробил?* (А. Майков); *Мое сердце – родник, моя песня – волна, / Пропадая вдали, – разливается* (Я. Полонский). **Сердце/душа – волна**: *Сердце*

вновь дрожит и блещет, / Как под солнцем блещут волны, / Что рябит холодный ветер (И. Бунин). *Сердце/душа – озеро: Пусть душа, словно озеро, плещет* (Н. Заболоцкий). *Сердце и душа ассоциируются с жидкостью (текущее сердце, душа течет, сердце текло): И руки поднял, и с ногтей / Текучим сердцем наземь капишь* (Б. Пастернак); *Течет твоя душа в мою* (М. Цветаева); *Всю ночь, до самого света, / Пока не стало светло, / Качалось сердце поэта – / Кипело, пело, текло* (Д. Самойлов).

Традиционный характер имеет осмысление *сердца* и *души* через компоненты **образного микрополя птицы**. В XIX веке смысловая связь *душа/сердце – птица* характерна, например, для творчества Ф. Тютчева, А. Фета, А. Майкова и др. Используются наименования частей птиц (*крылья* – Ф. Тютчев, А. Фет, А. Майков), видовые названия птиц (*голубь* – А. Фет; *соловей* – А. Майков), словообразовательные связи (*птичка* – А. Фет), активны в тропах глаголы, обозначающие различные действия, характерные для птиц (*парить, вспорхнуть, упорхнуть* и др.): *Ах, если бы живые крылья / Души, парящей над толпой, / Ее спасли от насилья / Бессмертной пошлости людской* (Ф. Тютчев); *Взглянул – и пылок навстречу сердце рвется! / Так, голубь, бурею застигнутый, в стекло, / Как очарованный, крылом лазурным бьется* (А. Фет); *Встрепенись, взмахни крылами, / Торжествуй, о сердце, пой* (А. Майков).

В XX веке образ *сердце/душа – птица* сохраняется. К нему обращаются А. Блок, С. Есенин, И. Бунин, А. Ахматова, А. Тарковский, И. Бродский и др. Традиционный элемент данного микрополя – родовое обозначение *птица*. *Птица* у А. Блока часто наделяется эпитетом *белая*, который имеет в его поэзии символический смысл: *Неустающим слухом ловит / далекий зов другой души... / Так – белых птиц над океаном / Неразлученные сердца; Твоя душа себе берет / Прекрасный образ белой птицы*. По словам И. И. Ковтуновой, в поэзии А. Блока «одно из символических значений слова *белый* – неземная сущность, небесная чистота, высший божественный свет» (Ковтунова, 2003, с. 16). Приведем другие примеры: *Ты прости, что я в бога не верую – / Я молюсь ему по ночам. / Так мне нужно. И нужно молиться. / И, желая чужого тепла, / Чтоб душа, как бескрылая птица, / От земли улететь не могла* (С. Есенин); *Душа, усилие медиков – ничто. / Она куда-то улетит, как птица, / На дальше, на новое гнездо* (Д. Самойлов); *Подобье птиц. Душа его чиста* (И. Бродский); *И душа моя ... / Реет, плачет, словно птица, / В заколдованном краю* (Н. Заболоцкий); *И сердце бьется раненою птицей* (В. Высоцкий); *X – это сердце страдает-томится / и Ц – это сердце страдает-томится / и Ч – это сердце страдает, как птица / а Щ – это сердце уже оттомилось* (Д. Пригов).

В поэзии XX века также используются видовые названия *птиц*. Уподобление *сердца* и *души голубю* переходит из XIX века в XX век: *Когда зарницу ветром раздувало, / А у меня уж запеклись уста / И сердце трепетало, точно голубь* (И. Бунин). Круг видовых обозначений *птиц* значительно расширяется: *ворон* (Вяч. Иванов), *чайка* (И. Бунин), *сокол* (Б. Пастернак), *дятел* (И. Сельвинский, И. Бродский), *синица* (А. Тарковский), *попугай* (И. Бродский), *стрижи* (А. Вознесенский), *касятка* (Н. Заболоцкий), *выпь* (Д. Пригов): *Я помню сон, / Всех воронов души черней, / Всех вестников верней* (Вяч. Иванов); *И как с небес добывший крови сокол, / Спускалось сердце на руки к тебе* (Б. Пастернак); *В сердце твоём оголтелый дятел / Не для меня долбит о любви* (И. Сельвинский); *... их сердце стучит, / Черно-красное в образе дятла* (И. Бродский); *Пой, бродяжка, пой, синица, / Для которой корма нет* (о душе; А. Тарковский); *Знай, что душа со временем пополам / Может все повторить, как попугай* (И. Бродский); *В моих горах стрижами заплещутся / Души пойманные твои* (А. Вознесенский); *И душа моя касаткой / В отдаленный край летит* (Н. Заболоцкий); *Минутой сердце защемило, / И вскрикнуло последней выпью / То сердце, пролетая выше* (Д. Пригов).

Уподобление *сердце/душа – крыло*, употребительное в поэзии XIX века, часто повторяется и в XX веке (А. Блок, Н. Гумилев, А. Белый, И. Бунин, М. Цветаева, А. Ахматова). Кроме того, возникают тропы со словами *перышко* (А. Тарковский), *клювик* (Н. Заболоцкий).

Сердце/душа осмысливается сквозь призму **образного микрополя звери, насекомые, рыбы**. Смысловые связи, развивающие это микрополе, не характерны для поэзии XIX века. Сравнение *души с пчелой* мы фиксируем у А. Фета: *А душа моя так же перед самым закатом / Прилетела б со стоном сюда, как пчела, / Охмелеть, упиваясь таким ароматом*. Однако в XX веке эти связи чрезвычайно активизируются. *Сердце и душа* уподобляются *пчеле* (А. Блок), *змее* (Н. Гумилев), *теленку* (С. Есенин), *«зверьку в тибетском храме»*, *дельфину* (О. Мандельштам), *бабочке* (М. Цветаева), *зверю* (А. Ахматова, А. Тарковский), *лошади*, *белке*, *мышь* (И. Бродский), *рыбе*, *зверенышу*, *щенку* (А. Вознесенский), *копыту* (И. Губерман). Приведем примеры: *И душа, летя на север / Золотой пчелой, / В алый сон, в медовый клевер / ляжет на покой* (А. Блок); *Знать, недаром в сердце мукал / Издыхающий телок* (С. Есенин); *Как осетр в сетях трепещет, / Бьется бешено, чтоб сети / Разорвать и прыгнуть в воду, / Так в груди у Гайаваты / Сердце сильное стучало* (И. Бунин); *Душа – навстречу палачу, / Как бабочка из хризалиды* (М. Цветаева); *Я голосую за: / То, чтоб дверью стала дверь,*

/ Замок опять замком, / Чтоб сердцем стал угрюмый зверь / В груди (А. Ахматова); Как зверь, ощерившись, – / пошла добру помочь, / Душа... (А. Тарковский); Сердца рвались, / метались и храпели, / как лошади (И. Бродский); Сердце скачет, как белка, в хворосте / ребер (И. Бродский); Душа твоя впоследствии как мышь (И. Бродский); Душа моя, мой звереныш, / Меж городских кулис / Щенком с обрывком веревки / Ты носишься и скулишь (А. Тарковский).

В XX веке возникают образы, связанные с **микроромом жилище, дом.** «Жилищный» регистр концептуализации *сердца* и *души* используют многие поэты XX века. Встречаются родовые и видовые названия: **дом** (А. Блок, М. Цветаева), **хижина** (Н. Заболоцкий): *О, черен взор твой, ночи тьма, / И сердце каменное глухо, / Без сожаленья и без слуха, / Как те ослепшие дома (А. Блок); В этой грустной душе ты бродил, как в незапертом доме (М. Цветаева); Слова, которые вонзаются, как пламя, / И, в душу залетев, как в хижину огонь, / Убогое убранство освещают (Н. Заболоцкий).* Сопоставление *сердце/душа* – *хижина* имеет в XX веке единичный характер.

Развивается образное сопоставление *сердце/душа* – **части дома, жилища, здания: окно, окошко** (А. Блок), **створка** (Б. Ахмадулина), **форточка** (А. Вознесенский), **дверь** (Н. Гумилев, А. Межиров, В. Высоцкий). Например: *И дышит утро в окошко твое, / Вдохновенное сердце мое (А. Блок); И открылось в сердце дверца (Н. Гумилев); Если правда, душа в каждой клеточке, / свои форточки отвори (А. Вознесенский); И прямо в двери сердца моего / Стучится ночь, бездонная, веселая (А. Межиров).*

Активизируется уподобление *сердца/души* **отдельным помещениям в доме, жилище:** *В моей душе, как келья, душной / Все эти песни родились (А. Блок); Тесные келейки – наши сердца (М. Цветаева); Души в нас – залы для редких гостей, / Знающих прелесть тепличных растений. / В них отдыхают от скорбных путей / Разные милые тени (М. Цветаева); Мне страшно в комнате / души твоей (Е. Евтушенко); Я выйду, ослепший как узник, / и выдам под хохот и вой: / «Душа – совмещенный санузел, / где прах и озноб душевой» (А. Вознесенский).* Нередко подобные уподобления переводятся в бытовой план. В стихотворении, посвященном В. Брюсову, М. Цветаева превращает *сердце* в предмет обстановки (*ночник*): *Я забыла, что сердце в вас – только ночник, / Не звезда. Я забыла об этом.*

Для в XIX века характерно обращение к **образному микрополю храм.** С храмом ассоциируются *душа* и *сердце*, например, у М. Лермонтова, А. Фета: *Моя душа твой вечный храм; / Как божество, твой образ там (М. Лермонтов); Перед тобой во*

храмине сердечной / Я затворюсь / И юности ласкающей и вечной / В ней молюсь (А. Фет). В XX веке образ *храма* встречается у А. Блока: *Пока в душе горит огнями храм, / Чтоб сердце богу поклонилось. Душа* сравнивается с «*намогильной часовней*» у И. Бунина, с *храмом* – у М. Цветаевой: *Она молчит, – ее душа теперь / Пуста, как намогильная часовня, / Где над немой гробницей день и ночь / Горит неугасимая лампада* (И. Бунин); *Твоя душа – куда ушла? / В шкафу – двустворчатом, как храм* (М. Цветаева). Обратим внимание на бытовой характер ассоциаций, связанных с *храмом*, у Цветаевой в приведенном примере («Надгробие», 1935). Во второй половине XX века образная параллель *душа – храм* ослабевает и угасает.

Подведем итоги.

Для русской поэзии XIX – XX веков характерно широкое использование тропеических обозначений *сердца* и *души*. Тропы с данными опорными словами объединяются в образное поле. Его составные части – микрополя *музыка, музыкальные инструменты; человек; огонь; водные объекты; птицы; звери, насекомые, рыбы; жилище, дом* и др., которые служат средствами осмысления, концептуализации, выступают «регистрами» образной характеристики *сердца* и *души*.

Образы, широко распространенные в XIX веке, сохраняются и развиваются в XX веке. К ним, например, относятся традиционные образы *сердце/душа – огонь; водные объекты; птицы*, которые по-разному преломляются в идиостилиях.

Отметим значительное расширение круга образных ассоциаций в XX веке по сравнению с XIX веком (*сердце/душа – музыка, музыкальные инструменты; человек; звери, насекомые, рыбы*). Например, смысловая связь *сердце/душа – человек* конкретизируется через ассоциации, связанные с наименованиями лица. В XIX веке их круг ограничен: *сердце – дитя, малютка* (А. Фет), *подкидыш* (Ф. Тютчев). В XX веке такие ассоциации встречаются довольно часто. Для уподобления привлекаются термины родства, обозначения профессий и рода занятий человека, его склонностей, физического состояния и др. Среди наименований лиц преобладают слова женского рода: *жена* (Н. Гумилев), *женщина* (О. Мандельштам), *сестра* (М. Цветаева) *сестрица* (А. Тарковский), *старуха* (П. Антокольский). Иногда встречаются и слова мужского рода: *сердце – схимник* (А. Блок), *спорщик* (И. Бродский). При этом *сердце* обычно ассоциируется с образным наименованием мужского рода, *душа* – со словами женского рода, например, у А. Блока: *сердце – мальчик, душа – девочка. Сердце* предстает в мужском образе, *душа* – в женском: *Душа ведь женщина, ей нравятся безделки ...*

(О. Мандельштам). Но *душа* может уподобляться и образному наименованию мужского рода, например, *душа – раб* (И. Бунин).

Некоторые традиционные для XIX века смысловые связи ослабевают и угасают в XX веке (например, уподобление *сердце/душа – храм*). С *храмом* ассоциируются *сердце* и *душа*, например, у М. Лермонтова, А. Фета. Этот образ из XIX века переходит в поэзию начала XX века (А. Блок). Во второй половине XX века образ *храма* для осмысления *сердца* и *души* не используется.

Корпус образных обозначений *сердца* и *души* подтверждает отмечаемую исследователями (Кожевникова, 1995, с. 43-47; Петрова, 1995, с. 89) особенность поэзии XX века – депозитизацию, снижение традиционно высоких образов. Способы депозитизации – бытовой характер ассоциаций: *сердце – ночник* (М. Цветаева), *душа – совмещенный санузел* (А. Вознесенский), использование обозначений с отрицательными коннотациями: *сердце – вор* (С. Есенин), выбор стилистически сниженных синонимов и названий «непривлекательных» животных: *душа – кляча* (В. Высоцкий), *душа – мышь* (И. Бродский), слова с уменьшительными суффиксами, разрушающие мифологические ассоциации производного слова: *речка души* (И. Бродский).

Список литературы

- БАКИНА, М. А. Устойчивые языковые формулы в поэзии XX века (на материале поэзии Д. Бедного и Б. Слуцкого). В: ГРИГОРЬЕВ, В. П. ред. *Очерки истории языка русской поэзии XX века. Образные средства поэтического языка и их трансформация*. Москва: Наука, 1995, с. 106-143. ISBN 5-02-011204-6.
- ГРИГОРЬЕВА, А. Д. *Слово в поэзии Тютчева*. Москва: Наука, 1980. 248 с.
- КОВТУНОВА, И. И. *Очерки по языку русских поэтов*. М.: Азбуковник, 2003. 206 с. ISBN 5-02-011107-4.
- КОВТУНОВА, И. И. *Поэтический синтаксис*. Москва: Наука, 1986. 206 с.
- КОЖЕВНИКОВА, Н. А. *Словоупотребление в русской поэзии начала XX века*. Москва: Наука, 1986. 252 с.
- КОЖЕВНИКОВА, Н. А. Эволюция тропов. В: ГРИГОРЬЕВ, В. П. ред. *Очерки истории языка русской поэзии XX века. Образные средства поэтического языка и их трансформация*. Москва: Наука, 1995, с. 6-79. ISBN 5-02-011204-6.
- КОЖЕВНИКОВА, Н. А. и З. Ю. ПЕТРОВА. *Материалы к словарю метафор и сравнений русской литературы XIX – XX вв.* Вып. 4: Камни, металлы. Вып. 5: Ткани, изделия из тканей. Москва: Языки славянской культуры, 2017. 680 с. ISBN 978-5-94457-317-9.

- КОЖЕВНИКОВА, Н. А. и З. Ю. ПЕТРОВА. *Материалы к словарю метафор и сравнений русской литературы XIX-XX вв.* Вып. 1: Птицы. Москва: Языки русской культуры, 2000. 480 с. ISBN 5-7859-0158-7.
- КОЖЕВНИКОВА, Н. А. и З. Ю. ПЕТРОВА. *Материалы к словарю метафор и сравнений русской литературы XIX-XX вв.* Вып. 2: Звери, насекомые, рыбы, змеи. Москва: Языки славянской культуры, 2010. 512 с. ISBN 978-5-9551-0375-4.
- НЕКРАСОВА, Е. А. Олицетворение в идиостиле (функциональный аспект). В: ГРИГОРЬЕВ, В. П. ред. *Очерки истории языка русской поэзии XX века. Тропы в индивидуальном стиле и поэтическом языке.* Москва: Наука, 1994, с. 54-105. ISBN 5-02-011178-3.
- ПАВЛОВИЧ, Н. В. *Язык образов: парадигмы образов.* Москва: Азбуковник, 2004. 527 с. ISBN 5-98455-007-5.
- ПАВЛОВИЧ, Н. В. *Словарь поэтических образов.* В 2 т. Москва: УРСС, 2007. ISBN 5-901006-84-4.
- ПЕТРОВА, З. Ю. Образные обозначения эмоций в русской поэзии XX века. В: ГРИГОРЬЕВ, В. П. ред. *Очерки истории языка русской поэзии XX века. Образные средства поэтического языка и их трансформация.* Москва: Наука, 1995, с. 79-106. ISBN 5-02-011204-6.
- ПЕТРОВА, З. Ю. и Н. А. ФАТЕЕВА. *Материалы к словарю метафор и сравнений русской литературы XIX-XXI вв.* Вып. 6: Человек. Жизнь, смерть, судьба, время. Москва: Языки славянской культуры, 2021. 872 с. ISBN 978-5-907290-86-0.
- СИНЕЛЬНИКОВА, Л. Н. Когнитивный потенциал названий растительного мира в поэтическом дискурсе. В: *Проблемы когнитивного и функционального описания русского и болгарского языков.* Шумен: Университетское издательство «Епископ Константин Преславский», 2022, вып. 16/1, с. 47-57. ISSN 2603-3151.
- СИНЕЛЬНИКОВА, Л. Н. *Именная перифраза в языке современной советской поэзии: структурно-семантическая и стилистическая характеристика.* Автореферат дис. ... кандидата филологических наук. Москва, 1975. 22 с.
- ТИЛЬМАН, Ю. Д. «Душа» как базовый культурный концепт в поэзии Ф. И. Тютчева. В: ТЕЛИЯ, В. Н. ред. *Фразеология в контексте культуры.* Москва: Языки русской культуры, 1999, с. 203-213. ISBN 5-88766-061-9.
- ФАТЕЕВА, Н. А. Семантические преобразования в поэзии и прозе одного автора и в системе поэтического языка. В: ГРИГОРЬЕВ, В. П. ред. *Очерки истории языка русской поэзии XX века. Образные средства поэтического языка и их трансформация.* Москва: Наука, 1995, с. 178-260. ISBN 5-02-011204-6.
- ХОХОНИН, Д. Е. *Лексика семантической сферы «музыка» в метафорическом употреблении.* Автореферат дис. ... кандидата филологических наук. Воронеж, 2015. 22 с.

Гигла Джинджолия / Gigla Dzhindzholia
 кандидат филологических наук, доцент / PhD in philology, associate professor
 Западночешский университет, Пльзень 301 00, ул. Велеславинова, 42, Чехия
 University of West Bohemia, Pilsen 301 00, Veleslavinove Str., 42, Czech Republic
 E-mail: giglad.17@gmail.com
 ORCID ID: 0009-0007-4944-973X

K chápaniu eufemizmov, dysfemizmov a ortofemizmov v súčasnej jazykovede

Janka Lenčošová

Katedra rusistiky a východoeurópskych štúdií, FiF UK
Bratislava, Slovensko

Abstrakt: Príspevok je venovaný eufemizmom a dysfemizmom v širšom spoločenskom kontexte, pričom sa vychádza zo spisieb autorov, ako napríklad L. P. Krysin, A. M. Abrantes, B. A. Larin, Allan a BurrIDGEová a i. Zameriava sa na vymedzenie termínov z danej oblasti, ich klasifikáciu a načrtáva aj lexikografické spracovanie eufemizmov.

Kľúčové slová: eufemizmus, dysfemizmus, ortofemizmus, eufémia, dysfémia

Towards an understanding of euphemisms, dysphemisms and orthophemisms in contemporary linguistics

Abstract: This article discusses euphemisms and dysphemisms in a broader social context, drawing on the writings of authors such as L. P. Krysin, A. M. Abrantes, B. A. Larin, Allan and BurrIDGE, et al. It focuses on the definition of terms in the field, their classification, and outlines a lexicographical treatment of euphemisms.

Keywords: euphemism, dysphemism, orthophemism, euphemia, dysphemia

Úvod

„Eufemizmus“ (z gr. *euphēmismos*, doslova: „použitie vhodnejšieho výrazu namiesto nevhodného“) (Králik, 2015) sa ako spôsob konceptualizácie určitých aspektov rečového prejavu vyskytoval už v antickej a stredovekej rétorike, neskôr sa ako nástroj používal v oblasti historickej onomaziológie pri vysvetľovaní procesov nahradzovania jednej jednotky jazyka inou (Reich, 1973, s. 218). V súčasnosti sa tieto procesy aktívne analyzujú z pohľadu sociolingvistiky, lingvokulturoológie, kognitívnej lingvistiky, pragmatiky (podľa Zvereva, 2017, s. 89) alebo politickej lingvistiky, kde sa eufemizmy okrem iného tematizujú v súvislosti s otázkou politickej korektnosti (Cingerová, Dulebová, Štefančík, 2021, s. 35), ale aj bádania v oblasti persuzívnej komunikácie (používanie tzv. oficiálnych eufemizmov, ktoré je motivované práve „politickými a vojenskými záujmami“; Abrantes, 2005 s. 96, citované podľa: Cingerová, 2018, s. 42).

Pokiaľ ide o ruštinu, resp. rusistiku, v ktorej sa v rámci nášho výskumu pohybujeme, zvyčajne sa ako prvá zmienka o eufemizmoch uvádza práca B. A. Larina z roku 1961 (*Ob*

evfemizmach, vyšla v zborníku *Problemy jazykoznanija*), resp. heslo vo výkladovom slovníku ruského jazyka, ktorý vychádzal v rokoch 1935-1940 a ktorého hlavným redaktorom bol D. N. Ušakov (Zvereva, 2017, s. 88). Pre presnosť však treba uviesť, že výraz *эвфемизм* nachádzame aj v textoch z 19. storočia a napr. V. V. Vinogradov vo svojej práci o poézii Anny Achmatovovej z roku 1925 (Vinogradov, 1925) píše o eufemizmoch v jej tvorbe a odvoláva sa pritom na knihu dánskeho jazykovedca K. Nyropa z roku 1903.²³ Aj L. P. Krysin vo svojej práci odkazuje na iné, skoršie práce jazykovedcov, ktorí sa tejto téme venovali, poprípade sa vo svojej práci zmienili o nej v súvislosti s inými lingvistickými javmi ako napríklad F. Crnek (1928), E. Benveniste (1946), W. Havers (1946), Ch. Bruneau (1952), G. Paul (1960), R. O. Šorová (1926) a i. (Krysin, 2004, s. 265), hoci treba povedať, že sa nesústredí na to, nakoľko boli recipované v súdobej sovietskej/ruskej tradícii.

Stav výskumu eufemizmov podrobne mapuje vo svojej štúdií aj M. I. Zverevová. Ako priekopníkov etablovania témy v ruskom odbornom diskurze menuje takých vedcov ako I. R. Gaľperin, B. A. Larin a i. Na ich výskum nadviazali V. I. Zabotkinová, A. M. Kacev, L. P. Krysin, V. P. Moskvina, J. J. Šejgalová, G. G. Kužimovová, S. Widlak a i. Podľa databázy elibrary, ktorá je relevantnou elektronickou vedeckou knižnicou v Rusku, najcitovanejšou publikáciou venovanou téme eufemizmov²⁴ je lexikografická práca *Slovar evfemizmov russkogo jazyka* od J. P. Seničkinovej (2008, 265 ohlasov), k vysoko citovaným patrí aj jej učebnica *Evfemizmy russkogo jazyka*. Na druhom mieste je krátky tematický slovník eufemizmov *Semantika i pragmatika evfemizmov* od M. L. Kovšovovej (2007, 249 ohlasov) a treťou najcitovanejšou vedeckou prácou je článok *Evfemizmy: sistemnye sviazi, funkciu i sposoby obrazovanija* V. P. Moskvina (2001), jeho monografia *Evfemizmy v leksičeskoj sisteme sovremennogo russkogo jazyka* (1999) patrí tiež k desiatim najcitovanejším. Na ďalších priečkach sú práce V. P. Moskvina, L. P. Krysina, J. S. Baskovovej.

Z hľadiska teoretických východísk je pre výskum dôležitá aj spisba iných filológií. Medzi najproduktívnejších vedcov, ktorí sa venujú problémom eufemistickej lexiky, patria J. S. Neaman, C. G. Silver, K. Allan, K. Burridgeová, A. M. Abrantes, J. Lawrence, Ch. E. Kany, relevantná je aj spisba Marioly Szymczak-Rozlach. K citovaným autorom patria podľa databáz WoS a Scopus aj B. Warrenová, M. Casas Gómez, H. Halmari, E. C. Fernández, D. Pasiniová.

²³ Tu sa opierame o našu rešerš v Národnom korpuse ruského jazyka.

²⁴ Vyhľadávali sme články vo vedeckých časopisoch, knihy a dizertácie s jednotkou *эвфемизм* v názve.

Len na okraj poznamenáme, že v slovenskom prostredí je téma eufemizmov, v polohe hlavného objektu bádania, pomerne málo preskúmaná, hoci zmienky o nich v popredných vedeckých lingvistických časopisoch (Jazykovedný časopis, Slavica Slovaca, Slovenská reč) samozrejme nachádzame (Dolník, 1989, s. 39; Lets, 1934/35 s. 268; Kačala, 2005, s. 160; Králik, 2005, s. 172; Szymczak-Rozlach, 2008, s. 55 – 63).

K vymedzeniu termínu

Z pohľadu súčasnej jazykovedy je eufemizmus často vnímaný ako jeden z trojice usúvzťažnených termínov popri dysfemizmoch a ortofemizmoch (porov. Družinin, Fomina, Poliakov, 2020, s. 24). Menované jazykové prostriedky sa pritom zastrešujú aj nadradeným, hyperonymickým pojmom x-femizmy. (Allan, Burridgeová, 2006, s. 29, citované podľa: Družinin, Fomina, Poliakov, 2020, s. 24)

Ako uvádza M. Casas Gómez, vo všeobecnosti môžeme uvažovať o dvoch skupinách definícií aspektov komunikácie terminologizovaných vyššie spomenutou skupinou výrazov – extralingvistické definície a čisto lingvistické definície (Casas Gómez, 2009). Prvú skupinu predstavujú ťažiskovo „psychologické“ definície, ktoré sa zaoberajú hlavne dôvodmi (napr. strach, slušnosť, zdvorilosť) pre tvorbu eufemizmov, tie predstavujú východiskový bod pri vysvetľovaní týchto javov (Casas Gómez, 2009, s. 727-728). Druhú skupinu predstavujú čisto lingvistické definície. M. Casas Gómez sem radí lexikálno-sémantické definície, ktoré sa napr. zaoberajú vzťahom medzi synonymiou a eufemizmom, elimináciou/neutralizáciou významových komponentov či rozširovaním významu (Casas Gómez, 2009, s. 728-732) a pragmatické definície zameriavajúce sa na ich diskurzívnu povahu, resp. ich fungovanie v pozícii rečového aktu (Casas Gómez, 2009, s. 732). V podobnom členení v podstate dospieva v ruskej jazykovede, avšak vo vzťahu k dysfemizmom, T. A. Fominová, ktorá druhú skupinu „rozpušťa“ v členení prístupov na prístupy z hľadiska funkčnej sémantiky, funkčnej pragmatiky a diachrónnej sémantiky (Fomina, 2020, s. 123).

Ortofemizmy a eufemizmy

Do skupiny čisto lingvistických vymedzení ortofemizmov a eufemizmov by sme mohli, opierajúc sa o M. Casasa Gómeza, zaradiť často citovanú (podľa databázy WoS má zodpovedajúca práca 399 citácií) definíciu K. Allana a K. Buridgeovej, ktorí o ortofemizmoch a eufemizmoch uvažujú ako o slovách alebo slovných spojeniach používaných v polohe alternatívy k nepreferovanému výrazu a zabraňujúcich možnej strate tváre hovoriaceho, ale aj poslucháča, poprípade tretej strany. Nepreferovaný výraz je taký, ktorý nie je želaným alebo vhodným výrazom v danej situácii. Nepreferované výrazy možno alternatívne nazvať

tabuizovanými výrazmi. (Allan, Buridge, 2006, s. 32). Spomínaná strata tváre je súčasťou zdvorilostnej koncepcie P. Brownovej a S. C. Levinsona a ukazuje sa ako dobrý nástroj pre vysvetlenie pragmatických aspektov eufemizmov (a dysfemizmov). (Brownová, Levinson, 1987, citované podľa: Hirschová, 2013, s. 230).

Len pre úplnosť však dodajme, že keď skúmame verejný diskurz, či už jazyk diplomacie alebo jazyk propagandy, t. j. persuzívne prejavy, koncept tváre nebude dostačujúci pre uvažovanie o pragmatickom pozadí eufemizmov. V centre našej pozornosti totiž bude celkom osobitá skupina týchto jednotiek, ktorú A. M. Abrantes nazýva *oficiálne eufemizmy*. Použitie týchto jednotiek je „motivované politickými a vojenskými záujmami“ (Abrantes, 2005, s. 96), súvisia s udržaním moci, a nie s udržaním spoločenského status quo a zachovaním tváre komunikanta.

Ortofemizmy a eufemizmy

Pokiaľ ide o rozlíšenie ortofemizmov a eufemizmov, eufemizmy sa vo všeobecnosti v jazykovede chápu ako výrazy, ktoré označujú nežiaduci, neprijemný fakt, denotát zjemňujúcim spôsobom, namiesto označenia hrubého, priameho (Čermák, 2013, s. 270) a používajú sa namiesto spomínaných zakázaných, resp. tabuizovaných slov (Reformatskij, 1996, s. 56).

Kľúčové slovo je pritom „používajú sa“. V tejto súvislosti sa M. Casas Gómez venuje vhodnosti hovoriť namiesto výrazov eufemické (dysfemické) slovo výrazy eufemické (dysfemické) použitie (Casas Gómez, 2009, s. 731) a T. A. Fominová podčiarkuje relatívnu „platnosť“, nestabilitu kontextuálnu a diskurzívnu podmienenosť eufemizmov (a dysfemizmov) (Fomina, 2020, s. 124). Tak napr. L. P. Krysin v práci z roku 2004, v súvislosti s eufemizmami píše, že na rozdiel od bežnej slovnej zásoby sú mimoriadne citlivé na verejné hodnotenie určitých javov. Túto citlivosť môžeme pre naše potreby konceptualizovať ako citlivosť na pravidlá diskurzu. Práve s týmto súvisí aj historická premenlivosť statusu eufemizmu v jazyku a reči: to, čo sa jednej generácii javí ako efektívne eufemistické pomenovanie, v ďalšej generácii možno považovať za nepochybnú a neprijateľnú hrubosť, ktorá si vyžaduje eufemistickú náhradu (Krysin, 2004, s. 266). V tomto zmysle je teda eufemizmus historický, je zasadený do kontextu a komunikačnej situácie, ktoré rámcuje spoločensko-kultúrny, resp. politický kontext, a tiež súradnice pravidiel a vypovedateľnosti. V súvislosti s tým, sa nám však javí ako východisko pri systematizácii eufemizmov asi najvhodnejšie uvažovať o tom rôznej miere ich lexikalizácie,

ustálenosti v slovnej zásobe, a tom, že môžu byť a) čisto kontextové, b) konvenčné alebo c) mŕtve (Warrenová, 1992, s. 136).

Vyššie spomínaná „rozpohybovanosť“, „nestálosť“ daných nahrádzajúcich jednotiek, sa prejavuje aj v takom jave ako je eufemický dysfemizmus a dysfemický eufemizmus (Casas Gómez, 2012, s. 48-52), ktorý T. A. Fominová vníma v rámci diachrónnej sémantiky. A. Terryová vysvetľuje tieto fenomény pomocou teórie rečových aktov: pri dysfemistických eufemizmoch používa producent výpovede dysfemistický výraz, napr. použitie hrubého výrazu (z pohľadu rečového aktu: lokúcia) vo veľmi blízkych, kamarátskych vzťahoch bez toho, aby chcel niekoho uraziť (z pohľadu rečového aktu: ilokúcia) a bez toho, aby urazil spolukomunikanta (z pohľadu rečového aktu: perlokúcia); pri eufemistických dysfemizmoch môžeme zasa uvažovať o javoch predstieranej zdvorilosti (porov. Terryová, 2020, s. 60). V tejto situácii akejsi fluidnosti je zrejmé, prečo vznikla potreba, zastrešiť dysfemizmus a eufemizmus jedným termínom – x-femizmus (Allan, Burridgeová, 2006, s. 39, podľa: Fomina, 2020, s. 124).

V porovnaní s eufemizmom predstavuje ortofemizmus formálnejší výraz (Allan, Buridge, 2020, s. 33), je akýmsi pomyselným bodom „0“, neoznačuje denotát zjemňujúcim, ale ani hrubším spôsobom. Ako príklad možno uviesť túto trojicu výrazov: ortofemizmus – *vážnica*, eufemizmus – *nápravné zariadenie*, dysfemizmus – *loch*.

Dysfemizmus

Za akýsi opak, náprotivok eufemizmu z hľadiska pragmatickej funkcie týchto jazykových prostriedkov, jeho „konotačno-sémantický opak“ (Fomina, 2020, s. 123), sa v odbornej literatúre považuje tzv. dysfemizmus predstavujúci jednotku, ktorá nahrádza, z pragmatických dôvodov, pomenovanie predmetu alebo javu pociťované v určitom kontexte ako prirodzené, resp. bezpríznačné, pomenovaním vulgárnejším, pejoratívnym, familiárnym (Žerebilo, 2010. s. 462).

Kým, podľa K. Allana a K. Burridgeovej, ortofemizmy a eufemizmy vznikajú z vedomej alebo nevedomej autocenzúry a používajú sa na to, aby sa predišlo prípadnej strate tváre: buď vlastnej tváre, alebo tváre publika alebo nejakej tretej strany. (Allan, K., Burridge, K, 1991, s. 11), dysfemizmus sa používa presne z opačného dôvodu. S tým súvisí aj to, že dysfemizmy sa používajú, keď hovoríme o svojich oponentoch, o veciach, ktoré odmietame a chceme, aby boli považované za menejcenné. Situačne sú preto charakteristické pre jazykový prejav politických skupín, keď hovoria o svojich oponentoch. (Allan, K., Burridge, K, 1991, s. 27).

Ešte raz však treba podčiarknuť, že podobne ako v prípade eufemizmu, aj na dysfemizmus je najvhodnejšie nazerať ako na jednotku reči, a nie systému (porov. Casas Gómez, 2009, s. 735), jednotku diskurzívneho charakteru, resp. uvažovať o rôznom stupni ich lexikalizácie.

Eufemizmy a dysfemizmy ako „konceptualizácia zakázanej reality“

V kontexte nášho výskumu, ktorý sa týka používania eufemizmov a dysfemizmov v ruskom verejnom diskurze o vojne v Ukrajine pritom považujeme za dôležité spomenúť na záver aj kognitívnu definíciu týchto javov z pera už spomínaného M. Casasa Gómeza, ktorý o nich uvažuje ako o kognitívnom procese „konceptualizácie zakázanej reality“. (porov. Casas Gómez, 2009, s. 738). Nazdávame sa, že práve táto definícia sa môže ukázať ako funkčná pri využívaní oficiálnych eufemizmov a dysfemizmov (porov. vyššie), ako analytických nástrojov pri rozbere fragmentov súčasného ruského politického diskurzu.

Klasifikácia eufemizmov

V jazykovede, orientujeme sa predovšetkým na rusistickú spisbu, sa pri analýze javov eufémie siaha po niekoľkých klasifikáciách. Okrem klasifikácií podľa štruktúrneho princípu sú zrejme najfrekvencovanejšie lexikálno-sémantické klasifikácie. Ako príklad možno uviesť detailnú klasifikáciu T. Žerebilovej či A. M. Kaceva. (Žerebilo, 2010, s. 462-463; A. M. Kacev, 1997, s. 22, citované podľa: Žerebilo, Mejrijeva, 2015). Okrem zohľadnenia lexikálno-sémantických príznakov možno pristúpiť ku kategorizácii eufemizmov aj podľa slovotvorného, či lepšie povedané konštrukčného kritéria. Robí tak K. Allan a K. Burridgeová, azda najrozpracovanejšia klasifikácia prostriedkov a mechanizmov, ktoré sa využívajú pri procesoch eufemizácie, však ponúka B. Warrenová, podľa ktorej existujú štyri hlavné spôsoby, ako možno eufemizmus vytvoriť, a síce: 1) využívaním slovotvorných prostriedkov príslušného jazyka (pre angličtinu uvádza: skladanie, odvodzovanie, tzv. *blending*, skracovanie, *onomatopoeia*); 2) výpožičkami z iných jazykov; 3) zvuková modifikácia; 4) vzniká nový význam pre niektoré ustálené slová alebo slovné spojenia (*partikularizácia*²⁵, *implikácia*, *metafora*, *metonýmia*, *kontextuálne podmienené použitie slova opačného významu*, *litotes*, *hyperbola*). (Warrenová, 1992, s. 132 – 134). Samozrejme, opierajúc sa o akúkoľvek klasifikáciu treba vziať do úvahy gramatický typ jazyka, na základe ktorého bola vypracovaná.

²⁵ O *partikularizácii* hovorí B. Warrenová vtedy, keď nový kontextový referent je členom množiny, ktorá je podkategóriou konvenčnej kategórie referentov daného slova, napr. *žltá karta* je členom množiny *žltých kariet*, okrem iného však má v určitom kontexte význam „varovanie“ (Warren, 1992, s. 131).

Klasifikácie dysfemizmov

V odbornej spisbe nachádzame aj kategorizácie dysfemizmov, sú to prevažne lexikálno-sémantické klasifikácie opierajúce sa o koncepčné sféry a lexikálno-sémantické kategórie, v ktorých sa najčastejšie môžeme stretnúť s dysfemizmami (Rezanovová, 2008, s. 278 – 280; Allan, K., Burrige, K, 1991, s. 28). Opäť však dodávame, a podčiarkuje to aj K. Allan a K. Burrigeová, dôležité si je uvedomiť, že podobne ako eufemistická funkcia, ani dysfemistická funkcia nemusí byť inherentnou funkciou výrazu a nevyhnutne bude závislá na spôsobe, akým sa používa (Allan, K., Burrige, K, 1991, s. 28).

Lexikografické spracovanie eufemizmov

Ako uvádza J. Seničkinová, ktorá je autorkou jedného zo slovníkov eufemizmov (*Slovar evfemizmov russkogo jazyka*, 2008), lexikografické spracovanie eufemizmov a dysfemizmov je v slovanskom prostredí veľmi zriedkavé a v niektorých slovanských jazykoch ani neexistujú lexikografické spracovanie podobných jednotiek, možno ich nájsť iba v Poľsku a v Rusku (Seničkina, 2008, s. 3). Autorka uvádza ako najvýznamnejšie lexikografické spracovanie eufemizmov slovník poľskej autorky A. Dabrowskej *Słownik eufemizmów polskich: czyli w rzeczy mocno, w sposobie łagodnie*. Ďalším významným lexikografickým spracovaním eufemizmov v rámci monografie je spisba M. L. Kovšovovej *Semantika i pragmatika evfemizmov. Kratkij tematičeskij slovar sovremennyh russkich efemizmov*. Pokiaľ sa možno odkloniť od slovanského prostredia, je zrejme, že v iných jazykových priestoroch sú slovníky podobného typu frekventovanejšie. Ich analýza bude predmetom nášho ďalšieho výskumu.

Záver

Eufemizmy a dysfemizmy patria k téme, o ktorú záujem vedcov za posledné desaťročie stúpa. Pokiaľ ide o rusistiku, nazdávame sa, že tento záujem je pochopiteľný. Eufemizmy a dysfemizmy tvoria totiž podstatnú časť slovníka oficiálneho diskurzu Ruska a účelovo sa využívajú pri vytváraní obrazu vojnových udalostí.

Zoznam použitej literatúry

ABRANTES, A. M. Euphemism and co-operation in discourse. In: GRILLO, E. (ed.): *Power Without Domination. Dialogism and the empowering property of communication*. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2005, s. 96.

- ALLAN, K., BURRIDGE, K. Euphemism & dysphemism: Language used as shield and weapon. New York, Oxford University Press, 1991, s. 3 – 14 ISBN 0-19-506622-7.
- ALLAN, K., BURRIDGE, K. Forbidden Words: Taboo and the Censoring of Language, Cambridge: Cambridge University Press, s. 32 – 33, 2006 ISBN-13 978-0-521-81960-2.
- BURCHFIELD, W. Robert. The New Fowler's Modern English Usage. 3. vyd. New York, New York City: Oxford University Press, s. 604-605, 2000. ISBN 0-19-860263-4.
- CASAS G. M. The Expressive Creativity of Euphemism and Dysphemism. In: Lexis [Online], 7 2012, s. 48 – 52. Dostupné na adrese: <http://journals.openedition.org/lexis/349>.
- CASAS G. M. Towards a new approach to the linguistic definition of euphemism, IN: Language science (2009), s. 725 – 739.
- CINGEROVÁ, N. Červenejúce sa slová: Sovietizmy v sovietskom a ruskom verejnom diskurze. Bratislava: Univerzita Komenského v Bratislave, 2018, s. 42 ISBN 978-80-223-4599-6.
- CINGEROVÁ, N., DULEBOVÁ, I., ŠTEFANČÍK, R. Politická lingvistiká. Bratislava: Vydavateľstvo EKONÓM, 2021, s. 35 ISBN 978-80-225-4861-8.
- ČERMÁK, F. *Jazyk a jazykoveda. Přehled a slovníky*. Praha: Karolinum, 2013, s. 270, ISBN 978-80-246-1946-0.
- DOLNÍK, J. Lexikálne vyjadrenie citového hodnotenia, IN: Slovenská reč. Bratislava: Veda: Vydavateľstvo SAV, roč. 54, 1989, s. 39 ISSN 1338-4279.
- DRUŽININ, A., S., FOMINA, T., A., POŁAKOV, O., G. Evfemizmy, disfemizmy, ortofemizmy i eksperijencial'nyj kontekst: Cholističeskij vzgliad na lingvističeskiju problemu, s. 24 УДК 81-119, 2020. Dostupné na internete: <https://cyberleninka.ru/article/n/evfemizmy-disfemizmy-ortofemizmy-i-eksperientsialnyj-kontekst-holističeskij-vzglyad-na-lingvističeskiju-problemu/viewer>.
- FOMINA, T. A. X-femija, ili O trudnosťach razgraničeniya evfemii i disfemii, IN: Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Jazyk i literatura, 2020, 17 (1), s. 123 – 124. Dostupný online: <https://cyberleninka.ru/article/n/iks-femiya-ili-o-trudnostyah-razgranicheniya-evfemii-i-disfemii/viewer>.
- HIRSCHOVÁ, M. *Pragmatika v češtině*. Praha: Univerzita Karlova v Praze, 2013, 230 s. ISBN 978-80-246-2233-0.
- KACEV, A. M. Evfemizmy v sovr. angl. jaz.: Opyt sociolingvističeskogo opisanija: avtoref. dis. ... kand. fil. nauk. 1977, s. 22.
- KAČALA, J. *O vzťahoch slovenčiny a češtiny v 20. storočí* IN: Slavica Slovaca, 2005, vol. 40, č. 2, s. 160, ISSN 0037-6787.
- KRÁLIK, Ľ. Stručný etymologický slovník slovenčiny. Bratislava: Veda, 2015.
- KRÁLIK, Ľ. KRAWCZYK-TYRPA, A.: Tabu w dialektach polskich. Bydgoszcz : Wydawnictwo Akademii Bydgoskiej im. Kazimierza Wielkiego 2001. 345 s. IN: Slavica Slovaca, 2005, vol. 40, č. 2, s. 172, ISSN 0037-6787.
- KRYSIN, L. P. *Evfemističeskije sposoby vyraženiya v sovremennom ruskom jazyke*. //RIAŠ. 1994. № 5, s. 34.
- KRYSIN, L. P. *Ruskoje slovo, svojo i čužoje: Issledovanija po sovremennomu ruskomu jazyku i sociolingvistike*. Moskva: Jazyki slavianskoj kul'tury, 2004, s. 265 – 266. ISBN 5-94457-183-7.

- LARIN, B. A. *Ob evfemizmach*, IN: Učonye zapiski LGU, Problemy jazykoznanija. Leningrad, izdatel'stvo Leningradskogo universiteta, № 301, 1961, s. 110 – 120.
- LETS, B. Naše Pejoratíva, IN: Slovenská reč, 1934/35, JÚLŠ SAV, Slovak Academic Presss. 268, ISSN 1338-4279.
- REFORMATSKIJ, A. A. *Vvedenije v jazykovedenije*. Moskva: Aspent Press, 1996, s. 56 ISBN 5-7567-0046-3.
- REICH, Hans H. „Die Verwendbarkeit des Begriffs Euphemismus bei der Untersuchung politischen Sprachgebrauchs.“ In: Hellmann, Manfred W. Zum öffentlichen Sprachgebrauch in der BRD und in der DDR. Düsseldorf: 1973, s. 216-133. Dostupné na adrese: https://ids-pub.bs-z-bw.de/frontdoor/deliver/index/docId/1792/file/Reich_Die_Verwendbarkeit_des_Begriffs_Euphemismus_1973.pdf.
- REZANOVA, A. N. Klassifikacija disfemizmov po leksiko-semantičeskím razriadam, IN: Izvestija Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogičeskogo universiteta im. A. I. Gercena, № 63-1, 2008, s. 278 – 280. Dostupné online: <https://cyberleninka.ru/article/n/klassifikatsiya-disfemizmov-po-leksiko-semanticheskim-razryadam>.
- SENIČKINA, J. P. Slovar evfemizmov russkogo jazyka. Moskva: Flinta, Nauka, 2008, s. 3 ISBN 978-5-9765-0219-2.
- SZYMCAK-ROZLACH, M. Eufemizacija leksyki słowackiej w komunikacji językowej IN: Jazykovedný časopis, Bratislava: Slovak academic press, 2008, roč. 59, s. 55 – 63, ISSN 0021-5597.
- TERRY, A. Euphemistic dysphemisms and dysphemistic euphemisms as means to convey irony and banter, IN: Language and Literature, vol. 29(1), 2020, s. 60.
- VINOGRADOV, V. V. O poezii Anny Achmatovoj (Stilističeskije nabroski). Leningrad: 1935.
- ZVEREVA, M., I. *Istorija izučenija evfemizmov v otečestvennoj i zarubežnoj lingvistike*, IN: *Filologičeskije nauki. Voprosy teorii i praktiki*. Tambov, izdatel'stvo Gramota, № 12(78) 2017, s. 88 – 89. ISSN 1997-2911.
- ŽEREBILO, T. V. *Slovar lingvističeskich terminov*. Nazraň: Piligrim, 2010 s. 462 ISBN 978-5-98993-133-0.
- ŽEREBILO, T. V. Mejrijeva, A., S.: *Klassifikacija evfemizmov, ispol'zujemych v sovremennom russkom jazyke*. IN: *Fundamentaľnyje issledovanija*, Moskva, 2015, № 2 (časť 5), ISSN 1812-7339.
- WARREN, B. What euphemisms tell us about the interpretation of words IN: *Studia Linguistica* 46(2), 1992, s. 132-133.

Janka Lenčėšová

Mgr.

Filozofická fakulta Univerzity Komenského, Katedra rusistiky a východoeurópskych štúdií,
Gondova 2, 811 02 Bratislava 1, Slovensko
Faculty of Arts, Department of Russian and East European Studies, Comenius University
Gondova 2, 811 02 Bratislava 1, Slovakia

E-mail: janka.lencesova25@gmail.sk / lencesova27@uniba.sk

Multimodálna analýza ako prístup k rozboru mediálnych textov

Nina Lacová

Katedra rusistiky a východoeurópskych štúdií, FiF UK
Bratislava, Slovensko

Abstrakt: Príspevok je zameraný na multimodálnu analýzu ako prístupu ku skúmaniu mediálnych textov, pričom sa opierame o autorov ako napríklad G. Kress, T. van Leeuwen, M. A. K. Halliday, Ch. Forceville a E. Urios-Aparisi a i. Zámerom príspevku je vymedzenie termínov v danej oblasti a načrtnutie prístupov rozboru mediálnych textov ako multimodálnych.

Kľúčové slová: multimodálnosť, mód, analýza, jazyk.

Multimodal analysis as an approach to the analysis of media texts

Abstract: This article is focused on multimodal analysis as a method for studying media texts, drawing on the writings of authors such as G. Kress, T. van Leeuwen, M. A. K. Halliday, Ch. Forceville and E. Urios-Aparisi, et al. The aim is to clarify fundamental terminology in the field and propose methodologies for analyzing media texts as multimodal.

Keywords: multimodality, mode, analysis, language.

Úvod

Multimodálnosť je považovaný za atribút komunikátu pozorovateľný aj v každodennej medziľudskej interakcii. Takmer každý medziľudský kontakt je totiž realizovaný nielen prostredníctvom jednotiek prirodzeného jazyka ale aj gestami, mimikou, pohľadom, a teda neverbálnou komunikáciou vnímanou vizuálne, tónom a výškou hlasu, alebo pomocou ďalších znakových systémov, ktoré sú v centre pozornosti teórie multimodálnosti. Tieto systémy čerpajú jednotky z určitých zdrojov, ktoré sa v rámci teórie multimodálnosti chápu ako modus/mód (Kress – van Leeuwen, 2001, s 119). Vo svojej publikácii D. Matheson *Media discourse* (2005) výstižne zhŕňa a analyzuje poznatky G. Kressa a T. van Leeuwen o týchto rôznorodých systémoch ťažiacich z rozličných zdrojov. Pričom postupne prichádza k záveru, že je ich potrebné skúmať ako špecifický jazyk, pričom každý spôsob seba prezentácie, bez ohľadu na to, či ide o hudbu, čo počujeme, alebo vôňu, ktorú môžeme cítiť, má osobité usporiadanie a svoje „gramatické pravidlá“ (Matison, 2005, s 153)²⁶. Práve tieto pravidlá môžeme označiť ako určitý vektor, ktorý je dôležitý pri rozbere mediálnej komunikácie,

²⁶ Tu i ďalej ide pri prekladoch z inojazyčných zdrojov o preklad autorky textu.

pretože na odovzdávanie obsahov v oblasti masovej kultúry a masových médií sú okrem prirodzeného jazyka využívané rôzne pramene. Ako uvádza D. Matheson, „tento uhol pohľadu nebol z diachronickej perspektívy natoľko zaužívaný a myslitelia, ktorí výrazným spôsobom ovplyvnili vývoj myslenia o jazyku v sociálnom kontexte (L. Wittgenstein, M. Foucault), prístup k analýze zohľadňujúci tento aspekt kritizujú tvrdiac, že podstatnú časť informácií získavame najmä prostredníctvom slov – jednotiek prirodzeného jazyka“ (Matison, 2005, s 153).

Pojem multimodalita sa začal v odbornej literatúre konceptualizovať pomerne nedávno. Po zameraní sa na lingvisticky orientovaný výskum multimodálnych textov možno konštatovať začiatok používania tohto termínu približne až na konci 20. storočia, a to v publikáciách od G. Kressa a T. van Leeuwen *Reading Images (1996)* či v spisbe od M. O'Toola *Multimodality and Displayed Art (1994)*. V spomínaných publikáciách sa autori venujú módom, kompozícii komunikátu a prezentácii významu.

M. O'Toole vychádzal pri svojom výskume multimodality z M. A. K. Hallidaya a nadväzoval na jeho semiotickú koncepciu. Bádatel' M. A. K. Halliday sa vo svojej publikácii *An Introduction to Functional Grammar* venuje systémovo-funkčnej gramatike. Jazyk vníma ako nástroj na dosahovanie komunikačných cieľov, čo popisuje prostredníctvom teoretického rámca, ktorý systematizuje a vykladá základné pojmy, pričom definuje tri premenné registra komunikačnej variety (Halliday, 2004). J. Pearce ich sumarizuje nasledovne: „prvý je **field** (odbor, pole pôsobnosti), ktorý popisuje tému (obsahový význam komunikátu), druhým je **tenor**; ide o typ vzájomného vzťahu participantov (medzi ktorými sa komunikácia odohráva). Tretím prvkom je **mode**, termín označujúci prostriedok komunikácie a teda to, akým spôsobom sa komunikácia odohráva (písomná alebo ústna forma)“ (Halliday, 1978, s 33).

Medzi popredných bádateľov pokúšajúcich sa vymedziť pojem multimodality patrí G. Kress a T. van Leeuwen. Základným termínom, z ktorého vychádzajú je mód, ktorý je ukotvený v určitej kultúre a spoločnosti. G. Kress upresňuje, že „práve komunita používajúca určitý zdroj v určitých situáciách definuje významový, respektíve semiotický potenciál konkrétnej entity“ (Kress, 2010, s 10). Ďalšou dôležitou vlastnosťou modusov je podľa G. Kressa a T. van Leeuwena to, že ide o „semiotické zdroje, ktoré umožňujú súbežnú realizáciu rôznych typov znakových systémov. Autor teda pomocou rôznych módov, ktoré používa súčasne, konštruuje určité správy a z možností, ktoré má k dispozícii, si vyberá práve tie, ktoré budú najlepšie plniť účel (t. j. sprostredkovať určité významy) v konkrétnej komunikačnej situácii“ (Kress – van Leeuwen 2001, s 21-22).

V ruskej lingvistike sa multimodalita a multimodálnosť črtajú ako menej používané termíny; multimodalita je do veľkej miery spájaná s termínom multimedialita. Podľa T. Vodvinej pojem multimodalita sa spája s pojmom multimedialita, pretože súvisí s formovaním významov pomocou rôznych semiotických systémov a súvisiacich sociokultúrnych konvencií. Okrem tohto výkladu existuje v ruskej spisbe aj synonymum pojmu multimodalita – polykódovosť; obsahom ktorého je skôr spájanie prirodzeného kódu s umelým semiotickým kódom (obraz a zvuk; ide o obrazy a zvuky vytvorené výpočtovou technikou, nie človekom) (Vdovina, 2012).

V súvislosti s multimodálnymi a polykódovými textami sa v spisbe ruských lingvistov vyskytuje aj termín „kreolizovaný text“, ktorý definovali aj J. A. Sorokin a E. F. Tarasov. Tento termín je v ruskej lingvistike používaný ako synonymum pre vyššie uvedené termíny (polykódový a multimodálny), vychádzajúc z predpokladu, že „komunikáty v textovej podobe obsahujú nehomogénne zložky rovnako tak, ako aj texty, ktoré sú zadefinované ako multimodálne“ (Sorokin – Tarasov, 1990, s 190).

Modus (mód) je sociálne vytvorený a kultúrne podmienený pre vytvorenie významu. G. Kress upresňuje, že práve komunita, ktorá používa určitý zdroj v určitých situáciách udáva významový potenciál konkrétnej veci alebo prejavu. G. Kress a T. van Leeuwen, definujú módy ako semiotické zdroje, ktoré umožňujú súbežnú realizáciu rôznych typov interakcii. Inými slovami povedané, autor pomocou rôznych módov, ktoré používa súčasne konštruje určitú informáciu a z možností, ktoré má si vyberá práve tie, ktoré sa pre jeho informáciu, hodia aby splnili svoj účel v danej komunikačnej situácii (Kress, 2010). K popisovanej téze sa prikláňa aj C. Jewittová, hovorí o moduse ako o výsledku kultúrneho formovania, čo znamená že určité prejavy módov sú zadefinované na základe špecifického kontextu ich realizáciou v čase a priestore v určitej kultúre (Jewitt, 2014).

Predstavitelia sociálnej semiotiky, ktorí sa vo svojej odbornej činnosti zameriavajú na komunikáty produkované pomocou viacerých zdrojov a **módov**, ponúkajú vo svojej spisbe niekoľko prístupov k ich kategorizácii a hierarchizácii. Možno konštatovať, že ako dôležité kritérium sa pri ich kategorizácii javí zameranie na zmyslový orgán. Ak je text (písaný alebo hovorený) zároveň považovaný za multimodálny, tak spravidla využíva pri produkcii významov minimálne dva módy (Kress, 2003, s 2). Forceville a Urios-Aparisi definujú päť módov:

- Vizuálny mód;
- Auditívny mód;

- Čuchový mód;
- Gustatorický mód;
- Taktilný mód (Forceville – Urios-Aparisi, 2009, s 22).

Vyjadrený význam v texte (či už ide o hovorený alebo písaný), resp. ak ide o jeho odtienky, sú často viazané na jeden mód, pričom produkcia jeho významu využitím iného módu je často vylúčená, a nie je možné „pretlmočiť“ tento význam kompletne, tak ako autor zamýšľal (Forceville – Urios-Aparisi, 2009).

Ruský lingvista A. A. Kibrik nazýva multimodalitu bimodalitou, pretože vychádza z pojmu modálnosť – definovaného ako druh vonkajšieho stimulu, ktorý prijímame prostredníctvom jedného z piatich zmyslov človeka. Avšak svoju pozornosť upriamuje na zrak alebo sluch. Autor preto definuje dva aspekty multimodálnosti; vokálny (sluchový) a kinetický (zrakový) tvrdiac, že práve vokálny aspekt je rozhodujúci. V súlade s touto klasifikáciou je vokálny mód rozdelený na verbálny a prozodický. Súčasne kinetický mód člení na dynamické komponenty (gestá a pohyby rúk, hlavy a tela) a statické komponenty (výraz tváre a pózy), pričom ostatné módy (ako napríklad čuch alebo hmat) nie sú predmetom skúmania multimodality (Fedorova – Kibrik, 2018).

K analogickej téze sa prikláňa aj G. E. Krejdlin popisujúci multimodalitu ako súbor všeobecných zákonitostí a osobitných pravidiel vzájomne pôsobiacich v ústnom komunikačnom akte (vyjadrených prostredníctvom verbálnych a neverbálnych znakov), pričom svoju pozornosť taktiež upriamuje skôr na sluchový a zrakový mód (Krejdlin, 2014).

Multimodálnosť sa v odbornej spisbe vymedzuje ako pojem, ktorý označuje využívanie rôznych módov a je vnímaná ako jeden z kľúčových aspektov komunikácie. Z toho dôvodu sa multimodálnosť zohľadňuje pri analýze, vďaka čomu je možné využiť nové spôsoby skúmania a chápania prirodzeného jazyka (Kress, 2003).

C. Jewittová v publikácii *The Routledge Handbook of Multimodal Analysis (2014)*, tvrdí, že základným predpokladom multimodálneho komunikačného útvaru je existencia viacerých módov v jeho obsahu. Dôležitým predpokladom je aj to, že ľudia pri komunikácii čerpajú z viacerých módov súčasne (Jewitt, 2014). Ďalší lingvista J. Lemke o princípe multimodality uvádza, že „nie je možné vytvoriť znakový nosič a využiť pri tom iba jeden **semiotický zdroj**; aj písmo chápeme ako vizuálno-semiotické, a zároveň aj ako jazykové. Reč je vyjadrená prostredníctvom písma, kódujúceho paralingvistické informácie o tele a emočnom stave ľudí. Komunikácia tvárou v tvár (reálna komunikácia) je chápaná ako

komplex gest, postojov, pohybov a reči, ktoré sú navzájom prepojené a úzko súvisia.“ (Lemke, 2017, s 141).

Súbežne s konceptualizáciou multimodálnych textov sa objavujú aj modely ich analýzy zastrešované a označované termínom **multimodálna analýza**. Ide najmä texty, obsahujúce interakciu dvoch alebo viacerých módušov komunikácie. S týmto termínom sa stretávame najmä u autorov ako G. Kress a T. van Leeuwen, K. O'Halloran, A. P. Baldry a P. J. Thibault, ktorí rozvíjajú svoj vlastný model multimodálnej analýzy, ktoré nám poskytujú určitý druh dôsledného a systematickejšieho popisu výpovedí. Spomínaní autori začínajú postupne definovať, ako sa môže jazyk, obrázky a zvuky spolu s ďalšími komunikačnými módmami kombinovať tak, aby nám sprostredkovali významy (Machin – Mayr, 2012).

V rámci multimodálnej analýzy hovoríme o dvoch hlavných prácach. Ide o prácu G. Kressa a T. van Leeuwena *Reading images* (1996), ktorí sú ovplyvnení sociálnou a európskou semiotikou a kritickou diskurznom analýzou, pričom kladú dôraz na rozdiel medzi gramatickým a lexikálnym prístupom, a taktiež na rozdiel medzi formálnymi a funkčnými teóriami, čím poukazujú na špecifickú vlastnosť multimodálnych textov. Druhá práca je od M. O'Toola *Multimodality and Displayed Art* (1994) je založená na princípe systémovej a funkčnej gramatiky od M. A. K. Hallidaya, ktorá definuje terminológiu a predpoklady na prácu so špeciálnymi textami. Na základe uvedeného je možné konštatovať, že princíp M. O'Toola je založený na rozpisovaní a komentovaní jednotlivých prejavov v konkrétnych textoch, zatiaľ čo práca G. Kressa a T. van Leeuwen rozvíja skôr princíp zovšeobecnenia s dôrazom na extra textové prejavy (O'Halloran – Smith, 2013).

K uvedenému princípu sa prikláňajú aj ruskí lingvisti (G. E. Krejdlin, A. A. Kibrik), ktorí na multimodálnu analýzu textov nahliadajú ako na komunikáty štruktúrované z rôznych typov komunikačných kanálov (napríklad sluchový/zvukový, vizuálny). Súčasne pri analýze multimodálnych textov prihliadajú aj tradície prenosu, odovzdávania informácii spoločnosti, a taktiež sociokultúrny základ spoločnosti: vieru, svetonázor a hodnoty. V ruskej spisbe definujú aj dvojité dekódovanie informácie, ktorú komunikát odovzdáva. Ako prvá fáza dekódovania sa uvádza extrahovanie konceptu z obrazu, ktorý je následne doplnený verbálnym textom, objavuje sa teda jediný všeobecný význam kreolizovaného textu (Anisimova, 2003). V tomto prípade je zjavné upriamenie autorovej pozornosti na neverbálnu komunikáciu (vizuálny aspekt komunikátu) a následné nadväzovanie verbálnej časti na ňu.

Základným východiskom pre skúmanie multimodality je však semiotika, zaoberajúca sa znakmi a znakovými systémami sprostredkovávajúcimi významy. Pre interpretáciu rôznych

útvarov (hovorený text a písaný text), ktoré využívajú viaceré módy, táto disciplína ponúka rámec umožňujúci v prvom kroku tento útvar interpretovať vo vzťahu k funkcii realizovaných modusov a zároveň zdefinovať výber módu v nadväznosti na **funkciu komunikačného aktu**. Je možné vychádzať z vymedzenia funkcií jazyka podľa K. Bühlera:

- expresívna (označuje emocionálny stav a odráža identitu komunikátu),
- referenčná (hodnotiaca respektíve faktická),
- apelovou (vplyv na adresáta) (Bühler, 1990, s 34).

Každá komunikačná výmena plní zväčša iba jednu hlavnú **funkciu**, a ňou je cieľ, ktorý chce komunikát naplniť, nie je však vylúčené, že ich v konečnom dôsledku môže plniť viac. Pretože funkciu určuje práve to, aký ma vplyv informácia na príjemcu, teda aký význam z komunikácie vyvodí prijímateľ (Mikuláščík, 2010).

Mnoho bádateľov, ako napríklad R. Jakobson, ktorý rozvíja ďalej K. Bühlerom vymedzené funkcie a skúmajú informačnú, referenčnú a expresívnu funkciu. V publikácii *Mediálna lingvistika (2023)*, N. Cingerová a I. Dulebová uvádzajú prepracovanejšiu klasifikáciu od R. Jakobsona bazírujúcu na komponentoch/faktoroch komunikačného aktu, vymedzujúc tieto funkcie:

- **Referenčná** (denotatívna, kognitívna) **funkcia jazyka;**
- **Emotívna** (expresívna) **funkcia jazyka;**
- **Konatívna funkcia jazyka;**
- **Fatická funkcia jazyka;**
- **Metajazyková funkcia jazyka;**
- **Poetická** (estetická) **funkcia jazyka** (Cingerová –Dulebová, 2023, s 42).

Avšak aj tu platí, že vymedzené funkcie nie sú striktné a v istých momentoch sa môžu prelínať. Vo všeobecnosti však môžeme tvrdiť, že verbálny (jazykový) modus (a taktiež vizuálny modus) sa vyznačuje najmä referenčnou funkciou. Naopak, ak hovoríme o moduse auditívnom, ten je menej referenčný a viac expresívny.

S multimodalitou sa najčastejšie stretávame v **masovej komunikácii**, kde je text produkovaný vo verbálnom móde a často dopĺňa alebo nahrádza text vyjadrený v inom móde, napr. vizuálnom. Ide teda o také texty, ktoré obsahujú interakciu dvoch alebo viacerých

semiotických zdrojov – módov komunikácie za účelom dosiahnutia určitej komunikačnej funkcie. V prípade filmov a televíznych programov sa pri výrobe využíva aj auditívny mód (hudba, zvuky). Webové prostredie kombinuje text s obrázkami, hudbou, grafickým vizuálom, pracuje teda tiež s viacerými módmi. Hovorený text býva sprevádzaný gestami, súčasne sa dôraz kladie aj na (autorov) výzor a dokonca aj na to, ako pôsobí na naše čuchové receptory (Forceville – Urios-Aparisi, 2009). Vizuál a vizuálny mód tradične prevládajú hlavne v oblasti digitálnych médií a celkovo v mediálnej komunikácii, v ktorej dominuje obraz, slovo je vytlačené do úzadia. Vizuálna zložka sprevádzajúca text mu nemusí konkurovať a je možné ju vnímať aj ako doplnok alebo duplicitné potvrdenie písomného (ústneho) vyjadrenia verbálneho obsahu. Obraz by nemal byť vnímaný ako okrajový jav alebo izolovaný prvok, ale ako rovnocenný k iným módom. Je dôležité nachádzať a vidieť viaceré vzťahy medzi jednotlivými módmi, pretože sa podieľajú na význame celého komunikátu. (Kress – van Leeuwen, 2006). Pri multimodálnej analýze mediálnych textov je dôležité zohľadňovať práve tento postoj.

Komunikát sprostredkovaný masovými médiami je prevažne komplexný. Využíva viaceré semiotické kódy a textové vzorce, preto ho nazývame aj komplexným komunikátom. „Ak používame len jeden semiotický kód, takýto komunikát nazývame simplexným“ (Kress-van Leeuwen, 2010, s 34). Pri mediálnej komunikácii je väčšina komunikátov komplexných, pričom niektoré sú veľmi prepracované (televízne spravodajstvo, televízna reklama).

Širšiu pozornosť si multimodalita získala v rámci lingvistiky až v 20. storočí a spájala sa s prijímaním podnetov a informácií cez rôzne znakové systémy, zároveň aj prostredníctvom iných druhov vnemov, ktoré sú prejavované prostredníctvom módov a determinujú proces chápania nielen na racionálnej úrovni, ale aj na emocionálnej. V súčasnosti však prudký nárast informačných technológií a digitálnych médií sprevádza degradáciu jazyka, v dôsledku čoho sa tradičný model využitia jazyka, ako jediného komunikačného semiotického módu, javí ako nepostačujúci. Digitalizácia a elektronický svet mení prenos informácií, spôsobuje zmenu kvality aj kvantity použitých módov v komunikácii vo všeobecnosti, čím sa celkovo zvyšuje multimodálny spôsob komunikácie, a to tak z hľadiska recepcie, ako i produkcie komunikačných správ. Z uvedeného vyplýva, že je potrebné prehodnotiť súčasné chápanie gramotnosti a postaviť ju na širšiu multimodálnu platformu, v ktorej sa význam tvorí využívaním multimodálnych výrazových prostriedkov. Porozumenie fungovania multimodálnych procesov tvorby významov pri komunikácii človeka tvorí súčasť každodenného života ľudí, pričom sa táto schopnosť ukazuje ako nevyhnutná pre existenciu v modernom svete.

Zoznam použitej literatúry

- BUHLER, K. 1990. Theory of language, The representational function of language. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins Publishing Company 1990. 508 s. ISBN 9027232970.
- CINGEROVÁ, N. – DULEBOVÁ, I. 2023. Mediálna Lingvistika VÝCHODISKÁ KRITICKEJ ANALÝZYMEDIÁLNYCH TEXTOV. Bratislava: Univerzita Komenského v Bratislave 2023. 216 s. ISBN 978-80-223-5721-0.
- FORCEVILLE, CH. – URIOS-APARISI, E. 2009. Multimodal Metaphor. Berlin: Mouton, The Hague 2009. 470 s. ISBN 978-3-11-020515-2.
- HALLIDAY, M. A. K. 2004. An Introduction to Functional Grammar, 3rd. Edition. London: Arnold 2004. 689 s. ISBN-13: 978 0 340 76167 0.
- JEWITT, C. 2014. The Routledge Handbook of Multimodal Analysis. London: Routledge. 562 s. ISBN 9781138245198.
- KRESS G. 2003. Literacy in the New Media Age. London: Routledge 2003. ISBN 9780203299234 s. 208.
- KRESS, G. – VAN LEEUWEN, T. 2001. Multimodal Discourse: The Modes and Media of Contemporary Communication. London: Arnold 2001. 142 s. ISBN 9780340662922
- KRESS, G. – VAN LEEUWEN, T. 2006. : Reading Images: The Grammar of Visual Communication. London: Routledge 2006. ISBN 9781003099857.
- KRESS, G. 2010. Multimodality: A Social Semiotic Approach to Contemporary Communication. London – New York: Routledge 2010. 221 s. ISBN 13: 9780415320610.
- LEMKE, J.: Multimodality, identity and time. In: C. Jewitt (ed.), The Routledge Handbook of Multimodal Analysis. London: Routledge 2017, s. 165–175 ISBN 9780415667777.
- MACHIN, D. –MAYR, A. 2012. How to do Critical Discourse Analysis A Multimodal Introduction. London: SAGE 2013. 232 s. ISBN 978-0-85702-891-4.
- MIKULÁŠTÍK, M. 2010. Komunikační dovednosti v praxi. 2. vydanie. Praha: Grada Publishing, a.s., 2010. 328 s. ISBN 978-80-247-2339-6.
- O'HALLORAN, K. – SMITH, B. 2013. Multimodal Text Analysis, in Chappelle, C. (ed), Encyclopedia of Applied Linguistics, 2013. [online].
- REIFFOVÁ, I. et al.2004. Slovník mediální komunikace. Praha: Portál 2004. 328 s. ISBN 8071789267.
- VYBÍRAL, Z. 2005. Psychologie komunikace. 1. vyd. Praha: Portál, s.r.o., 2005. 320 s. ISBN 80-7178-998-4.
- АНИСИМОВА, Е.Е. Лингвистика текста и межкультурная коммуникация (на материале креолизованных текстов): Учеб. пособие для студентов фак. иностр. яз. вузов. М.: Academia, 2003. 128 с.
- КИБРИК, А. А. Мультимодальная лингвистика // Когнитивные исследования – IV. М.: ИП РАН, 2010. 134–152 с.
- КИБРИК, А. А. Федорова О.В. К вопросу о структуре мультимодального дискурса // Институт языкознания РАН, 2018.

- КРЕЙДЛИН, Г. Е. Невербальная семиотика: Язык тела и естественный язык. М.: НЛЮ, 2002. 581 с.
- МАТИСОН, Д. Медия дискурс. Анализ медия-текстов. Исследования культуры. Харьков: Гуманитарный центр. 2013. 264 с.
- СОРОКИН, Ю.А., Е.Ф. Тарасов. Креолизованные тексты и их коммуникативная функция // Оптимизация речевого воздействия. М.: Высшая школа. 1990. 180–196 с.
- ВДОВИНА, Т. В. Дискурс-Анализ: Методологические основания перспективы применения в социологических исследованиях. М.: Российский университет дружбы народов. 2012.

Lacová Nina

Mgr.

Filozofická fakulta Univerzity Komenského, Katedra rusistiky a východoeurópskych štúdií,
Gondova 2, 811 02 Bratislava 1, Slovensko
Faculty of Arts, Department of Russian and East European Studies, Comenius University
Gondova 2, 811 02 Bratislava 1, Slovakia
E-mail: nina.lacova@uniba.sk

Vzdelávací literárny kánon. Ruská literatúra v učebniciach literatúry na slovenských gymnáziách

Martin Lizoň

Katedra slovanských jazykov, Filozofická fakulta, Univerzita Mateja Bela v Banskej Bystrici
Banská Bystrica, Slovensko

Abstrakt: Príspevok skúma postavenie ruskej literatúry v učebniciach literatúry určených pre slovenské školy poskytujúce úplné stredné všeobecné vzdelanie, predmet – slovenský jazyk a literatúra. Prehľad ruskej literatúry v učebniciach odporúčaných Ministerstvom školstva SR na uvedenom stupni vzdelávania mapuje v rozpätí viac ako tridsiatich rokov – od roku 1990 do roku 2024. Na základe autorov a diel ruskej literatúry, prezentovaných v učebniciach, sa pokúša vymedziť možné kritériá ich výberu. Pomenúvajú sa pravdepodobné korelácie medzi učebnicami (ich obsahom) a spoločensko-politickým a historickým kontextom, vzdelávacími štandardmi a ďalšími (ekonomickými, ideologickými, vlastnými autorskými) determinantmi koncepcie učebníc. Text porovnáva doteraz sformovaný vzdelávací literárny kánon s inými inštitucionálnymi literárnymi kánonmi (literárna veda a vydavateľstvá) s cieľom odhaliť možné intencie v rámci literárnych polí – fungovanie literatúry v priestore vedy, knižného trhu a vzdelávania. Cieľom je vysvetliť príčiny (štátny vzdelávací program, vzdelávacie štandardy, funkcie literatúry, tradícia atď.) zaostávania vzdelávacieho literárneho kánonu a načrtnúť možné varianty jeho transformácie.

Príučové slová: ruská literatúra, literárny kánon, učebnica, predmet slovenský jazyk a literatúra, vzdelávanie, vzdelávacie štandardy.

Educational literary canon. Russian literature in literature textbooks at slovak grammar schools

Abstract: The paper examines the position of Russian literature in literature textbooks intended for Slovak schools providing full secondary general education, subject – Slovak language and literature. The review of Russian literature in the textbooks recommended by the Ministry of Education of the Slovak Republic at this level of education is mapped over a span of more than thirty years – from 1990 to 2024. On the basis of authors and works of Russian literature presented in the textbooks, it tries to define possible criteria for their selection. Probable correlations between textbooks (their content) and the socio-political and historical context, educational standards and other (economic, ideological, authors' own) determinants of the textbooks' conception are named. The text compares the educational literary canon formed so far with other institutional literary canons (literary scholarship and publishing) in order to reveal possible intentions within literary fields – the functioning of literature in the space of scholarship, the book market and education. The aim is to explain the causes (state educational curriculum, educational standards, functions of literature, tradition, etc.) of the lagging behind of the educational literary canon and to outline possible variants of its transformation.

Keywords: Russian literature, literary canon, textbook, the teaching discipline Slovak language and literature, education, educational standards.

Článok nahliada na učebnice literatúry a informácie o ruskej umeleckej literatúre v nich obsiahnuté ako na jednu z foriem literárneho konania. Tento pohľad na literatúru vychádza z empirickej teórie literatúry, podľa ktorej je symbolický systém literatúry súčasťou sociálnej reality (Schmidt, 2008). Umelecká literatúra sa teda v texte chápe ako špecifický, relatívne autonómny sociálny (symbolický) systém, ktorého existencia je determinovaná jej vlastným systémom (jeho štruktúrou, aktérmi tohto systému, „pravídlami hry“ (Bourdieu, 2010), ako aj vonkajšími faktormi – sociálnou realitou, reprezentovanou najčastejšie jej politickými a ekonomickými záujmami. Interakcie so sociálnou realitou predstavujú pomerne zložitý súbor operácií, v ktorých sa prejavuje vplyv rôznych faktorov a činiteľov (aktérov týchto operácií). Vzťah systému literatúry k sociálnej realite pritom netreba vnímať ako jednostranný vplyv sociálnej reality na systém literatúry. Ten má v rôznych sférach svojho fungovania (vo vzdelávacom systéme, na knižnom trhu, v literárnej vede) istý vplyv na samotnú sociálnu realitu, čo je dôvodom (snahou) sociálnej reality transformovať alebo aspoň korigovať jej obsah.

Príspevok sa zameriava na postavenie ruskej literatúry v učebniciach literatúry a vo vzdelávacích programoch (predmet slovenský jazyk a literatúra) pre gymnáziá a stredné školy s vyučovacím jazykom slovenským. Predmetom skúmania sú predovšetkým faktory určujúce postavenie ruskej beletrie, štruktúra a charakter interakcií so sociálnou realitou. Popri spoločensko-politických a ekonomických faktoroch, ktoré nepochybne zohrávajú významnú úlohu pri formovaní každého inštitucionálneho kánonu, pomenúva aj ďalšie faktory pôsobiace výlučne v tejto sfére literárneho konania. V súvislosti s postavením určitej národnej (v tomto prípade ruskej) literatúry a výberom konkrétnych diel zaradených do vzdelávacieho programu treba hovoriť predovšetkým o štátnej vzdelávacej politike, základnej koncepcii vzdelávania, cieľoch, úlohách a formách literárnej výchovy a existujúcej tradícii literárnej výchovy.

Predmet literatúra na slovenských stredných školách prešiel v období rokov 1990 až 2024 pomerne výraznou transformáciou. Demokratizačné procesy, ktoré sa v Československu a vzápätí na Slovensku začali po roku 1989, významne ovplyvnili okrem iného aj vnímanie a postavenie ruskej beletrie, jej pozíciu vo vzdelávacom systéme.

Proces rekonštrukcie kánonu ruskej literatúry sa vo vedeckej sfére začal už v druhej polovici 80. rokov. Postupne sa vo vedeckých výskumoch a literárnych časopisoch objavovali diela tabuizovaných autorov, o aktuálny literárny proces v Rusku sa zaujímali vedecké kruhy (predovšetkým rusistické). Tento proces redefinovania kánonu ruskej literatúry sa však len čiastočne prejavil v iných sférach literárneho konania.

Kánon ruskej literatúry, ktorý vznikol ako výsledok vedeckého bádania, sa výrazne líši od vydavateľského kánonu a ešte viac od vzdelávacieho kánonu. Podľa Igora Suchého, ktorý sa vo svojej práci odvoláva na B. Dubina, existujú tri typy kánonu: „Môžeme hovoriť o trvalo reprodukovanom, inštitucionálnom kánone (škola); aktuálnom kánone (literárna kritika) a módnom kánone (vydavateľské stratégie zamerané na nové vzdelané, takmer univerzitné publikum)“ (Suchich, 2016, s. 330). Túto trojicu by bolo zrejme potrebné doplniť o kánon literárno-historický, do ktorého môžu, ale nemusia byť zaradené diela aktuálneho kánonu tvoreného literárnymi kritikmi²⁷.

Prelom v politickom, spoločenskom a kultúrnom živote v roku 1989, ktorý bol spojený s otvorenosťou a vstupom nových, dovtedy tabuizovaných podnetov a textov do slovenského kultúrneho priestoru, bol dôvodom, prečo bola ruská kultúra (vrátane literatúry) v 90. rokoch 20. storočia jednoznačne marginalizovaná. Proces odmietania ruskej beletrie sa najvýraznejšie prejavil na knižnom trhu. Ruská literatúra, ktorá pred rokom 1989 dominovala medzi prekladovou literatúrou, sa v 90. rokoch 20. storočia v dôsledku transformácie knižného trhu dostala mimo jeho pozornosti.

Jedným z kľúčových momentov, ktoré ovplyvnili postavenie ruskej literatúry, bolo zrušenie štátneho vydavateľského monopolu. „Systém vydavateľstiev prechádza v 90. rokoch 20. storočia transformáciou. Výlučne štátne inštitúcie sa zmenili na podnikateľské subjekty (Slovenský spisovateľ), mnohé z nich fakticky zanikli (Tatran, Obzor), neštátne vydavateľstvá, ktoré existovali pred rokom 1989, ale z určitých (pochopiteľných) dôvodov nefungovali dobre (Tranoscius, Spolok sv. Vojtecha), prešli revitalizáciou a vznikli nové vydavateľstvá. Vojtecha), vznikajú nové vydavateľstvá, či už založené z osobnej iniciatívy (Hevi, Causa editio) alebo malou skupinou (Fragment), alebo regionálne vydavateľstvá, ktoré v určitej podobe existovali vždy (Osveta – Martin, Východoslovenské vydavateľstvo – Košice)“ (Kusá, 2015, s. 141). V dôsledku týchto zmien sa na Slovensku do konca roku 1990 objavilo len malé množstvo knižných vydaní nových alebo predtým nevydaných diel ruskej literatúry. Príčiny orientácie vydavateľov na osvedčenú klasiku možno hľadať predovšetkým v samotnom postavení ruskej literatúry po roku 1989. Podľa autorov vedeckej monografie *Ruská literatúra v slovenskej kultúre v rokoch 1825 – 2015* sa ruská literatúra ocitla v situácii, keď sa na jednej strane musela nanovo definovať, na druhej strane ju mimoliterárny kontext diskriminoval (Kusá, 2015, s. 142). Sumarizujúc vydávanie prekladovej beletrie po roku 1992

²⁷ O vzťahu súčastí literárnej vedy – histórii literatúry, teórii literatúry a literárnej kritike podrobne píše Pavel Janoušek (JANOUSĚK, Pavel. Černá kočka aneb subjekt znalce v myšlení o literatuře a jeho komunikační strategie. Praha: Academia. 2012).

Anton Eliáš tvrdí, že „kým počet vydaní tzv. vážnej literatúry (poézie a klasiky) od prelomu rokov 1992 – 1993 vo všeobecnosti (medzi prekladovými textami) klesá, v prípade ruskej literatúry sa zachoval opačný trend. Táto skutočnosť je pochopiteľná, pretože literatúra, ktorá sa v inom kultúrnom priestore musí vyrovnávať s toľkými prekážkami, si nemôže dovoliť urobiť krok vedľa“ (Eliáš cit. podľa Kusá 2015, s. 144). Táto špecifická situácia sa od začiatku nového tisícročia postupne mení. Popri klasickej literatúre sa začínajú systematickejšie vydávať aj publikácie nových, súčasných ruských autorov.

S istým oneskorením prebieha aj transformácia literárneho vzdelávacieho kánonu (súčasne so zaradovaním nových, predtým tabuizovaných diel miznú predtým kanonické texty). V polovici 90. rokov 20. storočia prebiehala pomerne búrlivá diskusia nielen o novom literárnom kánone, ale aj o hľadaní nových metód literárnej výchovy všeobecne²⁸. Napriek tomu, ako bude uvedené ďalej, také radikálne zmeny, akými prešiel knižný trh, v oblasti vzdelávania nepozorujeme.

Skôr ako prejdeme k oficiálnym vzdelávacím dokumentom a ich zhmotneniu v súboroch učebníc literatúry vydaných po roku 1989, pokladáme za potrebné vrátiť sa k vzdelávaciemu programu z roku 1986. Ruská literatúra zaujímala v štátom organizovanom a riadenom vzdelávacom systéme do roku 1989 významné miesto, čo možno vysvetliť nielen politickou orientáciou Československa v rokoch 1948 – 1989, ale aj históriou vzťahov medzi slovenskou a ruskou kultúrou vo všeobecnosti.

Podľa posledného predrevolučného Vzdelávacieho programu (VP) Slovenský jazyk a literatúra (1986) je cieľom literárnej výchovy „formovanie všestranne vzdelanej a harmonicky rozvinutej osobnosti, pripravenej aktívne sa podieľať na budovaní a obrane rozvinutej socialistickej spoločnosti“ (Učebné osnovy gymnázia, 1986, s. 50), a tiež „pestovanie schopnosti esteticky vnímať skutočnosť“ (Učebné osnovy gymnázia, 1986, s. 50). Dôležité miesto vo VP má poznávací funkcia literárnej výchovy, ktorá je v programe definovaná ako dôležitá zložka formovania postojov k hodnotám beletrie. Z obsahového hľadiska ide o „poznatie hlavných diel a ukážok slovenskej a českej literatúry, literatúry

²⁸ Anna Valcerová. Problémy vyučovania svetovej literatúry. In Slovenský jazyk a literatúra v škole. Roč. 41, č. 5-6 (1994/1995), s. 142-145; Marián Lapitka. Vzdelávací štandard v predmete (zložke) literárna výchova. In Slovenský jazyk a literatúra v škole. Roč. 42, č. 3-4 (1995/1996), s. 111-117; Renáta Lukačková, Beáta Solčanská. Nové učebné osnovy. In Slovenský jazyk a literatúra v škole. Roč. 43, č. 5-6 (1996/1997), s. 181-182; Marián Lapitka. Poznámky o inováciách gymnaziálnych osnov literatúry. In Slovenský jazyk a literatúra v škole. Roč. 43, č. 5-6 (1996/1997), s. 183-185; Renáta Lukačková. Nové učebnice literatúry. In Slovenský jazyk a literatúra v škole. Roč. 43, č. 3-4 (1996/1997), s. 121-122; Marián Lapitka. Vzdelávací štandard v predmete (zložke) literárna výchova. In Slovenský jazyk a literatúra v škole. Roč. 42, č. 3-4 (1995/1996), s. 111-117. Natália Ihnátková. K novej čítanke pre stredné školy. In Slovenský jazyk a literatúra v škole. Roč. 41, č. 5-6 (1994/1995), s. 182-183.

socialistických krajín a pokrokovej svetovej literatúry“ (Učebné osnovy gymnázia, 1986, s. 51). Výber diel svetovej literatúry však tejto formulácii zodpovedá len čiastočne. Zahraničná literatúra je vo VP zastúpená pomerne proporčne, bez jednoznačnej preferencie ruskej literatúry. V chronologicky usporiadanom prehľade svetovej literatúry je ruská literatúra zastúpená dielami 11 autorov:

- Literatúra predromantizmu a romantizmu: A. C. Puškin, M. J. Lermontov.
- Literatúra realizmu: N. V. Gogol, L. N. Tolstoj, F. M. Dostojevskij.
- Literatúra moderny: A. Blok.
- Literatúra medzivojnového obdobia: M. Gorkij, V. Majakovskij a M. Šolochov.
- Literatúra éry budovania komunizmu: A. Fadejev *Mladá garda*, A. Tvardovskij *Za diaľkou diaľka*.

Vo Vzdelávacom programe (VP) Slovenský jazyk a literatúra 1997, prvom komplexnom porevolučnom vzdelávacom programe, sa význam literatúry ako vyučovacieho predmetu charakterizuje takto: „Literatúra ako súčasť predmetu slovenský jazyk a literatúra patrí ku kľúčovým predmetom štvorročného gymnaziálneho vzdelávania. Významne prispieva k všestrannému rozvoju osobnosti žiaka, a preto je povinný na všetkých stupňoch gymnaziálneho vzdelávania. Všeobecným cieľom literárnej výchovy je formovanie svojbytnej, vnútorne bohatej osobnosti žiaka, vyznačujúcej sa individualitou, vedomím seba samého“ (Učebné osnovy gymnázia, 1997, s. 14). Cieľom literatúry v systéme stredoškolského úplného vzdelávania by malo byť okrem iného „osvojenie si základných literárnych pojmov a oboznámenie sa prostredníctvom najvýznamnejších diel slovenských autorov s chronológiou vývoja umenia a beletrie a s kontextom tohto vývoja vo svete“ (Učebné osnovy gymnázia, 1997, s. 16) To znamená, že VP z roku 1997 je modifikáciou (predovšetkým obsahovou) tradičnej literárnej výchovy založenej na jasnej predstave o historickom vývoji literatúry v kontexte svetovej kultúry. Ako uvádzajú autori VP z roku 1997: „Moderná verzia VP Literatúra je dôkladnou revíziou VP platných v minulosti, ich koncepcia je však v podstate rovnaká. Je tradičná, chronologická, má univerzálny charakter“ (Učebné osnovy gymnázia, 1997, s. 28).

Ruská literatúra je vo VP 1997 v rámci jednotlivých tematických okruhov zastúpená 20 autormi, ale zaradenie ich diel do výchovno-vzdelávacieho procesu nie je povinné. „Napriek tomu, že tematické okruhy vo VP sú povinné, v kompetencii učiteľa zostáva výber autorov a diel, forma ich prezentácie, ako aj rozvrh práce s jednotlivými dielami, ktoré majú vo VP len orientačný charakter“ (Učebné osnovy gymnázia, 1997, s. 17).

Ruská literatúra je prezentovaná dielom 20 autorov:

- Romantická literatúra: A. S. Puškin, M. J. Lermontov.
- Realistická literatúra: N. V. Gogol', L. N. Tolstoj, F. M. Dostojevskij, I. A. Gončarov.
- Literatúra moderny: A. Blok, S. Jesenin, A. P. Čechov, A. I. Kuprin.
- Avantgardná literatúra: V. Chlebnikov.
- Avantgarda v próze: I. Bunin, L. N. Andrejev, I. Babel'.
- Dvadsiate storočie – tradičná próza: M. Šolochov, M. Gorkij.
- Vojenská próza a próza proti totalite: A. I. Solženicyn, B. Pasternak.
- Povojnová poézia: a) filozofická poézia – V. Vysockij.
b) imaginatívna lyrika – A. Voznesenskij.

Zoznam autorov, ktorých diela sú zaradené do vzdelávacieho programu, naznačuje snahu zaplniť tzv. biele miesta na mape ruskej literatúry. Zaradenie diel Bunina, Andrejeva, Babel'a, ako aj Solženicyna, Pasternaka, Vysockého a Voznesenského dokazuje úprimnú snahu prekonať tradičný pohľad na ruskú literatúru dvadsiateho storočia. Napriek tomu aj tento model poukazuje na zaostávanie vzdelávacieho kánonu.

Trvalo osem rokov po udalostiach roku 1989, kým bol vytvorený prvý porevolučný vzdelávací program, ale už v rokoch 1994 až 1996 sa objavil súbor štyroch učebníc²⁹ zostavených Viliamom Obertom a kolektívom autorov určených pre gymnáziá a stredné školy, ktorý bol na dlhé roky prakticky jediným učebným materiálom k predmetu slovenský jazyk a literatúra. Boli zostavené na základe tzv. dočasných učebných osnov, ktoré schválilo Ministerstvo školstva SR v roku 1991³⁰.

Ruská literatúra je v učebniciach Oberta zastúpená relatívne veľkým počtom autorov a ich diel:

1. učebnica

Kapitola *Preromantizmus a romantizmus* predstavuje diela (alebo úryvky z nich) A. S. Puškina *Dedina, Exegi monumentum, Eugen Onegin, Belkinove poviedky*, ako aj diela M. J. Lermontova *Na smrť básnika, Plachta a Kaukaz*.

²⁹ Obert V., Ivanová M., Keruľová M. Literatúra 1: pre 1. ročník gymnázií a stredných škôl. Bratislava: Litera. 1994; Obert V., Ivanová M., Žemberová V. Literatúra pre 2. ročník gymnázií a stredných škôl. Bratislava: IMPRO. 1994; Obert V., Ivanová M., Špaček J., Bátorová M. Literatúra pre 3. ročník gymnázií a stredných škôl. Bratislava: Litera. 1995; Obert V., Ivanová M., Špaček J., Hochel I. Literatúra pre 4. ročník gymnázií a stredných škôl. Bratislava: Litera. 1996

³⁰ Tieto učebné osnovy neplnia základnú funkciu, ktorú by ako jeden z hlavných pedagogických dokumentov mali plniť vo vzťahu k učiteľovi: vymedziť mu základný rámec obsahu predmetu, ktorý zohľadňuje rôzne aspekty a umožňujúce pluralitu výberu, načrtnúť mu hranice šírky problematiky transformovanej vo vyučovacom procese. Obsah stredoškolského učiva literatúry v učebných osnovách je určený neúplným zoznamom autorov určitých literárnohistorických období.

2. učebnica

Kapitola *Realizmus*, časť Európska literatúra, obsahuje: *Mŕtve duše* od N. V. Gogoľa; *Koniec Čertopchanova z Poľovníkových zápisov*, úryvok z románu *Otcovia a deti* a básneň v próze *Vrabec* od I. S. Turgeneva; *Zločin a trest* od F. M. Dostojevského; *Vojna a mier* od L. N. Tolstého; a *Chameleón a Čajka* od A. P. Čechova.

3. učebnica

Secesná literatúra je zastúpená dielami Sergeja Jesenina *Pieseň o psovi* a *Chuligán*, V. Majakovského *Oblak v nohaviciach*", *Na vrchole svojho hlasu*, *Milujem* a kresbou k básni V. Chlebnikova *Čmáranice na nebi*.

Do kapitoly *Próza a dráma medzivojnového obdobia* sú zaradené diela M. Bulgakova *Psie srdce*, M. Gorkého *Podnik Artamonovovcov*, M. Šolochova *Tichý Don*, a výber z poézie B. Pasternaka.

4. učebnica

Kapitola *Svetová próza a dráma po roku 1945* obsahuje informácie o dielach J. V. Bondareva *Horúci sneh*, Alexandra Solženicyna *Jeden deň Ivana Denisoviča* a románe Čingiza Ajtmatova *Deň dlhší ako ľudský vek*.

Model ruskej literatúry prezentovaný v týchto učebniciach je, možno práve preto že bol prvým pokusom o obsahovú zmenu, výrazne tradicionalistický, len veľmi okrajovo reflektujúci literárne procesy v literárnovednom diskurze a modifikácie na knižnom trhu.

Štátny vzdelávací program Slovenský jazyk a literatúra 2009 vzniká v úplne nových podmienkach a reaguje na pomerne širokú škálu javov, medzi ktorými treba upozorniť najmä na podpísanie Bolonskej deklarácie Slovenskom a testovanie PISA. Ich spoločným menovateľom je vplyv politiky neoliberalizmu na vzdelávací systém, realizovaný prostredníctvom Organizácie pre hospodársku spoluprácu a rozvoj (OECD) (Kaščák, Pupala, 2012). Ako dokazujú hlavné ustanovenia nového programu, literárne vzdelávanie sa orientuje predovšetkým na formovanie určitých kompetencií, to znamená, že ciele sú podriadené tlaku technokratickej spoločnosti, ktorej cieľom je podľa Konrada Lissmanna príprava pracovníkov potrebných pre zabezpečenie hospodárskeho rastu (Liessmann, 2015).

Napriek zásadným zmenám podmienok, pri ktorých bol formovaný tento vzdelávací program a jeho netradičnej koncepcii (prechod od historického modelu k žánrovému modelu), sa zoznam autorov a diel zásadne nemení. Ruská literatúra je v novom programe zastúpená skôr tradičným spôsobom, hoci v porovnaní s programom z roku 1997 sa zoznam

prezentovaných autorov zredukoval na 18 autorov. V novom programe sa nenachádzajú N. V. Gogol', I. A. Gončarov, A. I. Kuprin, L. Andrejev, A. Blok, I. Babel', M. Šolochov, B. Pasternak, V. Vysockij a A. Voznesenskij, naopak, zoznam autorov je doplnený o výber z tvorby G. R. Deržavina, I. S. Turgeneva, I. Bunina, Viktora Nekrasova, V. Tendriakova, V. Lipatova, V. Nabokova a V. Astafieva. Povinným dielom je len Puškinova *Kapitánova dcéra*, zaradenie ostatných diel do výučby sa len odporúča. Obsah predmetu je rozdelený do 28 tematických častí, z ktorých je ruská literatúra prezentovaná v sedemnástich z nich:

- Lyrická poézia a metrika – A. S. Puškin, M. J. Lermontov.
- Krátka epická próza. Poviedka – L. N. Tolstoj *Kozáci*.
- Epická poézia. Jamb – A. S. Puškin *Eugen Onegin*, S. Jesenin *Anna Sneginová*.
- Epika (román) – A. S. Puškin *Kapitánova dcéra*.
- Lyrická poézia – štylizácia – A. S. Puškin, M. J. Lermontov.
- Dráma – A. S. Puškin *Boris Godunov*.
- Krátka epická próza – vnútorný monológ – A. P. Čechov *Dom s mezanínom*.
- Lyrická poézia – typy lyriky – S. Jesenin.
- Epika – typy románu – L. N. Tolstoj *Vojna a mier*, *Anna Kareninová*, F. M. Dostojevskij *Zločin a trest*.
- Epická próza – lineárna kompozícia – M. Gorkij *Makar Čudra*.
- Dráma – tragédia – A. S. Puškin *Boris Godunov*.
- Lyrická poézia – čistá lyrika – S. Jesenin.
- Lyrická poézia – automatický text – V. Chlebnikov *Deň modrých medveďov*.
- Epická próza – retrospektívna skladba – A. I. Solženicyň *Jeden deň Ivana Denisoviča*.
- Moderná epická próza – postmoderna – V. Nabokov *Camera Obscura*.
- Moderná epická próza – detektívka – V. Astafiev *Smutný detektív*.
- Dejiny literatúry – tematická časť, ktorá v stručnej forme predstavuje dôležité etapy dejín svetovej a slovenskej literatúry. V časti Klasicismus sa spomínajú ódy Gavrila Romanoviča Deržavina. V časti o romantizme je okrem diel A. S. Puškina a M. J. Lermontova ako príklad literatúry, ktorá skúma vnútornú rozpoltenosť šľachtica, uvedený I. S. Turgenev. Realizmus je zastúpený dielami L. N. Tolstého a F. M. Dostojevského (*Zločin a trest*, *Idiot* a *Diablom posadnutí*). Časť venovaná moderne a avantgarde zahŕňa poéziu A. Bloka, S. Jesenina a V. Chlebnikova, ako aj prózu I. Bunina (*Mitinova láska*) a tvorbu A. P. Čechova – prózu (*Dom s mezanínom*) a drámu. V časti povojnového obnovenia poviedkovej a intencionálnej prózy sú

uvedení Viktor Nekrasov *V stalingradských zákopoch*, Vladimír Tendriakov *Stretnutie s Nefertiti* a Vil Lipatov *...ešte pred vojnou*. Ako príklad boja proti totalite sa uvádza Solženicynov román *V kruhu prvom*.

V súlade so vzdelávacím programom z roku 2009 boli v rokoch 2009 – 2011 vydané nové učebnice literatúry od Ivany Gregorovej a Mariána Lapitku³¹ (spoluautori VP z roku 2009), ktoré boli medzi učiteľmi prijaté skôr negatívne (najmä z dôvodu prechodu od historického modelu vyučovania literatúry k žánrovému modelu). Výber diel ruskej literatúry dokazuje pokračujúce hľadanie objektívnejšieho modelu ruskej literatúry vo výučbe, výsledok tohto hľadania však skôr prehlbuje rozdiel medzi vzdelávacím literárnym kánonom a kánonom vedeckým a vydavateľským. Zvolení spisovatelia a ich diela poukazujú skôr na osobné preferencie autorov učebníc ako na reflexiu vedeckého diskurzu.

O niečo neskôr, v rokoch 2012 až 2014, vyšli učebnice Polakovičovej a kol.³² ktoré sú v súčasnosti najpoužívanějšími učebnicami v rámci literárnej výchovy na gymnáziách a stredných školách. Napriek tomu, že rovnako ako učebnice Gregorovej a Lapitka sú vytvorené v súlade s PV 2009, ich koncepcia je tradičná, historická. Ruská literatúra je v učebniciach zastúpená pomerne skromne. Okrem kanonických autorov A. S. Puškina³³, F. M. Dostojevského³⁴, L. N. Tolstého³⁵ a A. P. Čechova³⁶ je v 5. kapitole 3. zväzku učebnice v časti *Spoločensky angažovaná literatúra* medzi tzv. proletárskymi autormi uvedený V. Majakovskij a jeho báseň *Oblak v nohaviciach*. V tej istej kapitole v časti *literatúra prírodu*

³¹ Gregorová I., Lapitka M. Literatúra pre 1. ročník gymnázií a stredných odborných škôl. Bratislava: Slovenské pedagogické nakladateľstvo. Edícia Mladé letá. 2009; Gregorová I., Lapitka M. Literatúra pre 2. ročník gymnázií a stredných odborných škôl. Bratislava: Slovenské pedagogické nakladateľstvo. Edícia Mladé letá. 2009; Gregorová I., Lapitka M. Literatúra pre 3. a 4. ročník gymnázií a stredných odborných škôl. 1. diel. Bratislava: Príroda. 2011; Gregorová I., Lapitka M. Literatúra pre 3. a 4. ročník gymnázií a stredných odborných škôl. 2. diel. Bratislava: Príroda. 2011.

³² A. Polakovičová, M. Caltíková, E. Štarková, E. Lábaj. Literatúra I pre stredné školy. Bratislava: Orbis pictus istropolitana. 2012, 160 s. ISBN 978-80-8120-128-8; A. Polakovičová, M. Caltíková, E. Štarková, A. Mezeiová. Literatúra II pre stredné školy. Bratislava: Orbis pictus istropolitana. 2012, 184 s. ISBN 978-80-8120-194-3; A. Polakovičová, M. Caltíková, E. Štarková, A. Mezeiová. Literatúra III pre stredné školy. Bratislava: Orbis pictus istropolitana. 2014, 200 s. ISBN 978-80-8120-299-5; A. Polakovičová, M. Caltíková, E. Štarková, A. Mezeiová. Literatúra IV pre stredné školy. Bratislava: Orbis pictus istropolitana. 2013, 208 s. ISBN 978-80-8120-247-6.

³³ Okrem *Kapitánovej dcéry*, ktorej je venovaná hlavná časť učebnice Od preromantizmu k realizmu v 2. zväzku, sú uvedené aj informácie o *Eugenovi Oneginovi*. Veršovaný román je predstavený ako vrchol Puškinovej tvorby, obsah diela a charakteristika hlavného hrdinu sú podané v stručnej forme. V učebnici sú uvedené aj ďalšie autorove diela – *Cigáni*, *Kaukazský zajatec*, *Boris Godunov*.

³⁴ Popri románe *Zločin a trest*, ktorému je venovaná samostatná kapitola 2. dielu učebnice, sú menované aj ďalšie autorove diela – romány *Ponížený a urazený*, *Idiot*, *Bratia Karamazovci* a *Hráč*...

³⁵ Hlavná pozornosť je venovaná románu *Anna Karenina*. Okrem stručného zhrnutia hlavných dejových línií, motívov a obrazov, ako aj témy románu sú v kapitole použité dva úryvky románu, ktorých jednotlivým motívom je smrť (udalosti na železničnej stanici). Okrem tohto diela je pomenovaná len *Kreutzerova sonáta*.

³⁶ Učebnica predstavuje Čechova ako prozaika (autor viac ako 500 poviedok) a dramatika (autor hier *Ujo Váňa*, *Višňový sad*, *Čajka* a *Tri sestry*), autora, ktorý vo svojom diele rozvíja tému „zbytočného človeka“. Zdôrazňuje sa jeho prínos k rozvoju dramaturgie. Téma „zbytočného človeka“ sa dostáva do popredia aj pri prezentácii drámy *Ujo Váňa*.

vedomia je uvedený Michail Bulgakov a jeho román *Majster a Margaréta*. V poslednom zväzku učebnice, v jej druhej kapitole – *Literatúra v podmienkach totality* je medzi dielami zodpovedajúcimi kánonu socialistického realizmu uvedený román Borisa Poleva *Príbeh skutočného človeka* Borisa Polevého. V časti *Úsilie o zachovanie autorskej identity* toho istého zväzku učebnice je uvedené druhé z diel ruskej literatúry – *Jeden deň Ivana Denisoviča* od Alexandra Soženicyna. Informácie o ruskej literatúre sú doplnené stručnými informáciami o Vladimírovi Vysockom a Bulatovi Okudžavovi (v kontexte fenoménu autorskej piesne). V časti venovanej románu J. Orwella *1984* sa ako príklad literárnej dystopie uvádza román *My* od J. Zamiatina.

V roku 2015 bol schválený nový Štátny vzdelávací program. Cieľ predmetu slovenský jazyk a literatúra je v ňom formulovaný ako „sústavné a kontinuálne rozvíjanie čitateľských a interpretačných zručností žiakov orientovaných na špecifické formy poznávania skutočnosti, chápanie medziľudských vzťahov a rozvíjanie estetického cítenia žiakov. Základným princípom koncipovania obsahu predmetu je rozvoj čítania ako prostriedku komplexného zvládnutia umeleckého textu. Pozornosť sa venuje postupnému rozvíjaniu čitateľa, počnúc schopnosťou analyzovať sémantiku umeleckého textu (analytické čítanie), chápaním znakovkej štruktúry textu až po schopnosť pracovať s významom textu – schopnosť syntézy, interpretácie, mnohostrannosti (syntetické čítanie)“ (Slovenský jazyk a literatúra, 2015).

Na rozdiel od všetkých predchádzajúcich programov Štátny vzdelávací program Slovenský jazyk a literatúra 2015, ktorého vzdelávací štandard je koncipovaný na základe cieľových kompetencií, neponúka odporúčaných autorov a ich diela. Svetová literatúra je v ňom zastúpená šiestimi dielami, z ktorých ruskú literatúru prezentuje len *Kapitánova dcéra* A. S. Puškina.

V roku 2019 sa na knižnom trhu začali objavovať nové učebnice literatúry z vydavateľstva Taktik³⁷. V učebnici Literatúra 1 pre stredné školy a gymnáziá je v kapitole *Stredoveká európska literatúra – rytiersky epos* spolu s informáciou o iných dielach (*Tristan a Izolda, Pieseň o Rolandovi, Pieseň o Cidovi*) zaradená krátka zmienka o *Slove o Igorovej výprave*. V kapitole *Klasicistická európska literatúra – historický kontext* je spolu s La

³⁷ Hüblerová J. a kol. Literatúra 1 : pre stredné školy a gymnáziá : učebnica. Košice: Taktik. 2022; Hüblerová J. a kol. Literatúra 1: pre stredné školy a gymnáziá s ukázkami literárnych diel : pracovný zošit v súlade so ŠVP . Košice: Taktik. 2019; Hüblerová J. a kol. Literatúra 2 : pre stredné školy a gymnáziá s ukázkami literárnych diel : pracovný zošit v súlade so ŠVP. Košice: Taktik. 2019; Hüblerová J. a kol. Literatúra 2: pre stredné školy a gymnáziá: učebnica. Košice: Taktik. 2023; Hüblerová J. a kol. Literatúra 3: pre stredné školy a gymnáziá s ukázkami literárnych diel: pracovný zošit v súlade so ŠVP. Košice: Taktik. 2020; Hüblerová J. a kol. Literatúra 4: pre stredné školy a gymnáziá s ukázkami literárnych diel: pracovný zošit: v súlade so ŠVP. Košice: Taktik. 2020.

Fontainom uvedený aj I. A. Krylov a spomenuté sú niektoré z jeho bájok (*Somár a sedliak, Psie priateľstvo, Labuť, štika a rak, Rada myši*).

Najvýraznejšie je ruská literatúra zastúpená v učebnici Literatúra 2 pre stredné školy a gymnáziá:

- Kapitola *Európska romantická literatúra*
A. S. Puškin, zmienka a *Eugenovi Oneginovi* a samostatná časť (ukážka a rozbor) z diela *Kapitánova dcéra*.
- Kapitola *Európska romantická literatúra – veršovaný román*
S. Puškin – *Eugen Onegin*.
- Kapitola *Európska romantická literatúra – baladická poviedka*
M. J. Lermontov – *Démon* (ukážka z diela).
- Kapitola *Európska realistická literatúra – satirický román*
N. V. Gogol' – *Mŕtve duše* (ukážka z diela), spomenuté sú aj *Petrohradské poviedky* a *Revízor*.
- Kapitola *Európska realistická literatúra – psychologický román*
F. M. Dostojevský – *Zločin a trest* (ukážka z diela a rozbor), spomenuté sú aj romány *Idiot* a *Bratia Karamazovovci*.
L. N. Tolstoj – *Anna Kareninová* (ukážka z diela a rozbor), spomenuté sú aj romány *Vojna a mier* a *Vzkriesenie*.
- Kapitola *Európska realistická literatúra – poviedka*
A. P. Čechov – *Chameleón* (ukážka z diela).
N. V. Gogol' – *Petrohradské poviedky*, *Nos* (ukážka z diela).
- Kapitola *Európska realistická literatúra – tragikomédia*
A. P. Čechov – *Višňový sad* (ukážka z diela a rozbor), spomenuté sú aj drámy *Čajka*, *Ujo Váňa* a *Tri sestry*.
- Kapitola *Európska realistická literatúra – komédia*
N.V. Gogol' *Revízor* (ukážka z diela a rozbor).
- Kapitola *Európska realistická literatúra – jednoaktovka*
A. P. Čechov *Pytačky* (ukážka z diela a rozbor).

V pracovnom zošite Literatúra 3 pre stredné školy a gymnáziá s ukážkami literárnych diel je v kapitole *Svetová literatúra* medzi dvoma svetovými vojnami – próza zaradený román Maxima Gorkého *Matka* a v kapitole *Svetová literatúra po roku 1945* – próza *Jeden deň Ivana Denisoviča* od A. Solženicyna.

Výber iba dvoch textov ruskej literatúry dvadsiateho storočia – *Matka* od M. Gorkého a *Jeden deň Ivana Denisoviča* od A. Solženicyna je potvrdením existujúceho trendu – znižovania počtu autorov a literárnych diel. Kompetenčný prístup a s ním spojený odklon od poznávacej funkcie však sotva možno vnímať pozitívne. Literatúra sa napriek forme svojej prezentácie a stanoveným cieľom literárnej výchovy podieľa na formovaní predstavy o krajine, v ktorej vzniká, ktorej črty reflektuje. Prevládajúca orientácia na literatúru 19. storočia sotva prispieva k formovaniu objektívneho obrazu, a už vôbec nie obrazu zodpovedajúceho dnešnému Rusku.

Charakteristickým znakom všetkých učebníc literatúry vydaných po roku 1989 je takmer úplná absencia reflexie literárneho procesu v ruskej a svetovej literatúre všeobecne v poslednej štvrtine dvadsiateho storočia a v dvadsiatom prvom storočí. Pritom, napodiv, je slovenská literatúra zastúpená oveľa viac súčasnými dielami. Odpoveď na otázku, čo je príčinou tohto zakonzervovania a neochoty otvárať nové kapitoly dejín svetovej literatúry, by mali hľadať predovšetkým autori učebníc. Štátom prijatá koncepcia vzdelávania, školská prax, orientácia na klasickú literatúru a preferovanie diel slovenských autorov však poskytujú možnosť pochopiť zámery autorov. Literatúra ako prostriedok formovania čitateľských kompetencií neznamena rozširovanie vzdelávacieho literárneho kánonu o nové diela svetovej literatúry. Skutočnosť, že takéto rozhodnutie je v rozpore s koncepciou väčšiny prezentovaných učebníc, podľa ktorej sa až do konca 60. rokov 20. storočia slovenská literatúra prezentuje v kontexte svetových dejín a svetovej literatúry, autori zrejme nebrali do úvahy.

Výber diel svetovej literatúry, vrátane ruskej, je nepochybne podmienený aj praxou – reálnymi možnosťami literárneho vzdelávania na stredných školách. Predmetu slovenský jazyk a literatúra sa venuje 12 hodín týždenne počas celého obdobia stredoškolského štúdia (4 roky), čo je čas, ktorý nepraje rozširovaniu obsahu o nové diela. Stojí však za zváženie, do akej miery je stabilita vzdelávacieho literárneho kánonu a s ňou spojená preferencia klasických diel skutočne žiadúca a opodstatnená. Koncepcia klasiky (vrátane klasikov dvadsiateho storočia), s ktorou mimochodom intenzívne pracuje aj knižný trh (hoci na iné, ekonomické účely), je v oblasti vzdelávania viazaná na dejiny svetovej literatúry ako jednu z oblastí literárnej vedy, ktorá je oveľa konzervatívnejšia ako dejiny národných literatúr. Preferencie v rámci náučného kánonu literatúry 19. storočia potvrdzujú myšlienku Igora Suchého: „V kánone sa zvyčajne rozlišuje pevný stred a neostrá periféria“ (Suchich, 2016, s. 332). V tomto smere je však dôležitý aj faktor zotrvačnosti, resp. stereotypov, ktorý priamo súvisí s tradíciou literárnej výchovy.

Model ruskej krásnej literatúry vo vzdelávacom systéme sa formuje predovšetkým podľa štátom stanovených hlavných cieľov vzdelávania a cieľov literárnej výchovy. V prezentovanom chronologickom usporiadaní svetovej literatúry (VP 1997) sa objavuje zámer podobný situácii na knižnom trhu revidovať minulosť ruskej literatúry, čo súvisí s obnovením predtým zakázaných autorov a ich diel a, naopak, s vytlačením väčšiny diel socialistického realizmu z oblasti literatúry. V obsahu VP 2009 a VP 2015 je badaateľný vplyv ekonomických záujmov na vzdelávací systém, ktorý štát chápe ako dôležitú súčasť hospodárskeho rastu. Toto chápanie vzdelávania viedlo aj k transformácii cieľov, štruktúry a obsahu literárneho vzdelávania. Dôraz na formovanie kompetencií nakoniec viedol k odmietnutiu definovania literárneho kánonu vo vzdelávacom systéme (VP 2015). Napriek tomu nové učebné pomôcky na vyučovanie literatúry stále musia pracovať s určitou sumou textov; vytvárajú určitý model národných literatúr.

Ak v oblasti vzdelávania môžeme hovoriť o relatívnej stabilite, tak na knižnom trhu je model určitej národnej literatúry oveľa viac ovplyvnený módnymi trendmi (vkus čitateľov, stratégia vydavateľov atď.). Súčasný model ruskej literatúry (jej vzdelávací a vydavateľský kánon) len čiastočne odráža vedecký výskum. Ako konštatuje Petr Onufer, „o akademických časopisech a nakladateľstvích u nás, stejně jako v celosvětovém kontextu, platí, že jejich fungování je primárně určeno jaksí pro vlastní potřebu; že jsou především komunikačními kanály akademické obce, které si k širšímu (třebas i poučenému) publiku jen těžko hledají cestu“ (Onufer 2018, s. 14)

Ako sa bude ďalej transformovať kánon ruskej literatúry v systéme stredoškolského vzdelávania, zatiaľ nie je známe. Rovnako sa nedá predpovedať, či sa prejaví súčasný proces revízie ruskej literatúry, ktorý intenzívne prebieha v médiách a v kultúrnej politike. Určitú predstavu môže poskytnúť knižný trh, ktorý je stále otvorenejší vonkajším impulzom a napovedá o snahe k otvorenosti k doteraz marginalizovaným, resp. prehliadaným národným literatúram.

Zoznam použitej literatúry

- BEDNÁROVÁ, Katarína. *Rukoväť dejín prekladu na Slovensku II. (Situácia slovenského umeleckého prekladu v 20. storočí*. Bratislava: Univerzita Komenského, 2015. 66 s. ISBN 978-80-223-3837-0
- BOURDIEU, Pierre. *Pravidla umění. Vznik a struktura literárního pole*. Praha: Host, 2010. 496 s. ISBN 978-80-7294-364-7
- JANOUSEK, Pavel. *Černá kočka aneb subjekt znalce v myšlení o literatuře a jeho komunikační strategie*. Praha: Academia. 2012. 279 s. ISBN 978-80-200-2128-1.

- KAŠČÁK, O., PUPALA, B. *Škola zlatých golierov. Vzdelávanie v ére neoliberalizmu*. Praha: Sociologické nakladateľstvá (SLON), 2012. 208 s. ISBN 978-80-7419-113-8
- KUSÁ, Mária., LESŇÁKOVÁ, Soňa., MALITI, Eva., PAŠTEKOVÁ, Soňa. *Ruská literatúra v slovenskej kultúre v rokoch 1825 – 2015*. Bratislava: Veda, Vydavateľstvo SAV, 2017. 264 s. ISBN 978-80-224-1556-9
- LISSMANN, Konrad Paul. *Hodina duchů. Praxe nevzdělanosti. Polemický spis*. Praha: Academia, 2015. 133 s. ISBN: 978-80-200-2530-2
- ONUŠER, Petr. *Obtížná balanc: ke kánonu anglofonních literatur v českém kontextu*. Praha: Univerzita Karlova. Nakladatelství Karolinum, 2019. 206 s. ISBN 978-80-246-4098-3
- SCHMIDT, Siegfried. *Přesahování literatury. Od literární vědy k mediální kulturní vědě*. Praha: Ústav pro českou literaturu AV ČR, 2008. 127 s. ISBN 978-80-85778-59-5
- Slovenský jazyk a literatúra*. [online]. [cit. 2023-17-11]. Dostupné na: http://www.statpedu.sk/files/articles/dokumenty/inovovany-statny-vzdelavaci-program/sjl_pv_2014.pdf
- Správa o knižnom trhu 2017*: [online]. [cit. 2024-03-03]. Dostupné na: https://zvks.sk/wp-content/uploads/2018/11/Knizny-trh_2017.pdf
- SUCHICH, Igor Nikolajevič. Russkij literaturnyj kanon XX veka storočia. Vozniknovenije i funkciji. In *Bulletin Rossijskoj christianskoj gumanitarnej akademiji*. SPb: Rossijskaja christianskaja gumanitarnaja akademija. Zväzok 17, 2016. č. 3. s. 329 – 336.
- Štátny vzdelávací program. Slovenský jazyk a literatúra (vzdelávacia oblasť: Jazyk a komunikácia)*. Príloha ISCED 3A, Bratislava 2009: [online]. [cit. 2023-23-12]. Dostupné na: http://www.statpedu.sk/files/articles/dokumenty/statny-vzdelavaci-program/slovensky_jazyk_a_literatura_isced3.pdf
- Učebné osnovy gymnázia. Slovenský jazyk a literatúra 1. – 4. ročník*. / Bratislava: Slovenské pedagogické nakladateľstvo, 1986, 148 s.
- Učebné osnovy gymnázia. Slovenský jazyk a literatúra, štvorročné štúdium. Povinný vyučovací predmet*, 1997 [online]. [cit. 2020-18-03]. Dostupné na: http://olostiak.webz.cz/lucia/UO_G4.pdf
- Vydavateľstvo Kalligram*: [online]. [cit. 2020-15-02]. Dostupné na: <https://www.litcentrum.sk/rozhovor/vydavatelstvo-kalligram>

Martin Lizoň

Mgr., PhD.

Katedra slovanských jazykov

Filozofická fakulta, Univerzita Mateja Bela v Banskej Bystrici

Tajovského 40, 97401 Banská Bystrica, Slovensko

Department of Slavic Languages

Faculty of Arts, Matej Bel University in Banska Bystrica

Tajovskeho 40, 97401 Banska Bystrica, Slovakia

E-mail: martin.lizon@umb.sk

ORCID ID: 0000-0001-7285-007X

Osobitosti psychologického štýlu I. S. Turgeneva v Poľovníkových zápiskoch a M. J. Saltykova-Ščedrina v Obrázkoch z gubernie

Anton Repoň

Katedra slovanských jazykov, Filozofická fakulta, Univerzita Mateja Bela v Banskej Bystrici
Banská Bystrica, Slovensko

Anotácia: V našom článku sa zameriame na osobitosti psychologického štýlu v nami skúmaných dielach *Poľovníkove zápisky I. S. Turgeneva a Obrázky z gubernie M. J. Saltykova-Ščedrina*. Analyzované literárne diela označujeme ako cykly, ktoré zároveň spájajú v sebe rôzne «записки», «сценки», «картинки с натуры», «повести», «отрывки из писем». Literárne práce jasne nadväzujú na tradíciu cestovných zápiskov: na prvom mieste v nich figuruje a do popredia sa dostáva sám autor – pozorovateľ a svedok udalostí. Všade sa objavuje ako splnomocnený zástupca svojho národa, ako ruský človek a jeho cestovateľské zážitky sú orientované na konkrétneho adresáta – súčasného ruského čitateľa. Analýzou psychologických postupov chceme dokázať, že portrétné detaily a podrobné charakteristiky v *Poľovníkových zápiskoch* I. S. Turgeneva poukazujú na tzv. „nepriamy psychologizmus“, ktorý je úzko spojený s absenciou vševedúceho autora a s potrebou zaradiť do cyklu rozprávača-poľovníka a potvrdiť hypotézu, že jedinečnosť psychologizmu u Saltykova-Ščedrina spočíva v doslovnom alebo čiastočnom opise rodiaceho sa vnútorného života človeka, ktorý sa odpútava od vplyvu „starých čias“, ale napriek tomu sa od nich ešte úplne neoslobodil.

Kľúčové slová: I. S. Turgenev, M. J. Saltykov-Ščedrin, Poľovníkove zápisky, Obrázky z gubernie, cyklus, portrétna črta, psychologizmus, staré časy

Characteristics of the psychological style of I. S. Turgenev in Hunter's sketches and m. Y. Saltykov-shchedrin in Provincial sketches

Annotation: In our article, we will focus on the peculiarities of the psychological style in the works examined by I. S. Turgenev's Hunter's Sketches and M. Y. Saltykov-Shchedrin's Provincial Sketches. We refer to the analyzed literary works as cycles, which at the same time combine various «записки», «сценки», «картинки с натуры», «повести», «отрывки из писем». Literary works clearly follow the tradition of travel notes: the author himself – an observer and witness of events – figures in the first place and comes to the fore. He appears everywhere as an authorized representative of his nation, as a Russian person, and his travel experiences are oriented towards a specific addressee – the contemporary Russian reader. By analyzing psychological procedures, we want to prove that the portrait details and detailed characteristics in I. S. Turgenev's Hunter's Sketches point to the so-called "indirect psychologism", which is closely connected with the absence of an omniscient author and with the need to include the narrator-hunter in the cycle and next to confirm the hypothesis that the uniqueness of Saltykov-Shchedrin's psychologism lies in the literal or partial description of the nascent inner life of a person who detaches himself from the influence "of old times", but still he has not completely freed himself from them.

Key words: I. S. Turgenev, M. J. Saltykov-Shchedrin, Hunter's Sketches, Provincial Sketches, cycle, portrait feature, psychologism, old times

Ivan Sergejevič Turgenev (1818 – 1883) bol veľikán ruskej literatúry, ktorý obohatil pokladnicu svetovej kultúry o vynikajúce umelecké diela, populárne v celom kultúrnom svete. (Antoš, 1980) Z pohľadu literárneho kritika Dobroľubova, Turgenev bol úspešný preto, že vedel okamžite zareagovať na každú šľachetnú myšlienku a čestný cit, hneď ako začínal prenikať do vedomia najlepších ľudí. Zároveň dodáva, že k úspechu mu pomohlo aj samotné literárne nadanie. „*Nie búrlivá, prudká sila, ale naopak mäkkosť a akási poetická umiernenosť sú charakteristickými črtami jeho nadania*“ (Dobroľubov, 1963, s. 104).

Kniha *Polovníkove zápisky* vznikala v období rozkvetu tzv. naturálnej školy. Išlo o umelecký prúd v rámci ruskej literatúry, ktorého cieľom bolo na základe realizmu a demokratizmu čo najvernejšie zobrazit' podmienky života vtedajšej spoločnosti v Rusku, predovšetkým sociálne najnižších vrstiev obyvateľstva. Predstavitelia naturálnej školy svoj záujem orientovali predovšetkým na opis osudov prostých ľudí žijúcich vo veľkomeste. Na podnet svojho zakladateľa literárneho kritika V. G. Belinského sa začali venovať aj dedinskej tematike a zobrazeniu nevoľníkov, ich materiálneho nedostatku i obrovského duševného bohatstva.

Keď v roku 1852 vyšli *Polovníkove zápisky*, „*ukázalo sa, že nejde len o ďalší zväzok v tom čase obľúbených poľovníckych záznamov a príhod, ale o zásadne nový pohľad na ruskú skutočnosť, o nové štádium v ruskej i európskej literatúre s dedinskou tematikou. Tých dvadsaťdva (od vydania z roku 1880 dvadsaťpäť) prozaických miniatúr totiž takmer hneď zatienilo mnohorravnú sentimentalitu väčšiny doterajších próz z tejto oblasti, od základu pretvorilo, v básnický skutok prepodstatnilo svoj pôvodný žáner – fyziologickú črtu ruskej naturálnej školy, predovšetkým dedinskú črtu, ako ju pred Turgenevom a paralelne s ním pestovali hlavne Daľ, Aksakov a Grigorovič*“ (Parolek; Honzík, 1977, s. 279).

Kniha predstavovala začiatok spisovateľovej slávy nielen v Rusku, ale aj za jeho hranicami. Turgenev sa prejavil ako pozorovateľ ľudskej povahy, milovník prírody, spoločensky a kultúrne rozhladený človek, majster lyrizmu, psychológ disponujúci schopnosťou preniknúť pod povrch zobrazovaných charakterov. Vytvoril dielo, ktoré možno pokladať za encyklopédiu vtedajšieho života. V *Polovníkových zápisoch* cítiť autorovo vlastenectvo a niet pochyb, že ich tvorcom je umelec, ktorý hlboko precítil lásku k ruskej prírode, ruskému sedliakovi, a ruskému ľudu.

Polovníkove zápisky, ktorých značná časť vznikla mimo Ruska, sa v Rusku stretli s mimoriadne živou odozvou. Vrelo ju uvítali protifeudálne ladené a umelecké kruhy, v konzervatívnom a vládnom tábore vyvolali naopak nevôľu, boli nepochybne i hlavným dôvodom, prečo bol Turgenev po uverejnení nekrológu za Gogol'a v roku 1852 na krátky čas

uväznený a potom na necelé dva roky poslaný pod policajný dozor do svojej dediny (Parolek; Honzík, 1977, s. 280 – 281).

Michail Jevgrafovič Saltykov-Ščedrin (1826 – 1889) sa zapísal do dejín ruskej literatúry a do zápasov za lepšiu budúcnosť svojho národa mnohorakou činnosťou. Saltykov-Ščedrin je vedľa Nekrasova posledným veľkým spisovateľom ruskej revolučnej demokracie. Jeho poreformná próza znamená po Gogolovi druhý vrchol ruskej satiry. A nielen ruskej.

Keby bola zriadená galéria najvýznamnejších svetových satirikov, jeho busta by stála vedľa rozosmiateho Rabelaisa, sarkastického Swifta, neúprosneho a duchaplného Voltaire a samozrejme Gogola s bolestnými a utrápenými očami, ktorému sa podarilo to, k čomu sa Puškin takmer dopracoval, tzn. *„vykresliť malosť života, popísať s takou silou obyčajnosť obyčajného človeka, aby všetka ta malosť, ktorá uniká pohľadu, udrela do očí“* (Grossman, 1961, s. 12).

Literárne dedičstvo Saltykova-Ščedrína sa dostávalo k ruskému čitateľovi oveľa ťažšie a komplikovanejšie ako dedičstvo iných ruských realistov. Takmer každé dielo tohto veľkého prozaika, satirika, revolučného demokrata postihla cárska cenzúra. Veľkú časť z toho, čo napísal, mu vzali a nebola publikovaná. Až po Októbri 1917 sovietski literárni vedci uskutočnili fundamentálne práce s cieľom zozbierať a publikovať dovtedy neznáme spisovateľove texty.

Obrázky z gubernie Saltykova-Ščedrína boli písané prakticky jedným dychom (1856 – 1858) pod vplyvom osemročného vyhnanstva vo Viatke. Provinčný život bol výbornou spisovateľskou školou. Saltykov-Ščedrin rok pred dokončením práce v jednom zo svojich listov píše: *«Да, провинциальная жизнь – великая школа, но школа очень грязная, и я отдал бы половину всей моей остальной жизни, чтобы хоть этой ценою откупиться от этой школы, полной клеветы и оскорблений»* (Saltykov-Ščedrin, 1996, s. 127). Ďalej pokračuje: *«Но Вятка имела на меня и благотворное влияние: она меня сблизила с действительной жизнью и дала много материалов для «Губернских очерков»* (Tamtiež, s. 312).

Provinciálny život opisuje Saltykov-Ščedrin presne, detailne. Čitateľ spoznáva všetky stupne krajinských úradníkov zobrazovaného obdobia: od nižších úradníkov, pracujúcich v okresnom zapadákov, až po najvyšších predstavených v gubernii „hodnostárov, vysokopostavených generálov“ – generála Golubovického a kniežat'a Čebylkina. V práci nachádzame nové typy predstaviteľov predreformných obchodníkov, kupcov, a Saltykov-Ščedrin vykreslil úplnú bezmocnosť ľudí, najmä roľníctva, dennodenne trpiaceho brutálnym zneužívaním, lúpežami a násilím.

Analyzované literárne diela označujeme ako cykly, ktoré zároveň spájajú v sebe rôzne «записки», «сценки», «картинки с натуры», «повести», «отрывки из писем». Literárne práce jasne nadväzujú na tradíciu cestovných zápiskov: na prvom mieste v nich figuruje a do popredia sa dostáva sám autor, ktorý vedie čitateľa; je to autor – pozorovateľ a svedok udalostí. Všade sa autor objavuje ako splnomocnený zástupca svojho národa, ako ruský človek a jeho cestovateľské zážitky sú orientované na konkrétneho adresáta – súčasného ruského čitateľa.

V našom článku sa zameriame na osobitosti psychologického štýlu v nami skúmaných dielach. Chceme upozorniť na prácu L. I. Sarbaša, v ktorej venuje pozornosť psychologizácii rozprávania Turgeneva: «Психологически герои «закрыты» для повествователя, их характер обрисовывается лишь внешне» (Sarbaš, 1993, s. 5).

Takmer v každej postave z *Poľovníkových zápiskov* dominuje portrétna a spoločenská charakteristika, bez ohľadu na to, či ide o roľníkov, sedliakov alebo statkárov. Pozrime sa na Sťopušku z *Malinovej vody*: „*Sťopuška raz sedí pod plotom a redkvičku obhrýza, mrkvu cmúľa alebo špinavú hlávku kapusty pod seba drobí... Tvár má maličkú, očka žlté, vlasy až po obrvy, nožtek končitý, uši velikánske, priesvitné ako netopier, brada vyzerá, akoby si ju bol pred dvoma týždňami oholil, ale nikdy nie je väčšia ani menšia*“ (Turgenev, 1977, s. 234).

Z podrobného opisu hlavného hrdinu je možné urobiť si záver o jeho spôsobe života, túžbach a ambíciách. Portrétné detaily každého hrdinu poskytujú najpodstatnejšie informácie o jeho charakterových vlastnostiach, ktoré sa potom dopĺňajú jeho správaním alebo skutkami. Napríklad pri opise portrétna a vystupovaní Jakova, nazývaného Turek, všetko hovorí o jeho vnímavej a vášnivej povahe; v opise Ozembucha nachádzame otravu, lumpa, táraja; v opise Lukerji zasa človeka síce slabého, ale vnútorne silného. Takýmto spôsobom Turgenev modeluje svoje postavy, pričom hlavnú úlohu zohráva opisný štýl.

L. N. Sarbaš tvrdí, že «статичность и определенную заготовленность характера», потому что «повествование от лица рассказчика ограничивает изображение его углом видения; психологическое состояние героев, их внутренний мир приоткрывается настолько, насколько это позволяют возможности восприятия охотника, наблюдающего события, присутствующих при различных ситуациях» (Sarbaš 1993, s. 6). V tejto súvislosti S. E. Šatalov hovorí o tzv. «косвенном психологизме» (s týmto termínom súhlasíme), pretože «психологический анализ в «Записках охотника» сильно стеснен отсутствием «всеведущего» автора и необходимостью вводить все входящее в цикл через восприятие охотника-повествователя» (Šatalov, 1976, s. 183).

Psychologická analýza sa v cykle prezentuje predovšetkým ako vecné, vonkajšie vyjadrenie jednotlivých procesov vnútorného života cez mimiku, gestá a portrétnu galériu.

S „jemným“ psychologizmom Turgenev ukazuje svoje postavy vo vzťahu s prírodou. Keď hovoríme o funkcii prírody v zobrazení psychológie hrdinov, použijeme termín „paleta“, S. E. Šatalova. *«Палитра писателя – это не тональность, не ритмоинтонационное богатство повествования или его эмоционально-экспрессивный диапазон, это в полном смысле подобие палитры живописца – цвета краски, переливы света и тени, доступные писателю с помощью определенного круга словесно-речевых средств, воспроизводимые им в своем творчестве»* (Šatalov, 1969, s. 49).

Turgenevovskí hrdinovia nie sú zobrazení len na pozadí prírody, ale sú pokračovaním prírodných živlov. Ľudský život v *Pol'ovníkových zápiskoch* je nemysliteľný a nepredstaviteľný bez prírody. Príroda má vplyv na spôsob života postáv. Takže z hry svetla a tieňa brezového hája vzniká Akulina; Odľud sa objaví vo svetle blesku a hromu; za súmraku noci, medzi dvomi svetlami, vidíme chlapcov, ktorí strážia stádo.

Rozmanité farebné odtiene ako zvláštne vyjadrenie psychologických obrazov hrajú dôležitú úlohu pri tvorbe estetického vzťahu k predmetu, pri odhaľovaní jeho povahy a pri celkovom hodnotení zobrazovanej skutočnosti. Napríklad v príbehu *Schôdzka* prevláda v prírode žlté, zlaté a purpurové listie briez a osík; v *Živej múmii* prevláda žltá, zlatá raž; v *Bežinej lúke* zase bledofialová, modravá, neurčitá ako dym v ružových kúdloch, tmavočervená žiara. Farebné odtiene možno nájsť takmer v každej črte.

Turgenev opisuje rozľahlé priestory ruskej prírody: lesy, sady, lúky, kríky a stepi. Opis lesa sa nachádza aj v črte *Smrť*. Bol to les Ardaliona Michajloviča, ktorý potichu začali vyrubovať. Faktom je, že predtým v tomto lese stáli dve – tri stovky obrovských dubov a jaseňov, že *«раскидывали шатром свои широкие узловатые сучья <...>, ястреба, кобчики, пустельги со свистом носились над неподвижными верхушками..., в траве, около высоких муравейников, под легкой тенью красивых вырезных листьев папоротника, цвели фиалки и ландыши, росли сыроежки, волжанки, грузди, дубовики, красные мухоморы»* (Turgenev, 1963 – 68, T. IV., s. 213).

Teraz duby a jasene vyschli a pokryla ich zoschnutá zeleň a mach. Táto črta tiež obsahuje filozofické zamyslenie nad zmenou starodávnych čias a prechod ľudí do novej etapy. Príroda doplatila na chyby človeka: mladý háj znovu vyrástol, ale nezmenilo sa myslenie ľudí.

Podľa slov J. V. Lebedeva «*Пейзаж Тургенева подобен катализатору, усиливающему образотворческую реакцию, бесконечно ускоряющему и усложняющему игру художественных переключек в цикле*» (Lebedev, 1977, s. 63).

V *Pol'ovníkových zápiskoch* Turgeneva dosahuje „nepriamy psychologizmus“ svoj vrchol v opisoch prírody a vo vonkajšom vyjadrení vnútorného života hlavných hrdinov pomocou mimiky a gest.

Našu pozornosť priťahuje aj psychologický spôsob modelovania života a postáv Saltykova-Ščedrina, ktorý v porovnaní s jeho ideologickými princípmi a východiskami stále zostáva jedným z najmenej prepracovaných. Psychologizmus spisovateľa si však zasluguje osobitnú pozornosť, najmä pokiaľ ide o jeho morálny a etický pátos.

V literárnej vede sa o Saltykovi-Ščedrinovi opakovane tvrdí, že je ťažké pochopiť zložitú ščedrinovského chápania jednotlivca. J. I. Pokusajev v práci «*Революционная сатира Салтыкова-Щедрина*» vyjadril myšlienku, že autor «*Губернских очерков*» *соединил в произведении нравственную проповедь с обличением среды*» (Pokusajev 1973, s. 325). Domnievame sa, že literárny kritik diela Saltykova-Ščedrina nepodáva jasnú psychologickú analýzu *Obrázkov z gubernie*, ale prevláda u neho záujem o pomerne časté otázky týkajúce sa poetiky: krajina, jazyková a opisná charakteristika hrdinov. Osobitosti satirického psychologizmu podrobne analyzuje práca S. G. Bočarova «*Психологический анализ в сатире*», venovaný románu Saltykova-Ščedrina *Páni Golovlevovci*. Známe sú tiež práce A. S. Bušmina a D. P. Nikolajeva, v ktorých analyzujú psychologizmus v neskorších prácach spisovateľa, ale najmä v *Pánoch Golovlevovcoch*. (Pozri: Бочаров С. Г. *Психологический анализ в сатире* // Эльсберг Л. Е. *Вопросы теории сатиры*. – М., 1957; Бушмин А. С. *Салтыков-Щедрин. Искусство сатиры*. – Л., 1970; Николаев Д. *Поэтика М. Е. Салтыкова-Щедрина*. – М., 1978)

Obrázky z gubernie sú satirickým dielom, preto diskusia o satirických a psychologických postupoch sa môže javiť ako problém. Psychologizmus ako spôsob zobrazenia charakteru človeka môže byť v protiklade so satirou. «*Сатирическое изображение изначально основывается на негативной авторской оценке. В этой оценке, в отрицающем и осуждающем пафосе – конструктивный исходный смысл*» (Svitel'skij, 1981, s. 39).

Vychádzajúc z prác spomínaných ruských literárnych vedcov – A. S. Bušmina, D. P. Nikolajeva, J. I. Pokusajeva, S. G. Bočarova sa domnievame, že psychologická analýza v satire umožňuje spraviť ďalšie kroky smerom k odhaleniu veľkého množstva rozmanitých možností satirických foriem, vrátane rozprávania. Samozrejme, hyperbola a groteska sú

kanonizované metódy satiry, ale psychologizmus je ďalšia metóda, ktorá môže podstatne zdôrazniť satirický podtext. «*Сатира чаще, чем несатирическое произведение, имеет дело с немногосложными, бедными внутренней жизнью, неразвивающимися характерами*» (Bušmin 1986, s. 68). Psychologizmus odhaľuje vnútorný svet človeka v jeho plnej nahote, v zrode myšlienok, spôsoboch konania. Avšak hlavný účel satiry ostáva: je to ostrý, útočný, uštipačný, bezohľadný výsmech, útok vtipom, výsmechom, iróniou na chyby ľudí a na spoločenské nedostatky, popierajúci a zosmiešňujúci tie životné pudy a inštinky, ktoré vládnu nad človekom.

Prvý pokus psychologickéj analýzy ukázal Saltykov-Ščedrin vo svojich poviedkach *Rozpory* a *Zamotaný prípad*, v ktorých veľmi ostro poukazuje na nepotrebnosť jedinca v sociálne nespravodlivej spoločnosti. V *Obrázkoch z gubernie* autor poukázal na vplyv „starých čias“ na človeka a na jeho miesto v živote Ruska. Aj napriek skutočnosti, že Černyševskij a Dobroľubov ho po prečítaní tejto práce nazvali umelcom-psychológom, nemôžeme o ňom hovoriť ako o umelcovi, ktorý by výrazne prenikol do psychológie ľudí. V 50. rokoch táto názorová situácia pretrváva, dokonca sa vyostruje.

Hrdinovia *Obrázkov z gubernie* nie sú ľudské charaktery, ale sociálne typy. Ľudské „ja“ je druhoradé, dominantný je systém, jeho nejednotnosť a nedostatočná, niekedy až nepochopiteľná logika života. Saltykov berie do úvahy skutočnosť, že v tejto neurčitej situácii (keď nový spoločenský systém ešte neexistuje, a starý nie je odstránený), človek je svoju činnosťou alebo nečinnosťou nejakým spôsobom zahrnutý do kolobehu tohto života. Z tohto zorného uhla má zmysel hovoriť o sociálno-psychologickej dominancii v *Obrázkoch z gubernie*, kde sa odohráva „odhalenie psychológie triedneho správania“ (Bušmin, 1987). Prostredie formuje a motivuje správanie človeka ako predstaviteľa určitej sociálnej a politickej skupiny.

Saltykov-Ščedrin mal v pláne zobrazit' presný, do detailov premyslený a výstižný obraz ľudskej psychológie, ktorý nachádzame v románoch Turgeneva, Tolstého a Dostojevského. «*У Толстого или Достоевского динамика оценки в романе строится или на столкновении-споре положительной оценки героя с объективным ходом изображения жизни, или на проблематичности самой оценки*» (Svitel'skij, 1981, s. 38). V *Obrázkoch z gubernie* nenachádzame ani jedno, ani druhé. Na prvé miesto zaraďujeme skupinovú psychológiu, ktorá závisí od sociálnych vzťahov a subjektívneho hodnotenia autora. «*Частичность и непохожесть щедринского психологизма не слабость, не изъян его художественной системы, а её конструктивная и эстетическая особенность*» (Svitel'skij, 1982, s. 51).

V *Obrázkoch z gubernie* Saltykov-Ščedrin neposkytuje rozsiahly a podrobný obraz vnútorného života jednotlivca. Jeho postavy sú prezentované v blokoch, napríklad v častiach *Moji známi*, *Pútnici a pocestní*, *Zamotané prípady*. Celý psychologický svet alebo psychologický priestor v diele môžeme rozdeliť do dvoch častí:

- 1) od *Starých čias* do časti *Dramatické scény a monológy*, kedy „staré časy“ v spojení so životným prostredím začínajú dožívať;
- 2) od časti *Sviatky*, keď na scénu prichádzajú teoretici-úradníci, tzv. nevydarené „nadané povahy“, ktorých ovláda vnútorná túžba nejako zmeniť spoločenskú situáciu, urobiť ju lepšou, ale stále prešľapujú na jednom mieste. Do života týchto úradníkov však hlboko zapustili korene „starých čias“ a tak sú neschopní zmeniť existujúci systém. Samozrejme, že v *Obrázkoch z gubernie* nachádzame zárodky vnútorného rastu hrdinov. Autor ich vykreslil v obrazoch Arinušky, Pachomovnej, kňažnej Anny Lvovny, Michajla Trofimyča. Takýto postupný vývoj nastáva u všetkých hrdinov, všetci pochádzajú zo spoločného koreňa „starých čias“. Všetky bloky sa zužujú do jedného spoločného psychologického uzla: stagnácie ľudského života.

Jednota sociálnych a morálnych kritérií je pevne spätá s hodnotovými definíciami obsiahnutými v cykle. To znamená, že psychologický obraz Porfirija Petroviča (*Porfirij Petrovič*) je poznačený duševnou zaostalosťou a prispôbovaním sa danej situácii a podmienkam života. Avšak jeho obraz môžeme analyzovať z pohľadu „čiasťočného“ psychologizmu. Našej pozornosti neunikne skutočnosť, že „ženích“ Anny Lvovny Techockij (*Kňažná Anna Lvovna*) pri plnení svojich služobných povinností nezneužíva svoje postavenie na dosiahnutie svojich osobných ambícií a nepodlízuje sa predstaviteľom vysokej spoločnosti. Hrdinovia v *Obrázkoch z gubernie* sa nepúšťajú do zložitých úvah a filozofovania, odmietajú byť účastníkmi sporov. Celé ich myslenie sa sústreďuje v zdvihnutí prsta, tak ako u mešťanostu Želvakova (*Neprijemná návšteva*); zbytočný a nevhodný obdiv niekoho; výkriky typu „*Anna Lvovna potrebuje muža*“ alebo „*To sú ... kone, prosím!*“ Nedostatok uvažovania je charakteristický rys obyčajného človeka, predstaviteľa strednej triedy. Výsledkom takejto „komunikácie“ je prehlbovanie psychologickéj izolácie, ktorá hovorí o duchovnej prázdnote každej z postáv.

Cieľom Saltykova-Ščedrina je odhaliť nové metódy sociálnej mimikry pružnejšie a zároveň jednoduchšie a dostupnejšie než kedykoľvek predtým, metódy sociálnej mimikry, čo na jednej strane znamená sebauspokojenie, a na druhej strane obyčajnú banálnu existenciu života, ktorá sa zlieva s bežnou každodennou idylou. Napríklad Nikolaj Fiodoryč (*Netrební*) je obchodník, ktorý sympatizuje s činnosťou Michajla Trofimyča, ale zároveň obdivuje

aktivity Porfirja Petroviča a Fejera. Alebo aj samotný Michajlo Trofimyč, ktorý by aj rád slúžil, ale tento systém ho prinúti zmieriť sa so svojim biednym postavením neschopného úradníka. Individuálne sa tu prekrýva so spoločenským, rozpútava sa boj medzi vonkajšími vplyvmi a vnútornými charakteristikami. Ak sú hrdinovia vnútorne stabilní a konzistentní (*Starec, Arinuška, Pachomovna*), potom sú zrejme odcudzení okolitému prostrediu.

V opisovaných duševných stavoch Saltykov-Ščedrin sleduje dve protichodné, avšak navzájom súvisiace tendencie: vývoj extrémne negatívnych psychologických prejavov a postojov (Michajlo Trofimyč, *Nafúkanci*, časť *Nadané povahy*) a obyčajnosť a priemernosť v osobných ambíciách (napríklad vnútorne odcudzené povahy Želvakova, Fejera, kniežaťa Leva Michajloviča). V záverečných obrazoch sa prejavuje prehnaný vplyv stádového inštinktu v človeku. Pre ľudské stádo je charakteristická tendencia k stagnujúcej existencii, čo vedie k pasívnej evolúcii vedomia, pomalému plynutiu času. Tento stav človeka nemá nič spoločné s uvedomelým morálnym vzoprením sa proti súčasnému stavu života v spoločnosti.

V *Obrázkoch z gubernie* Saltykova-psychológa zmysluplná stránka života priamo súvisí so sociálnym modelom spoločnosti. Originalita psychologizmu spisovateľa je uzavretá do čiastočného opisu rodiaceho sa nového vnútorného života, ktorý sa pomaly odpútava od vplyvu „starých čias“, ale napriek tomu sa ešte úplne od tohto spôsobu života neoslobodil.

Zistenia

Analýza psychologických postupov v porovnávaných prácach spisovateľov ukázala, že portrétné detaily a podrobné charakteristiky v *Polovníkových zápiskoch* poukazujú na tzv. „nepriamy psychologizmus“ (S. J. Šatalov). „Nepriamy psychologizmus“ je úzko spojený s absenciou vševedúceho autora a s potrebou zaradiť do cyklu rozprávača-poľovníka, ktorého čitateľ vníma staticky. Rozprávanie rozprávača-poľovníka ohraničuje psychický stav postáv: ich vnútorný svet sa otvára do takej hĺbky, ako to dovoľia rozprávačské možnosti poľovníka a situácie, ktorých účastníkom je on sám. Autor-rozprávač umožňuje Turgenevovi akoby sa vzdialiť od toho, čo sa deje.

V *Obrázkoch z gubernie* Saltykova-Ščedrina citová stránka života priamo súvisí so sociálnym modelom spoločnosti. Dominantný je spoločenský systém, ľudské „ja“ zohráva druhotnú, vedľajšiu úlohu. Preto jedinečnosť psychologizmu u Saltykova-Ščedrina spočíva v doslovnom alebo čiastočnom opise rodiaceho sa vnútorného života človeka, ktorý sa odpútava od vplyvu „starých čias“, ale napriek tomu sa od nich ešte úplne neoslobodil.

Zoznam použitej literatúry

- ANTOŠ, M. *Ruská literatúra 19. storočia*. Bratislava: SPN, 1980.
- BUŠMIN, A. S. *Chudožestvennyj mir Saltykova-Ščedrina*. L.: Nauka, 1987, 365 s.
- DOBROLUBOV, N. A. *Sobranije sočinenij v 10-i tomach*. Moskva, 1963.
- GROSSMAN, L. *Sobranije sočinenij v 5-i tomach*. Moskva, 1961.
- LEBEDEV, J. V. „*Zapiski ochotnika*“ I. S. Turgeneva. M.: „Prosveščenijskij“, 1977, 133 s.
- PAROLEK, R. – HONZÍK, J. *Ruská klasická literatúra (1789-1917)*. 1. vyd. Svoboda, 1977, 629 s.
- Saltykov-Ščedrin M. J. v zerkale issledovatel'skich pristrastij. Tver: Izd-vo Tversk. gosun-ta, 1996, 273 s.
- SARBAŠ, L. N. *Tipologija povestvovanija v proze I. S. Turgeneva*. Čeboksary: Izd-vo Čuvaš. un-ta, 1993, 28 s.
- SVITEL'SKIJ, V. V. Principy avtorskoj ocenki i specifika psihologizma v romane M. J. Saltykova-Ščedrina „Gospoda Golovlevy“. In *Russkaja literatura 1870-1890 gg.* Sverdlovsk, 1982, s. 51 – 65.
- SVITEL'SKIJ, V. V. Osobennosti avtorskoj ocenki i žanrovaja struktura romana M. J. Saltykova-Ščedrina „Gospoda Golovlevy“. In *Russkaja literatura 1870-1890 gg.* Sverdlovsk, 1981, s. 39 – 58.
- ŠATALOV, S. J. *Chudožestvennyj mir I. S. Turgeneva*. M.: Nauka, 1979, 312 s.
- ŠATALOV, S. J. *Problema poetiki I. S. Turgeneva*. M.: „Prosveščenijskij“, 1969, 312 s.
- TURGENEV, I. S. *Hamlet a Don Quijote*. Bratislava: Tatran, 1977.
- TURGENEV, I. S. *Poln. sobr. soč. i pisem v 28-mich tomach*. M.-L.: Izd-vo AN ZSSR, 1963 – 1968.

Anton Repoň

Mgr., PhD.

Katedra slovanských jazykov

Filozofická fakulta, Univerzita Mateja Bela v Banskej Bystrici

Tajovského 40, 97401 Banská Bystrica, Slovensko

Department of Slavic Languages

Faculty of Arts, Matej Bel University in Banská Bystrica

Tajovskeho 40, 97401 Banská Bystrica, Slovakia

E-mail: Anton.Repon@umb.sk

ORCID ID: 0000-0002-6749-7766

Забытые продолжения русских пословиц и поговорок – утерянная мудрость

Андреа Спишьякова

Университет св. Кирилла и Мефодия в г. Трнава,
Словацкая Республика

Абстракт: В статье рассматриваются забытые продолжения русских паремий. Сегодня пословицы и поговорки часто употребляются в сокращенном виде. Таким образом, пословицы структурно преобразуются в поговорки или во фразеологизмы. С другой стороны, структурное изменение подразумевает изменение семантики этих единиц, утрату коннотаций и аксиологических элементов.

Ключевые слова: паремия, пословица, поговорка, продолжение, смысл.

Forgotten continuations of Russian proverbs and sayings – lost wisdom

Abstract: The article deals with the forgotten continuations of Russian paremias. Proverbs and sayings are often used in abbreviated form. Thus, proverbs are structurally transformed into proverbs or into phraseological units. On the other hand, structural change implies a change in the semantics of these units, loss of connotations and axiological elements.

Keywords: paremia, proverb, saying, continuation, meaning.

Статья публикуется при поддержке международного грантового проекта Erasmus+ KA220-HED № 2021-1-SK01-KA220-HED-000022917 «Иновация концепции и учебного плана программ докторантуры и повышение их эффективности» (The innovation of the concept and curriculum of doctoral study programs and increasing their effectiveness).

Введение

Фразеологический фонд, включающий пословицы и поговорки, по словам Н. Цингеровой и И. Дулебовой, является ценной культурной и духовной сокровищницей каждого народа, поскольку в образной форме отражает ключевые взгляды данной культуры на основе экзистенциальных концепций (жизнь и его смысл, счастье и несчастье, смерть, бог, любовь, работа), регламентирует идеальные способы поведения человека, отражает социальные отношения, характерные для данного лингвокультурного сообщества, характеризует основные человеческие качества и разные стороны человеческой жизни (Цингерова – Дулебова, 2017, с. 232).

Пословицы и поговорки являются основными паремиологическими единицами, «...именно они выполняют функцию “правоучения” и могут претендовать на статус выразителей “народной мудрости”» (Алефиренко, 2009, с. 243). Более того, они являются одним из способов стереотипизации явлений действительности и жизненного опыта (Гаярски, 2018, с. 44). О. Ермачкова называет паремиологию философией о жизни (Ермачкова, 2019, с. 101).

М. А. Шолохов во вступительном слове к двухтомному изданию сборника В. И. Даля «Пословицы русского народа» писал: «...может быть, ни в одной из форм языкового творчества народа с такой силой и так многогранно не проявляется его ум, так кристаллически не отлагается его национальная история, общественный строй, быт, мировоззрение, как в пословицах» (Даль, 1989, с. 3).

Целью настоящей статьи является анализ русских пословиц и поговорок, продолжение которых утерялось во временном потоке. Второстепенной целью является рассуждение о возможных причинах данного явления и прогноз паремиологических изменений в зеркале современных тенденций.

Достаточно спорным вопросом является разграничение пословиц и поговорок. Целью настоящей статьи не является рассуждение о лингвистическом статусе паремий, но так как будем демонстрировать переход единиц из одной категории в другую, считаем важным кратко осветить существенные различия двух основных паремиологических единиц – пословиц и поговорок, которые различаются и по структуре, и по семантике.

Структура пословиц характеризуется законченностью, они имеют строение предложения, а «поговорка не всегда облекается в форму предложения» (Тарланов, 1999, с. 36). Справедливо, что В. П. Жуков указывает также на возможность упразднения термина «поговорка», как аналога фразеологизма (Алефиренко – Семененко, 2009, с. 247). Еще одним важным отличительным признаком пословицы является её семантическая двуплановость. «Одна речь не пословица»: как всякая притча, полная пословица состоит из двух частей: из обиняка, картины, общего суждения и из приложения, толкования, поучения» (Даль, 1989, с. 14). Таким образом, пословицы представляют собой скорее сюжетную композицию. Поговорки – краткие высказывания, метко описывающие разные стороны жизни. Им, как правило, не присущ воспитательный характер. Особо актуальным будет данное разграничение при рассмотрении забытых продолжений паремий, поскольку оно наглядно покажет всю динамику между пословицами, поговорками и фразеологизмами.

Не каждый носитель русского языка знает, что у многих русских пословиц и поговорок есть продолжение, которое уходит корнями в прошлое. Употребляя в своей речи общеизвестные паремии, мы их часто не договариваем до конца. Поскольку паремии являются важной частью фоновых знаний, то предполагаем, что паремия известна всем носителям языка. Многие единицы настолько узнаваемы, что вторая их половина не договаривается достаточно давно. Но новые поколения, никогда не слышавшие полную версию, могут полагать, что вся мудрость скрывается в короткой первой части, не подозревая, что в наследство получили лишь половину. Причем «кастрация» пословиц и поговорок иногда ведет к структурно-семантическим изменениям. Много пословиц время укоротило до поговорок или фразеологизмов. Порой это привело и к полному изменению их общего смысла или потере послания.

Тут стоит отметить один момент. Работая с паремиологией, неизбежно сталкиваемся с бесконечным количеством вариантов. Паремиологический фонд русского языка чрезвычайно богат, и не в наших силах рассмотреть все варианты конкретных паремий в пределах одной статьи. Все паремии, анализируемые в данной статье, взяты из словарей, список которых приводится в конце статьи. Источник не указывается в каждом конкретном случае для экономии места.

Анализ и обсуждение

Итак, на основе проведенного анализа можно разделить «обрезанные» пословицы и поговорки на две группы. Первая группа представляет собой совокупность единиц, в которых забытое продолжение принципиально не меняет значение пословиц и поговорок, а только уточняет, усиливает смысл народной мудрости в них. В таком случае имеем дело с так называемой семантической конденсацией. Общий смысл при усечении второй части сосредотачивается в оставшейся части, насыщая ее (Алефиренко – Семененко, 2009, с. 288). Семантически «пустые элементы», конечно, обладают дополнительными коннотациями, юмором, разнообразием, но поскольку не влияют на общее значение, со временем пропускаются согласно принципу языковой экономии. В результате пословица формально переходит в разряд поговорок. Сам В. И. Даль отметил, что в таком случае пословицу почти не отличишь от поговорки (Даль, 1989, с. 14).

Таких единиц мы обнаружили несколько. Во всех можно почувствовать некую недоговоренность, однако большинство носителей русского языка уже не может

воспроизвести полную форму. В качестве примера можно привести поговорку *Голод не тетка* известную всем. Голод – плохой, поэтому человек, испытывающий голод, готов иногда поступиться своими принципами. Развернутая часть (*Голод не тетка, пирожка не подсунет/поднесет*) не затрагивает область значения первой части, а конкретизирует ее образ. Можно найти еще следующие варианты паремии: *Голод не тетка, а брюхо не лукошко*, которая гласит о проблеме переедания; *Голод не тетка – мороз не брат*; *Голод не тетка, душа – не сосед* и многие другие.

И следующий пример поговорки: *По Сеньке шапка* образует несколько вариантов (*по дыре заплатка/по Еремке колпак/по черту клобук/по ездоку лошадка, а по рожке и кукель*), но все они практически не влияют на ее общий смысл.

Укороченная поговорка *Рука руку моет* также использовалась в развернутой форме. В. И. Даль зафиксировал четыре варианта данной единицы: *Рука руку моет, вор вора кроет/ и обе белы живут/ а плут плута покроет/ Дружлива рука с рукавичкой*.

Приведем больше примеров паремий, не меняющих значение: *Утро вечера мудренее, жена мужа удалее; Вынь, да положи, хоть роди, да подай; Мал золотник, да дорог, велика Федора, да дура; Молодые дерутся – тешатся, старые дерутся – бесятся; Ни кола, ни двора, ни куриного пера, а веревки точеные; Береги честь смолоду, а здоровье под старость; Бабушка (еще) надвое сказала, либо дождик, либо снег, либо будет, либо нет; У страха глаза велики, да ничего не видят*.

Пословицы и поговорки, отнесенные ко второй группе, более кардинально меняют свой смысл за счет добавления утраченной части. В таком случае можно в некоторых примерах говорить о «деструкции исходного образа», о его «искажении», что влечет за собой и потерю суждения, и заключения, содержащихся во второй части исходной пословицы. Терминологически такое опущение превращает пословицы в поговорки. Во второй части таких паремий указываются «...неожиданные следствия, пояснения и т. п., «аннулирующие» все, сказанное в первой части» (Вознесенская, 2011, с. 694). В проанализированных нами примерах развернутая часть является более экспрессивной и назидательной. Докажем это на нескольких примерах.

У поговорки *На чужой каравай рот не разевай* продолжение трансформирует ее прагматический аспект. Ведь исходная пословица *На чужой каравай рот не разевай, а пораньше вставай да свой затевай* является не столько запретом, сколько конкретной инструкцией, вдохновляет на новые затеи, побуждает к действию.

В некоторых поговорках и сегодня чувствуется доля иронии, которая раскрывается только в забытых продолжениях: *Два сапога – пара, да оба на левую*

ногу. Прочитав окончания, становится понятным, почему пословица буквально пропитана иронией. Такие единицы строятся на основе приема парадокса: ироничный смысл, заключенный в первой части, может быть понятен лишь по прочтении второй части (Алефиренко – Семененко, 2009, с. 262).

Смысл поговорки *Кто старое помянет – тому глаз вон* призывает нас не вспоминать прошлые обиды, но ее продолжение также содержит определенную мудрость: *Кто старое помянет – тому глаз вон, а кто забудет – тому оба*. Таким образом, исходная пословица гласит, что не следует забывать то, что было в прошлом. Мы действительно можем многому научиться из прошлых ссор, обид, совершенных ошибок, и забыть все – значит отказаться от накопленного опыта.

Забывтое продолжение до сих пор оставило свой отпечаток и на выражении *Ума палата*. Его иронический тон восходит к исходным формам поговорки: *Ума палата, да ключ от нее потерян; Ума палата, да разума маловато; Ума палата, а спина горбата*. Паремия всё-таки сохранила свою эмоциональную окраску.

Поговорку *Рыбак рыбака видит издалека* сейчас понимаем так, что люди с похожими интересами, вероятно, найдут и общий язык, но и эта поговорка имеет неожиданное и по смыслу противоположное продолжение: *Рыбак рыбака видит издалека, потому стороной и обходит*.

Поговорка *Чудеса в решете* в силу утерянного продолжения имеет сейчас шутовское значение. В русском языке употребляется для обозначения чего-либо удивительного и необычного. Коннотация резко меняется, когда вспомним полную форму: *Чудеса в решете: дыр много, а выскочить некуда*.

Еще один пример поговорки, которая сейчас используется в качестве утешения: *Бедность – не порок*. Продолжения, которые находим в словарях пословиц, имеют другой смысл: *Бедность – не порок, а большое свинство; Бедность не порок, а вдвое хуже; Бедность – не порок, а большое несчастье*.

Следующие примеры можно отнести к «неудобным правдам», которые возможно народ не хотел себе припоминать, что в последствии могло привести к их забвению (либо частичному, либо полному), напр. *Истина в вине, а здоровье в воде*.

Следующая поговорка наглядно показывает, насколько поверхностным в плане смысла может стать сокращение народной мудрости. *Пьяному море по колено* гласит об излишней храбрости в состоянии алкогольного опьянения. Узнав продолжение, *Пьяному море по колено, а лужа по уши*, можно осознать истинный смысл, чем чревато

опьянение. Благодаря ему ни о каком двойном прочтении паремии не может быть и речи.

Существует слой единиц, которые путем переосмысления и забвения морали в другой части изменили значение в лучшую сторону. Напр. фразеологизм *Собаку съест* сейчас означает опытного человека, мастера своего дела, но стоит вспомнить первоначальную формулировку *Собаку съел, да хвостом подавился*, обнаруживаем совсем другой образ и смысл.

Можно привести еще одну пословицу, которая сохранила глубокий смысл и в сокращенном виде: *Век живи, век учись*. Действительно, сколько мы живем, столько и учимся, но, прочитав эту пословицу в полном виде, мы обнаруживаем, что мудрость лежит в другом направлении: *Век живи, век учись (а умри дураком)*. Сколько бы мы ни учились, сколько бы ни развивались, мы никогда не сможем постичь все тайны жизни и нашего существования.

Заключение

Паремиология является живым жанром, который постоянно обновляется, «додумывается», «досоздается» (Алефиренко – Семененко, 2009, с. 294). Становится очевидным, что паремиология кардинально меняется и по структуре, и по значению.

Пословицы и поговорки не являются законсервированным слоем фразеологического богатства. Наш язык со временем упрощается, естественно, что данный принцип обнаруживается и у паремий. Идет процесс экономии, т.е. сокращения и за счет утерянной мудрости. Наблюдается постоянное движение на оси пословица-поговорка-фразеологизм. «Поговорки – это мост, переход от фразеологизмов к пословицам (Верещагин – Костомаров, 1976, с. 163). Пословицы переходят в поговорки или фразеологизмы, поскольку сокращается их структура, теряется продолжение, суждение, в котором и заключается назидательный посыл. Таким образом, грань между пословицами и поговорками стала еще более размытой.

Итак, наш краткий анализ выявил следующие закономерности. Большинство укороченных паремий не меняют свое значение кардинально. Забытые продолжения всегда конкретизируют общее значение паремий, уточняют их, делают более прозрачными. Если у «кастрированных» паремий возникает двойное прочтение смысла, то продолжение исключает его. Анализ позволил определить источник иронии, ощущаемой в некоторых единицах.

Наш анализ также выявил, что смысл усеченных поговорок по сравнению с исходными пословицами более поверхностный, теряется глубина. То есть отсутствует вывод, суждение, поучительная часть.

В зеркале современных фразеологических тенденций можно смело предположить, что процесс сокращения и переход пословиц в поговорки будет продолжаться. На это, безусловно, повлияет и активная тенденция трансформирования фразеологизмов, т.е. намеренное изменение семантики и/или структуры с целью повышения экспрессии, языковой игры и т.п.

В сфере паремиологии говорим о так называемых антипословицах, которые являются особой актуализацией паремиологических единиц, «выполняют особый «социальный заказ» и потому уже почти всегда действительно «осовременивают» шаблонизированные многолетним (а часто и многовековым) употреблением паремий» (Вальтер – Мокиенко, 2005, с. 13). Проблема заключается в том, что антипословицы не всегда представляют собой креативную модификацию, но и, скажем так, деформацию исходных единиц, их поучения, о чем пишет напр. и Т. Григорянова (2012). В качестве примера можем привести уже достаточно известные антипословицы: *Не в деньгах счастье, а в бабках; Чем дальше в лес, тем больше интерес; Язык до киллера доведёт; Первый сын – комом.*

Именно поэтому важно трансформировать паремии умеренно, использовать их и в первоначальном виде, вспоминать полные версии, тем самым сохранять мудрость, которая в них скрыта.

Литература

- АЛЕФИРЕНКО, Николай Федорович и Наталия Николаевна СЕМЕНЕНКО. *Фразеология и паремиология*. Учебное пособие. Москва: Флинта, 2009. – 344 с. ISBN 978-5-9765-0838-5.
- ВАЛЬТЕР, Харри и Валерий Михайлович МОКИЕНКО. *Антипословицы русского народа*. Санкт-Петербург: Издательский Дом Нева, 2005. 578 с. ISBN 5-7654-4001-0.
- ВЕРЕЩАГИН, Евгений Михайлович и Виталий Григорьевич КОСТОМАРОВ. *Язык и культура. Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного*. М.: Русский язык, 1976. – 248 с.
- ВОЗНЕСЕНСКАЯ, Мария Марковна. Энантисемия в русской фразеологии. In: *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог»* (Бекасово, 25-29 мая 2011 г.). Вып. 10 (17). – М.: Изд-во РГГУ, 2011. 812 с. 689-69.

- ГАЯРСКИ, Лукаш. Образ женщины как гендерный стереотип в русских и словацких паремиях. In: *Определение картины мира в русском языке, культуре и литературе*. Brno: Tribun EU. 2018. с. 43-47. ISBN 978-80-263-1402-8.
- ЕРМАЧКОВА, Ольга. Духовные ценности в русской и словацкой паремиологических картинах мира. In: *Межкультурная коммуникация и мировая политика. Современные проблемы*. Белгород: НИУ «БелГУ», 2019. с. 100-102. ISBN 978-5-9571-2772-7.
- ТАРЛАНОВ, Замир Курбанович. *Русские пословицы: синтаксис и поэтика*. Петрозаводск: ПГУ, 1999. 448 с. ISBN 5-8021-0037-0.
- DULEBOVÁ, Irina a Nina CINGEROVÁ. *Ruské lingvoreálie*. Vysokoškolská učebnica. Bratislava: Univerzita Komenského, 2017. 267 s. ISBN 978-80-223-4431-9.
- GRIGORJANOVÁ, Tatjana. Frazeologické inovácie ako odraz duchovného sveta súčasného človeka (na materiáli ruských a slovenských prísloví a porekadiel). In: *Vzdelávanie – kultúra – duchovnosť: od homo loquens k homo spiritualis*. Prešov: CUBE consulting, 2012. s. 151 – 157. ISBN 978-80-89519-01-9.

Словари

- БИРИХ, Александр Карлович и кол. *Русская фразеология. Историко-этимологический словарь*. Санкт-Петербург: Фолио-Пресс, 1998. 704 с. ISBN 5-288-02132-5.
- ДАЛЬ, Владимир Иванович. *Пословицы русского народа. Сборник В. Даля*. В 2-х т. Т. 1. Москва: Художественная литература, 1989. 431 с.
- ЖУКОВ, Влас Платонович. *Словарь русских пословиц и поговорок*. Москва: Русский язык. 1991, 535 с. ISBN 5-200-01106-X.
- ЗИМИН, Валентин Ильич и кол. *Русские пословицы и поговорки. Учебный словарь*. Москва: Школа-пресс, 1994. 320 с. ISBN 5-88527-068-6.
- ЛУБЕНСКАЯ, Софья Иосифовна. *Русско-английский фразеологический словарь*. М.: Языки русской культуры, 1997. 1017 с. ISBN 5-7859-0007-6.
- МОКИЕНКО, Валерий Михайлович и кол. *Большой словарь русских пословиц. Около 70 000 единиц*. Москва: Олма Медиа Групп, 2010. ISBN 978-5-373-03250-6.
- МОКИЕНКО, Валерий Михайлович и Татьяна Геннадьевна НИКИТИНА. *Большой словарь русских пословиц. Более 40 000 образных выражений*. Москва: Олма Медиа Групп, 2007. 783 с. ISBN 978-5-373-01386-4.
- МОЛОТКОВ, Александр Иванович и кол. *Фразеологический словарь русского языка*. Под ред. А. И. Молоткова. М.: Русский язык, 1986. 543 с.

Андреа Спишьякова

к. ф. н., магистр/ senior lecturer

Филологический факультет Университета св. Кирилла и Мефодия в Трнаве

Кафедра русистики Nám. Herdu 577/2, 917 01 Trnava, Slovenská republika

Faculty of Arts of University of Ss. Cyril and Methodius in Trnava

Department of Russian Studies, Nám. Herdu 577/2, 917 01 Trnava, Slovak Republic

E-mail: andrea.spisiakova@ucm.sk

ORCID ID: 0000-0001-7041-1436

Zobrazenie ženských hrdiniek v dielach A. P. Čechova ako kritika spoločenského pokrytectva

Marianna Figedyová

Univerzita sv. Cyrila a Metoda v Trnave, Slovensko

Abstrakt: Článok je venovaný literárnej analýze dvoch nesúrodých literárnych hrdiniek Antona Pavloviča Čechova, Oľgy Semionovny a Sussany Moisejovny z poviedok *Душечка* (Dušička) a *Тина* (Tina). Jeho cieľom je zamyslieť sa nad literárnym odkazom Čechova smerom k súvekej spoločnosti, pričom pozornosť nezameriavame len na ženské literárne hrdinky, ale aj na to, ako ich prijíma ich okolie.

КРúčové slová: А.Р. Чехов, *Душечка*, *Тина*, ženské hrdinky.

Изображение женских героинь в произведениях А. П. Чехова как критика общественного лицемерия

Аннотация: Статья посвящена литературоведческому анализу двух несхожих литературных героинь Антона Павловича Чехова – Ольги Семионовны и Суссаны Моисеевны из рассказов «Душечка» и «Тина». Цель статьи – осмысление литературного наследия Чехова в отношении современного общества. В центре внимания не только литературные героини, но и то, как их воспринимает окружение.

Ключевые слова: А.П. Чехов, *Душечка*, *Тина*, женские героини.

Если твой поступок огорчает кого-нибудь, то это еще не значит, что он дурач.

А.П. Чехов, Соседи

Úvod

Anton Pavlovič Čechov patrí medzi predstaviteľov ruskej kultúry, ktorí si svojou umeleckou činnosťou pripravili stále miesto v literárnych dejinách. Aj stodvadsať rokov od smrti autora pretrváva záujem o jeho tvorbu, vychádzajú nové reedície poviedkovej tvorby (v ruštine i v prekladoch), drámy Čechova sa pravidelne uvádzajú na svetových javiskách. Úlohou nášho článku je zamyslieť sa, v čom spočíva sila autorovej výpovede, ktorá je schopná nájsť si svojho recipienta v novej spoločnosti a v novom prostredí. Ako predmet našej analýzy sme si zvolili dve poviedky, zobrazujúce zhodne hlavnú ženskú protagonistku a jej prostredie *Душечка* 1898, *Тина* 1886. Čechov sám vo svojej tvorbe ponúka množstvo charakteristík a typológií žien. Takmer všetky sú humoristické, za všetky spomenieme len: *Жены артистов* 1880, *Бабы* 1891, *Мои жены* 1886, *Руководство для желающих жениться: Секретно* 1885. Rovnako, ako literárnokritická odozva na zobrazenie ženských

hrdiniek, vzniklo množstvo typológií postáv, my sa však v predkladanom článku zameriame na koexistenciu hrdiniek so svojim prostredím a mieru ich prijatia – neprijatia v spoločnosti. Na analýzu sme si zvolili dve poviedky, ktoré napísal autor s odstupom dvanástich rokov a vykresľujú diametrálne odlišné ženské predstaviteľky. Poviedka *Душечка* patrí medzi často analyzované, za všetky traktáty spomenieme prácu A.P. Kuzičevovej (2000). Naopak dielo *Тина* je takmer bez odozvy, napriek tomu, že poskytuje mimoriadne zaujímavý výskumný materiál.

Všeobecnú popularitu Čechovovej poviedky *Душечка* potvrdzuje i ten fakt, že správanie hlavnej protagonistky uvádza ako príklad kolaborácie V. I. Lenin v kritike *Милая социал-демократическая душечка!* Príčinu popularity diel A.P. Čechova vidí L. Sjaoja následne: В своих произведениях Чехов использует простые сюжеты и в основном сосредотачивается на мелочах жизни, изображает жизнь русского общества своей эпохи. Произведения автора отмечены глубоким пониманием человеческого бытия. S uvedeným súhlasíme, no radi by sme podotkli, že každodenné situácie, z ktorých vyplývajú i zlyhania zobrazovaných protagonistov sú vykresľované bez moralizátorstva a výsmech, ktorý v nich vidíme, je viac kritikou spoločnosti, ako jednotlivca.

Analýza

Časozberná poviedka *Душечка* sleduje osudy Oľgy Semionovny Plemjannikovej a jej mužov v priebehu deviatich rokov. Z nášho hľadiska je zaujímavé zobrazenie stagnácie hlavnej protagonistky, načrtnutie nevyužitých možností jej realizácie a v neposlednom rade bezvýhradné spoločenské prijatie jej spôsobu života.

Poviedka z nudného života ženy v provinciálnom mestečku vyvoláva vo svojich nuansách úsmev. Skutočnou obeťou osudu nie sú nebožtíci – dvaja manželia a jeden z dnešného pohľadu partner hlavnej hrdinky, ale sama Oľga Semionovna, ktorá vôbec nežila. Jej najhlbší vnútorný pocit, krajná osamelosť v medziobdobiach jej partnerských vzťahov, pripomína istým spôsobom údel hrdinu diela *Человек в пuzdre* – Belikova, gymnaziálneho učiteľa gréčtiny, ktorý vidí jediný možný spôsob života v tom, že dodržiava všetky pravidlá spoločnosti až do krajnej absurdnosti. Oľga Semionovna je schopná existovať len po boku inej osoby.

Ľahkú humornú atmosféru príbehu v jeho začiatku autor vyvoláva obrazom Kukina, budúceho prvého manžela Oľgy – Dušičky, ktorý si prenajíma ubytovanie v dome Plemjannikových. Ako sa čitateľ dozvedá, akoby z letných informácií hneď na úvod, Oľga je

dcérou oblastného posudzovateľa – audítora, tu ešte výraznejšie vnímame jej nedostatok, neschopnosť vytvoriť si vlastný názor, úsudok k akejkoľvek udalosti, človeku, predmetu či situácii. Oľga Semionovna sa narodila v dome svojho otca, ktorý bol jej bezvýhradným majetkom, všetci jej partneri automaticky prijali život pod jej strechou. V poviedke nebol ani náznak finančnej závislosti hlavnej hrdinky od svojich manželov. Zato autor čiastočne so žiaľom, čiastočne s humorom zobrazuje absolútnu mentálnu závislosť Oľgy Semionovny od svojich partnerov, ktorá sa v zrelom veku zmení na závislosť od dieťaťa – syna posledného partnera. Čechov v úvode poviedky odhaľuje Oľginu závislosť na zaľúbení sa. *Она постоянно любила кого-нибудь и не могла без этого.* Oľga Semionovna, akoby nedospela, nevyrástla z gymnaziálnych rokov a stále bola odkázaná na vzdušné zámky, v ktorých si predstavovala svojich hrdinov. I tu si však môžeme všimnúť istý nesúlad medzi stálym zaľúbením sa a láskou. Otec Oľgy Semionovny, pôvodca jej majetku, postavenia a blahobytu je v diele spomenutý lakonicky len dva razy: *Раньше она любила своего папашу, который теперь сидел больной, в темной комнате, в кресле, и тяжело дышал;* a následne sa čitateľ dozvedá po Oľginých dvoch manželstvách a takmer siedmich rokoch, že otec zomrel: *Отец давно уже умер, и кресло его валялось на чердаке, запыленное, без одной ножки.* V tomto kontexte sa môžeme zamyslieť nad úprimnosťou dcérinej lásky, ktorá akoby bez známok najmenej citovej zaangažovanosti opúšťala svoje predchádzajúce svety. Akonáhle sa Oľga vydala za miestneho organizátora divadelného života, stala sa neoddeliteľnou súčasťou tohto sveta, pravda len do manželovej smrti. *И она уже говорила своим знакомым, что самое замечательное, самое важное и нужное на свете — это театр... Актеры любили ее и называли «мы с Ваничкой» и «душечкой»; она жалела их и давала им понемножку взаймы, и если, случалось, ее обманывали, то она только потихоньку плакала, но мужу не жаловалась.* Anton Pavlovič čitateľovi na výrazne ohraničenom priestore predstavil hlavnú hrdinku, nie len ako bytosť závislú na cudzom názore, ale zároveň aj vplývajúcu istou láskavosťou a dobrodušnosťou, pri ktorej je nemožné rozoznať, či sa jedná o naivitu, alebo veľkorysosť. A je obrazom celej spoločnosti, v našom prípade zastúpenej divadelnou skupinou, či Oľgu Semionovnu budú vnímať ako prínosný element, alebo sa ju budú snažiť oklamať. Predmetom skrytého smiechu je i samotná informácia o predstavení, ktoré odmietlo nevzdelané publikum. *Но разве публика понимает это? ...«Фауст наизнанку», и почти все ложи были пустые, а если бы мы с Ваничкой поставили какую-нибудь пошлость, то, поверьте, театр был бы битком набит. Фауст наизнанку –* Faust naruby (opera buffa, 1869), alebo *Маленький Фауст* je operetným dielom Florimonda Rongera, francúzskeho operetného skladateľa, známeho pod umeleckým menom Hervé.

Z uvedeného vyplýva, že tento Faust bol určený na ľahké pobavenie a Olinka, manželka uvádzača, nie celkom chápala poslanie operety pre divadelnú a hudobnú obec.

Moment ľahkej irónie prináša nesúlad medzi reálnym zobrazením Kukina a tým, ako ho vnímala jeho manželka. *Он был мал ростом, тощ, с желтым лицом, с зачесанными височками, говорил жидким тенорком...* Ešte väčšiu hyperbolizáciu nerealistického vnímania manžela zachytáva autor v čase jeho choroby. *Кукин худел и желтел и жаловался на страшные убытки... Какой ты у меня славенький! — говорила она совершенно искренно, приглаживая ему волосы. — Какой ты у меня хорошенький!* Manželkina oddanosť ignoruje príznaky choroby a skomolený telegram o smrti Kukina len duplikuje neschopnosť, alebo nevôľu Oľgy Semionovny vidieť realitu života. *Так и было напечатано в телеграмме «хохороны» и какое-то еще непонятное слово «сючала».*

V momente smrti prvého manžela Kukina nastáva v živote Oľgy Semionovny zvrät, tak ako sa v okamihu svadby stala milovníčkou, ochrankyňou a organizátorkou divadelného života v svojom meste, s príchodom smrti manžela prestáva pre ňu divadlo existovať. Namiesto toho sa objavuje páľčivá otázka, odhaľujúca myšlienkové pochody mladej vdovy. *На кого ты покинул свою бедную Оленьку, бедную, несчастную?..*

O tri mesiace začína nová éra v živote Oľgy Semionovny, pri prvej príležitosti sa zaľúbila do Vasilija Andrejeviča Pustovalova, obchodníka s drevom. S jemnou ironizáciou Čechov opisuje krásy a pokoj kupeckého života, ktorý je vykresľovaný v dodržiavaní náboženských tradícií, ustáleným chodom pracovných povinností a podčiarknutý domácou stravou. Pri prečítaní týchto riadkov, nemožno nevidieť zhodu literárneho obrazu, vytvoreného Čechovom s neskoršou známou olejomaľbou Borisa Michajloviča Kustodieva *Купчиха за чаем* (1918) – *Obchodníčka pri čaji*, ktorá sa traktuje ako príklad šťastného života kupeckej spoločnosti. Čechov i Kustodiev kladú akcent na prácu (zobrazenie továrne), náboženstvo (zobrazenie chrámu) a rodinné šťastie (stôl plný dobrôt a samovar). Šesťročné šťastie Oľgy a Vasilija Andrejeviča však rovnako ukončí predčasná smrť manžela. Ešte pri živote druhého manžela sa Oľga Semionovna zblízuje s veterinárom Smirninom, ktorý žije u nej v prístavbe, ako voľakedy býval Kukin. Aj so svojim druhým manželom ľutujú Smirnina, vojenského veterinára s nevydareným manželstvom. Po rýchlej a neočakávanej smrti Pustovalova, Smirnin automaticky zaujme jeho miesto vedľa Oľgy, ktorá v žiali za svojim druhým manželom zopakuje svoju lamentáciu: *На кого же ты меня покинул, голубчик мой? — рыдала она...* Vzťah do ktorého vstúpila Oľga Semionovna s veterinárom sa v ich komunite nejavil ako všeobecne prijateľný, ale podľa krátkeho autorského komentára, pre Dušičku platili iné mierky. *Было ясно, что она не могла прожить без привязанности*

и одного года и нашла свое новое счастье у себя во флигеле. Другую бы осудили за это, но об Оленьке никто не мог подумать дурно, и всё было так понятно в ее жизни. Takto je zavŕšená trojica mužov, po boku ktorých Olinka našla a opäť stratila svoje šťastie. V tejto poviedke Čechov pracuje s gradáciou a opakovaním čísiel tri, šesť, deväť v rôznych situáciách, prepočítava čas strávený v manželstve, čas v samote.

Z hľadiska obohacovania a rastu hlavnej ženskej literárnej postavy je pre jej vývoj príznačné, že prežité skúsenosti v nej nezanechali žiadne návyky. Oľga Semionovna, dcéra kontrolóra, zažila v priebehu siedmich rokov množstvo podnetných pracovných príležitostí. Pri Kukinovi zastávala celý rad pomocných prác pri divadle, pri Pustovalovovi sa stala skúsenou pracovníčkou v sklade s drevom, pri Smirninovi sa dozvedela mnoho zaujímavého o zdraví a stave zvierat. No žiaden návyk z týchto rozmanitých činností nevedela vykonávať samostatne. Akonáhle stratila manžela/partnera, bola akoby mentálne paralyzovaná a neschopná akejkoľvek myšlienky, či skutku. Príbeh Oľgy Semionovny pokračuje v pripútaní sa k synovi Smirnina a v snívaní o jeho úspešnej budúcnosti, no neustále žije v strachu, že príde o jediný zmysel svojho života.

Protikladom Oľgy Semionovy z poviedky Dušička je Sussana Moisejovna z poviedky Тина. Poručík Alexander Grigorjevič Sokol'ský v snahe zhromaždiť si dostatočnú sumu peňazí, na kauciu pre armádu v prípade svojej zamýšľanej ženby prichádza do domu Sussany Rotštejn, dedičky liehovaru. Jeho bezstarostnosť korešponduje s krásou letného čistého dňa, ktorý ho obklopuje. Poručík očakával rýchle vyplatenie zmenky, stretáva sa však s la femme fatale. Pri príchode je rozhodnutý vysporiadať sa s obchodom rýchlo a nestrácať čas. Prostredie, v ktorom sa nachádza, je preňho mäťúce: *в просторной квадратной комнате, где с первого же шага его поразило изобилие цветущих растений и сладковатый, густой до отвращения запах жасмина. Цветы шпалерами тянулись вдоль стен, заслоняя окна, свешивались с потолка, вились по углам, так что комната походила больше на оранжерею, чем на жилое помещение.*

*Простите, пожалуйста, что я вас здесь принимаю! — услышал поручик сочный женский голос, не без приятности картавящий звук р ráčkovanie, ako príznak židovského dialektu, nie je poručíkovi nepríjemné. Obraz, s ktorým sa stretáva, nevzbudzuje u Alexandra Grigorjeviča okamžitú náklonnosť. Mnoho vecí, drobností, i vôňa v dome rodiny Rotštejn mu je nepríjemná, no nemôže ho opustiť. Sussana Moisejovna je zahalená tajomstvom, istú formu príťažlivosti vytvára to, čo je skryté a nie to, čo by bolo odhalené: *в большом стариковском кресле, откинувши голову назад на подушку, сидела женщина в дорогом китайском илафроке и с укутанной головой. Из-за вязаного шерстяного**

платка виден был только бледный длинный нос с острым кончиком и маленькой горбинкой да один большой черный глаз. Просторный шлафрок скрывал ее рост и формы, но по белой красивой руке, по голосу, по носу и глазу ей можно было дать не больше 26—28 лет.

Sussana Moisejovna sa z počiatku nijako nesnaží lichotiť poručíkovi, prirovnáva ho k veci: *я не люблю, если передо мной стоит что-нибудь большое, má vlastné názory, ktoré nezodpovedajú ženským hrdinkám v ruskej literatúre na konci devätnásteho storočia. Не понимаю, что за охота у людей жениться! — сказала она, ища вокруг себя носовой платок. — Жизнь так коротка, так мало свободы, а они еще связывают себя. ... как это порядочный человек может жить с женщиной?* Poručík Alexander Grigorjevič nazval v duchu Sussanu Moisejovnu ženofóbkou. Postupne však jeho sympatie k tejto neznámej žene s vyhranenými ostrými názormi vzrastali. V okamihu predania peňazí z rúk továrničky, obchodníčky sa však udial nečakaný obrat. Bez akéhokolvek upozornenia sa Sussana Moisejovna zmocnila Alexandrovej zmenky, pred jeho očami ho okradla. V takejto krajnej vyhrotenej situácii sa poručík cítil bezbranný, no aj tak nepochopil, že práve stratil nie len peniaze, ale zároveň sa stal i Sussaninym vazalom. Nebol schopný odísť a chytil sa do jej jazmínovej pasce. *Но вот раскрылась дверь и на пороге появилась она сама, стройная, в длинном черном платье, с сильно затянутой, точно выточенной талией. Теперь уж поручик видел не только нос и глаза, но и белое худощавое лицо, черную кудрявую, как барашек, голову. Она не понравилась ему, хотя и не показалась некрасивой. Вообще к нерусским лицам он питал предубеждение, а тут к тому же нашел, что к черным кудряшкам и густым бровям хозяйки очень не шло белое лицо, своею белизною напоминавшее ему почему-то приторный жасминный запах, что уши и нос были поразительно бледны, как мертвые или вылитые из прозрачного воска. Улыбнувшись, она вместе с зубами показала бледные десны, что тоже ему не понравилось.*

Rovnaký scenár sa opakoval aj v prípade Sokol'ského bratranca Krjukova, v snahe znovunadobudnúť peniaze, ktoré nehanebne ukradla veriteľka zmenky, stratil svoj pokoj a zostal v jej osídlach. Pre Krjukova je šokujúci obraz, ktorý vidí pri nečakanej návšteve Sussaninho domu. Hľadal v ňom rozptýlenie, myslel si, že život bude plynúť podľa jeho prianí. Bolo preňho nepríjemné a ponížujúce stretnúť v dome Sussany Moisejovny významných činiteľov svojho mesta a pochopiť, že všetci prítomní muži podľahli hre miestnej femme fatale, najbolestivejšia bola pravda o poručíkovi Sokol'skom, ktorý nebol schopný odísť a zostal napriek svojej plánovanej ženbe, napriek svojim vojenským povinnostiam, v dome odporne páchnucom jazmínom. Povedka je rámcovaná dvoma

obrazmi polapených tvorov, pri príchode poručíka do Sussaninho domu – do jej spálne, vidí množstvo rôznorodých vtákov, ktorí sú naoko voľní – bez kliebok, ale aj tak uväznení v záplave zelene v priestoroch domu. Rovnaký obraz sa ponúka v závere príbehu, keď statkár Krjukov vidí množstvo vplyvných mužov z najvyšších kruhov v čudnom alkoholickom opojení v dome dedičov Rotštein, ktorí rovnako ako vtáci stratili svoju slobodu.

Záver

V závere analýzy dvoch ženských hrdiniek A.P. Čechova sa pokúsime odpovedať na otázku, čo spája a čo odlišuje *dušičku* od *femme fatale*. Podľa letného prečítania poviedky Dušička, Oľga Semionovna žije len životy svojich manželov, je však potrebné upriamiť našu pozornosť i na tú časť Čechovovej poviedky, v ktorej Oľga Semionovna vystupuje ako skúsená zvodkyňa, ona zväbila v šere letnej noci s odhaleným plecom svojho prvého manžela Kukina, dobrovoľne sa do troch dní vydala za Pustovalova a prijala život so ženatým Smirninom. Prestáhovala k sebe syna Smirnina. Tento proces je vždy opísaný ako veľmi prirodzený a priamočiary. Spoločnosť – pravoslávna spoločnosť – vníma Oľgu Semionovnu ako Dušičku, milú dobrú a srdečnú dievčinu, ženu, vdovu. Všetky jej prípadné nedostatky sú jej vopred odpustené. No možno ju vnímať i ako Sirénu, odhaľujúcu aj v príbehu Čechova, hornú polovicu svojho tela. Dolná – vtáčia polovica tela Sirény je nazvaná priamo Oľgou: *И в это время она сравнивала себя с курами, которые тоже всю ночь не спят и испытывают беспокойство, когда в курятнике нет петуха.*

Celý priestor Oľgy Semionovny je ohraničený jej domom a najbližším okolím. Pri podrobnejšom prečítaní príbehu si recipient uvedomuje, že práve Oľga Semionovna je majetná a vďaka jej hmotným statkom, domu s prístavbou, dvorom a záhradám umožňuje existenciu aj svojim manželom. V živote Oľgy Semionovny nastávajú momenty, kedy sa dokáže zmobilizovať, ale jej jediným cieľom je takmer nepostrehnuteľný, ale veľmi účinný lov na manželov.

Sussana Moisejovna je rovnako zvrchovaná vládkyňa svojho domu. Otvorene sa hlási k všeobecnej neznášanlivosti so ženami. Z jej výrokov vyplýva, že je racionálna, vzdelaná, scestovaná a bez akýchkoľvek ohľadov. Otcovu smrť vníma ako vykúpenie z jeho bolesti, ale aj úľavu pre ňu samotnú. Spoločnosti, ktorá ju odsudzuje pre jej pôvod a správanie nastavuje zrkadlo. Peniaze a zmenky sú len jednou časťou jej majetku, oveľa nebezpečnejšiu časť však tvorí nevysvetliteľná príťažlivosť nespočívajúca v kráse, ale v neuchopiteľnej provokácii. Podľa správania Alexandra Grigorjeviča a Krjukova možno usúdiť, že jej príťažlivosť sa skrýva v jej slobode, finančnej nezávislosti a sile rozhodovať o sebe i o osude druhých.

Spoločnosť však nemá pre správanie Sussany Moisejovny žiadne pochopenie a je persona non grata.

Svoj židovský pôvod, svoju identitu, využíva Sussana Moisejovna ako neviditeľnú zbraň v rozhovore s mladým poručíkom. Na jednej strane chce od neho počuť uistenie o svojej správnej ruskej výslovnosti. Na druhej strane uvádza svoju vlastnú kastáciu národností s ktorými sa stretla: *После евреев никого я так не люблю, как русских и французов. Я плохо училась в гимназии и истории не знаю, но мне кажется, что судьба земли находится в руках у этих двух народов.* Rovnakou mincou, nevyslovenou nadradenosťou vlastného etnika, v poviedke opláca Alexander Grigorjevič: *Теперь уж поручик видел не только нос и глаза, но и белое худощавое лицо, черную кудрявую, как барашек, голову. Она не понравилась ему, хотя и не показалась некрасивой. Вообще к нерусским лицам он питал предубеждение...*

Malomestská spoločnosť, ktorá blahosklonne aj so všetkými nedostatkami prijala Oľgu Semionovnu, nebola schopná prijať Sussanu Moisejovnu. Bariéry tvorili jej pôvod, schopnosť neskrývanej manipulácie s mužmi, ale najmä samostatnosť a nezávislosť mladej scestovanej dedičky liehovaru, ktorá z nej robila nekonvenčnú osobnosť.

Zoznam použitej literatúry

- КАТАЕВ В.Б. *Сложность простоты. Рассказы и пьесы Чехова.* М.: Изд-во МГУ, 2002. ISBN: 5-211-04565-3. 112 с.
- КУЗИЧЕВА, А. П. *Ваш А. Чехов.* М.: Согласие, 2000. ISBN: 5-86884-104-2. 388 с.
- ЛЕНИН, В.И. *Социал-демократическая душечка*, Полное собрание сочинений Том 11, dostupné na: <https://www.litres.ru/book/vladimir-lenin/polnoe-sobranie-sochineniy-tom-11-iul-oktyabr-1905-17083556/chitat-onlayn/>
- ЛОТМАН, Ю.М. *Беседы о русской культуре.* СПб. Искусство, 1994. ISBN: 5-210-01468-1. 398 с.
- СЕНДЕРОВИЧ, С. *Фигура сокрытия. Избранные работы,* М.: Языки славянской культуры, 2012. ISBN: 8-978-9551-0578-9. 606 с.
- СЯОЯ, Л. *Поэтика женских образов в прозе А.П. Чехова,* dostupné na: <https://expert-mik.ru/master/poetika-zhenskih-obrazov-v-proze-a-p-chehova/>

Marianna Figedyová

PaedDr., PhD.

Univerzita sv. Cyrila a Metoda v Trnave, Slovensko

Námestie Jozefa Herdu 577/2, 917 01 Trnava

E-mail: marianna.figedyova@ucm.sk

ORCID ID: 0000-0002-1221-6496

Osobitosť interpretácie Roxolany ako obrazu sveta v ukrajinskej a zahraničnej literatúre³⁸

Svitlana Olexandrivna Shekhavtsova

Univerzita Mateja Bela
Banská Bystrica, Slovensko

Victoria Igorivna Dmytrenko

Luhanská národná univerzita Tarasa Ševčenko
Poltava, Ukrajina

Anotácia: Článok sa zaoberá osobitosťou interpretácie Roksolany ako obrazu sveta v ukrajinskej a zahraničnej literatúre. Skúmajú sa osobitosti recepcie tohto obrazu v ukrajinskej a zahraničnej literatúre. Článok hlboko a komplexne analyzuje obraz Roksolany. Je dokázané, že vznik nových diel, ktoré predstavujú nové interpretácie obrazu Roksolany, svedčí o tom, že záujem o túto významnú ukrajinskú ženu rastie a každý spisovateľ individuálne vytvára obraz tejto historickej osobnosti.

Kľúčové slová: obraz sveta, Roksolana, interpretácia obrazu.

Originality of interpretation of Roxolana as a world image in Ukrainian and foreign literature

Annotation: The article examines the originality of the interpretation of Roksolana as a world image in Ukrainian and foreign literature. The peculiarities of the reception of this image in Ukrainian and foreign literature are studied. In the article the image of Roksolan has been analyzed deeply and systematically. It has been proven that the presence of new works, which have new interpretations of the image of Roksolana, indicates that interest in the outstanding Ukrainian woman is growing, and each writer creates the image of this historical figure in his own way.

Keywords: world image, Roksolana, interpretation of the image.

Historický obraz Roksolany sa stal známym po celom svete, takže v literatúre existuje množstvo umeleckých stvárnení jej osudu a osobnosti. Zoznam prác o tejto výnimočnej Ukrajinke sa neustále rozširuje. Roksolana ako historická postava sa stala známou po celom svete. Jej nekonvenčnosť, originalita, charizma priťahovali umelcov po mnoho storočí, takže v beletrii tento obraz nadobudol svetový význam. Túto skutočnosť potvrdzujú mnohé diela rôznych žánrov, ktoré napísali prozaici a dramatici: tragédia Gabriela Bunina "Sultánka",

³⁸ Funded by the EU NextGenerationEU through the Recovery and Resilience Plan for Slovakia under the project No. 09I03-03-V01-00148

tragédia Prospera Bonarelliho della Rovereho "Sulejman", ako aj romány o tejto neobyčajnej žene, ktoré vytvorili francúzski autori.

V 17. až 18. storočí, po smrti Roxolany, sa stáva hrdinkou diel nielen francúzskej, ale aj iných literatúr. Až v 19. storočí jej obraz upútal pozornosť ukrajinských spisovateľov. Medzi diela ukrajinských spisovateľov patrili: dráma "Roksolana" od G. Akimovyča, historický príbeh "Roksolana alebo Anastázia Lisovská" od M. Orlovského.

V západoeurópskej literatúre sa spisovatelia obracali k obrazu Roksolany ako jednoduchej slovanskej ženy, ktorá si dokázala podmaniť prísneho a neochvejného stúpenca islamu Sulejmana, ktorý nemilosrdne bojoval proti kresťanom a kresťanstvu. Bola považovaná za čarodejnicu, ktorá priťahovala sultána, čo bolo presným vysvetlením jej veľkého vplyvu na manžela a jeho činy. Takéto hodnotenia Roksolany slúžili ako základ pre vytvorenie rôznych umeleckých koncepcií jej obrazu v zahraničnej literatúre. Historik E. Kramar zdôraznil: "Kramár, 1984, s. 157): "Pri tom všetkom Roksolana nebola v srdci milovaná, bola nenávidená a všemožne hanobená, všade sa hovorilo o jej zradnosti. Tento postoj k slávnej osobe sa odzrkadlil v mnohých francúzskych dielach XVI-XVII. storočia, najmä u P. Bonarelliho, J. Mereho, J. Racina, kde je Roxolana vykreslená ako ctižiadostivá žena s ťažkým osudom.

Aj v kritickej literatúre sa obrazu slávnej Ukrajinky venuje veľká pozornosť. Jej obraz analyzovali mnohí literárni vedci, medzi nimi aj A. Dermendži vo svojej vedeckej práci "Rysy interpretácie postavy Roksolany v európskych, tureckých a ukrajinských prameňoch", ktorý uskutočnil dôkladné štúdium obrazu Roksolany na materiáli literárnych diel západoeurópskych, ukrajinských a tureckých autorov.

A. Dermendži rozlišuje tri varianty interpretácie obrazu Roksolany: západoeurópsky, ukrajinský a turecký. Podľa A. Dermendžiho "k formovaniu tradičnej zápletky a obrazu Roksolany v kontexte západoeurópskej literatúry došlo v dielach talianskych a francúzskych dramatikov XVI-XVII. storočia P. Bonarelliho, J. Mereho, d'Alibriho, J. Racina, kde sa objavuje obraz Roksolany ako ctižiadostivej ženy s tragickým osudom (Dermendži, 2006, s. 11). Treba poznamenať, že ukrajinská beletria vykresľuje tento obraz ako pozitívny, pretože sa tradične verí, že Roksolana je stelesnením cností ukrajinských žien, jeho najlepších charakterových vlastností, ako je ženskosť, prirodzená inteligencia, túžba po poznaní, vlastenectvo, starostlivosť atď. Takéto zobrazenie obrazu slávnej Ukrajinky prevláda v ukrajinskej literatúre.

Výskumníčka O. Červinská poznamenala, že "Roksolana ako tradičný historický znak sa objavila predovšetkým ako medzinárodný, a nie národný fenomén. Это одно из тех

немногочисленных исключений в процессе традиционализации образа исторической личности» (Червинская, 1992, с. 154).

V článku "Osud, obraz, symbol (Roxolana v literatúrach Európy)" autor predkladá prehľad diel ukrajinských a zahraničných spisovateľov, ktorí sa venovali obrazu veľkej sultánky, interpretovali jej obraz v súlade so svojimi predstavami. Bádatelka poznamenáva, že Roksolana žila v ťažkých podmienkach, takže musela neustále bojovať o svoju existenciu, ale nepodľahla osudu, ale postavila sa mu: "Aleksandra Lisovská sama čelila existenciálnej voľbe a dokázala prekonať osud, takže obraz Roksolany získava univerzálnosť a vďaka tomu stále znova priťahuje autorov nielen v rodnej krajine, ale aj v zahraničí" (Kramár, 1984, s. 51).

Západoeurópska literatúra teda zdôrazňuje vytvorenie obrazu Roksolany ako mocnej a despotickej ženy, intrigánky, ktorá mala prostredníctvom mágie veľký vplyv na svojho manžela-sultána. V ukrajinskej recepcii je obraz Roksolany stelesnením národných cností: krásna, slobodomyselná, bystrá, inteligentná, miluje svoju Ukrajinu, pomáha jej, starostlivá matka, múdra atď.

Obraz Roksolany je preto rozporuplný a nejednoznačný, takže pri čítaní diel o nej treba brať do úvahy skutočnosť, že neexistuje jednotné vnímanie obrazu tejto historickej postavy. Po analýze prameňov, v závislosti od národných tradícií a podľa vlastného videnia, každý autor zobrazuje tento obraz iným spôsobom, pridáva niečo vlastné, čo zdôrazňuje originalitu a jedinečnosť obrazu slávnej ukrajinskej ženy, ktorá je tradične stelesnením najlepších vlastností svojho národa, odráža vnútorný svet hrdinky a drámu jej osudu na pozadí ťažkej doby, v ktorej musela žiť.

Zoznam použitej literatúry

- DERMENDZHI, Omar. Transformácia zápletiiek a obrazov v beletrii (na materiáli diel o Roksolane): Kandidát filologických vied: Tarasa Ševčenka Kyjevská národná univerzita. Kyjev. 2005. 14 s.
- ČERVINSKAJA, Olga. Tradičná historická postava a jej funkcie v umeleckom texte. Poetika. Kyjev: Naučnaja mysl', 1992, s. 151-166.
- KRAMAR, Eugen. Slávny Ukrajinec na sultánovom dvore. Toronto; Baltimore: Ukrajinské vydavateľstvo V. Simonenka "Fakel", 1984, S. 137-163.

Шехавцова Светлана Александровна / Shekhavtsova Svitlana
Доктор педагогических наук, профессор / Doctor of Pedagogical Sciences, Professor
Univerzita Mateja Bela v Banskej Bystrici, Tajovského 40, 974 01 Banská Bystrica
Slovensko
Matej Bel University in Banska Bystrica, Tajovskeho 40, 97401 Banska Bystrica
Slovakia
E- mail: svitlana.shekhavtsova@umb.sk
ORCID ID: 0000-0001-8196-8977

Дмитренко Виктория Игоревна / Victoria Igorivna Dmytrenko
Доктор филологических наук, профессор / Doctor in Philology, Professor,
Директор образовательно-научного института филологии и журналистики
The Head of Educational and Research Institute of Philology and Journalism,
Государственное учреждение «Луганский национальный университет имени Тараса
Шевченко» Полтава, Украина
State Institution “Luhansk Taras Shevchenko National University” Poltava, Ukraine
E-mail: dmytrenko1811@gmail.com
ORCID ID: 0000-0001-8364-014X

Lexikálny význam karpaticizmu oštiepok v kontexte agroturizmu³⁹

Zuzana Slobodová

Prešovská univerzita v Prešove, Fakulta manažmentu, ekonomiky a obchodu
Katedra interkultúrnej komunikácie
Prešov, Slovenská republika

Abstrakt: Hlavným cieľom príspevku je podrobiť karpaticizmus *oštiepok* sémantickej analýze a určiť jeho pôvod – prostredníctvom domácich a zahraničných publikácií. Pri sémantickej analýze sme využili rozloženie na sémantické dištinkatívne príznaky: klasifikačné, identifikačné a špecifikačné. Analýzou sme zistili, že karpaticizmus *oštiepok* má praslovanský pôvod. Poznanie pôvodu a významových odtienkov karpaticizmu pomôže študentom v oblasti turizmu lepšie porozumieť našej kultúre a tradíciám.

Kľúčové slová: karpaticizmy, sémantická analýza, etymológia, medzijazykové kontakty, agroturizmus.

Lexical meaning of the Carpathianism *oštiepok* in the context of agrotourism

Abstract: The main aim of the paper is to subject Carpathianism *oštiepok* to a semantic analysis and to determine its origin – through domestic and foreign publications. In the semantic analysis we have used a decomposition into semantic disjunctive signs: classificatory, identifying and specifying. Through the analysis we found that the Carpathianism *oštiepok* has a Proto-Slavic origin. Knowledge of the origin and meaning shades of Carpathianism will help students in tourism to better understand our culture and traditions.

Keywords: Carpathianisms, semantic analysis, etymology, interlingual contacts, agrotourism.

Úvod

Oblasťou záujmu nášho príspevku je karpatský areál. Toto územie bolo odjakživa stretom rôznych kultúr, ktoré na seba vzájomne pôsobili. Nás zaujímajú predovšetkým jazykové kontakty, ktorým sa v karpatskom areáli venuje **lingvistická karpatólogia (karpatská jazykoveda)**. Najvýznamnejším dielom tejto jazykovednej disciplíny je **Celokarpatský dialektologický atlas (CKDA)**⁴⁰, v ktorom sú zaznamenané **karpaticizmy**. Sú to slová spojené s pastierstvom a salašníctvom rôzneho pôvodu. V našom príspevku sme si vybrali karpaticizmus *oštiepok*, ktorý podrobíme sémantickej analýze a budeme sa venovať aj

³⁹ Štúdia je súčasťou grantového projektu KEGA – Inovácia predmetu nemecký jazyk v rámci študijného programu Turizmus, hotelierstvo a kúpeľníctvo č. 001PU-4/2024.

⁴⁰ Pre atlas sa používajú 2 skratky: CKDA (Celokarpatský dialektologický atlas) – túto skratku využívajú hlavne slovenskí jazykovedci; skratka OKDA sa používa v slavistike a je odvodená od ruského názvu: Общекарпатский диалектологический атлас (Общекарпатский диалектологический атлас).

jeho pôvodu. Výsledky analýzy v našom príspevku poslúžia nielen jazykovej odbornej verejnosti, ale aj študentom študijného programu Turizmus, hotelierstvo a kúpeľníctvo na Fakulte manažmentu, ekonomiky a obchodu Prešovskej univerzity v Prešove ako užitočné rozširujúce informácie, ktoré môžu využiť vo svojej praxi.

Sémantická – komponentová – analýza

Lingvistika charakterizuje komponentovú analýzu ako sémantickú analýzu, ktorá sa venuje opisu príznakov rôznych predmetov, javov a pod. Jej podstatou je vyčlenenie sémantických komponentov, čiže **sém** (Mistrík 1993). Sému považujeme za základnú jednotku elementárneho zmyslu a nemožno ju už ďalej rozdeľovať.

V našom príspevku sme rozkladali lexikálny význam karpaticizmu na sémantické dištinkívne príznaky:

- **klasifikačné:** slúžia na zaradenie lexikálnej jednotky do všeobecných sémantických tried, napr. *podstatné meno, prídavné meno* a pod.,
- **identifikačné:** zaraďujú lexikálnu jednotku do mikrosystému, napr. *výrobok*,
- **špecifikačné:** detailnejšie kategorizujú jednotlivé semémy do príslušnej lexikálnej kategórie.

V našej sémantickej analýze karpaticizmu *oštiepok* sme vychádzali z Tolstého sémantickej analýzy, ktorú opísal V. Blanár (1976), pričom sme využili vymedzenie sémantických dištinkívnych príznakov na základe teórie J. Furdíka (1980).⁴¹

Sémantická štruktúra karpaticizmu *OšČIpEk*⁴² v Dotazníku CKDA

1. ovsený chlieb,
2. tvarované koláče z pareného syra,
3. chlieb, plochý chlieb z nekysnutého cesta;

poľ. – oszczypek, slov. – oštiepok, ukr. – ощипок, srb./chor. – уштипак (ОКДА. Вступительный выпуск 1987, s. 127, otázka č. 214).

⁴¹ Sémantickej analýze sa venovali aj títo bádatelia: E. Sekaninová (1980), I. Ripka (1983), N. V. Cvetkov (ЦВЕТКОВ) (1984), M. O. Malíková (1986), K. Buzássyová (1990), E. Nemcová (1990), M. Nábělková (1993), Z. Slobodová a I. Kozárová (2019), Z. Slobodová (2019, 2020, 2021, 2023) a i.

⁴² V Dotazníku CKDA sa v sémantických otázkach udáva tzv. **metaforma**, resp. metajazyková podoba karpaticizmu. Veľké písmeno v metaforme je namiesto vokálu, kde sa predpokladá najväčšia variantnosť. Niekedy môže ísť o odlišné znenie metaformy v 1. vyd. Dotazníka a v 2. vyd. Dotazníka CKDA. Smerodajný je názov uvedený na mape. Podrobnejšie p. (1) J. Dudášová-Kriššáková: Vývin rusínskeho jazyka a dialektológia. Prešov: Vydavateľstvo PU v Prešove 2015, s. 241. (2) ОКДА. Вступительный выпуск. Скопје 1987, s. 105 – 132. V našom texte uvádzame metaformu *OšČIpEk* pri sémantickej analýze a vo zvyšnom texte uvádzame podobu známu zo slovenského jazyka – *oštiepok*.

Výskyt karpaticizmu v jednotlivých zväzkoch CKDA

V zväzkoch CKDA je karpaticizmus *OšČIpEk* uvedený: poľ. jazyk – oszcypek, čes. jazyk – oštěpek, slov. jazyk – oštiepok, ukrj. jazyk – oščipok, oščypok, srb./chor. – uštipak. (ОКДА. Указатели 2012).

Sémantická štruktúra karpaticizmu v CKDA

+ *OšČIpEk*

1. údený syr,
 - 1.1 tvaroh varený/pripravený na pare,
 - 1.2 ovčí syr,
 2. ovsený chlieb,
 3. koláč,
 4. plochý chlieb,
 5. kúsok,
 6. ojedinelé semémy:
 - 6.1 'ȳoscypek – údený syr,
 - 6.2. o' scypek – tvaroh z kravského mlieka,
 - 6.3 oš' 'č' ipok – plochý syr pečený ako chlieb,
 - 6.4 o'š':epok – štiepané drevo, štiepané dosky,
 - 6.5 oš' čepok – malé množstvo niečoho – múky, cesta, mlieka;
- (Celokarpatský dialektologický atlas, zväzok III, mapa č. 8, 1991, s. 42).⁴³

V Dotazníku CKDA predpokladali autori 3 významy, no výskum k CKDA ich odhalil 7 a k tomu 5 ojedinelých.

V bulharských lokalitách sa výskyt karpaticizmu *OšČIpEk* potvrdil v nasledovných významoch:

1. ovsený chlieb,
2. tvarované koláče z pareného syra,
3. plochý chlieb z nekysnutého cesta (Карпато-балканский диалектный ландшафт: Язык и культура 2008, s. 394).⁴⁴

⁴³ Pozri príloha č. 1 a 2.

Sémantická analýza základnej a druhotných semém⁴⁵

Tabuľka 1: Klasifikačné príznaky lexémy +OšČipEk⁴⁶

	podš. meno	konkrétosť	počítateľnosť
1. údený syr	+	+	+
1.1 tvaroh varený/pripravený v pare	+	+	+
1.2 ovčí syr	+	+	+
2. ovsený chlieb	+	+	+
3. koláč	+	+	+
4. plochý chlieb	+	+	+
5. kúsok	+	+/-	+

Tabuľka 2: Identifikačné príznaky karpaticizmu +OšČipEk

	výrobok	časť celku
1. údený syr	+	-
1.1 tvaroh varený/pripravený v pare	+	-
1.2 ovčí syr	+	-
2. ovsený chlieb	+	-
3. koláč	+	-
4. plochý chlieb	+	-
5. kúsok	-	+

Tabuľka 3: Špecifikačné príznaky karpaticizmu +OšČipEk (1. časť)

	mliečny	pripravený kvasnými procesmi	z kyslého mlieka	pripravený v pare	údený	ovčí
1. údený syr	+	+	-	-	+	-
1.1 tvaroh varený/pripravený	+	-	+	+	-	-

⁴⁴ V roku 1982 bulharský kolektív z riešiteľského tímu CKDA vystúpil. Kompletný materiál z 15 lokalít Bulharskej republiky bol zverejnený až v roku 2008 v zborníku Карпатобалканский диалектный ландшафт: Язык и культура, v kapitole 42 Болгарские материалы для «Общекарпатского диалектологического атласа» (s. 355 – 480); preto uvádzame významy oddelene od významov v CKDA.

⁴⁵ Za základný význam sme považovali ten, ktorý bol v CKDA uvedený ako prvý (1) a mal v porovnaní s ostatnými najvyššie zastúpenie v karpatskej oblasti (tiež označený piktogramom •).

⁴⁶ Kvalifikátor + pri karpaticizme znamená, že ide o sémantickú analýzu.

v pare						
1.2 ovčí syr	+	+	-	-	-	+

Tabuľka 3: Špecifikačné príznaky karpaticizmu +OšČipEk (2. časť)

	pečený	pripravený kvasnými procesmi	z obilniny	plochý	nedeliteľný
2. ovsený chlieb	+	+	+	-	-
3. koláč	+	+	+	+	-
4. plochý chlieb	+	+	+	+	-
5. kúsok	-	-	-	-	+

Etymológia

Etymológiu a výskyt karpaticizmu *oštiepok* sme overovali v nasledovných slovníkoch, príručkách a atlasoch:

slovenský jazyk:

- *Krátky slovník slovenského jazyka* (KSSJ) (2003),
- *Slovník súčasného slovenského jazyka O – P* (SSSJ) (2021),
- *Slovník slovenských nárečí* (SSN) (2006),
- *Historický slovník slovenského jazyka* (HSSL) (1991 – 2008),
- Š. Ondruš: *Odtajnené trezory slov III* (2004),
- Králik, L.: *Stručný etymologický slovník slovenčiny* (2015),
- *Východoslovenský slovník: historicky dokumentovaný (921 – 1918); paralely české, slovenské ekvivalenty. I. diel, A – O* (VS) (2002),
- *Atlas slovenského jazyka IV* (ASJ) (1984),

český jazyk:

- Holub, J., Lyer, S.: *Stručný etymologický slovník jazyka českého se zvláštním zřetelem k slovům kulturním a cizím* (1978),
- Machek, V.: *Etymologický slovník jazyka českého* (1997 + 1957),

poľský jazyk:

- Brückner, A.: *Słownik etymologiczny języka polskiego* (1957),
- Szymczak, M.: *Słownik języka polskiego* (1979),
- Rak, M.: *Słownictwo podhalańskie w Etymologicznym słowniku języka polskiego Andrzeja Bańkowskiego* (2014);

ukrajinský jazyk:

- *Словник української мови Н – О* (1974),
- *Етимологічний словник української мови: В 7 т. – Т. 4: Н–П* (2003),
- *Етимологічний словник української мови: В 7 т. – Т. 6: У–Я* (2012),
- online databáza: <https://goroh.pp.ua/Етимологія/>;

srbský a chorvátsky jazyk:

- Skok, Petar: *Етимологијски рјечник хрватскога или српскога језика* (1971)

bosniansky jazyk:

- Baotić, Josip et al.: *Рјечник босанског језика* (2007)

bulharský jazyk:

- *Карпатобалканский диалектный ландшафт: Язык и культура* (2008) – uvedené pri sémantickej analýze;

ruský jazyk:

- Преображенский (Preobraženskij): *Етимологический словарь русского языка. ТОМ I. А – О* (1910),
- M. Vasmer (Фасмер): *Етимологијескиј словарь русског језика* (1973);

nemecký jazyk:

- F. Milosich: *Etymologisches Wörterbuch der slavischen Sprachen* (1886),
- S. M. Newerkla: *Sprachkontakte Deutsch – Tschechisch – Slowakisch...* (2011).

Vo vybraných **slovenských príručkách**, slovníkoch a atlasoch je karpatizmus spracovaný vo významoch: *údený ovčí syr vajcovitého tvaru* (KSSJ 2003); *tradičný polotvrдый plnotučný сыр (ovčí al. zo zmesi ovčieho a kravského mlieka) žltohnedej farby a jemnej slanej chuti, vyrábaný v tvare veľkého vajca s pôvodnými geometrickými ornamentmi* (SSSJ 2021); *údený ovčí сыр* (SSN 2006) (pozri obrázok č. 1). V mnohých príručkách (nielen slovenských) je karpatizmus spracovaný v rámci hesla *oštep, štiepať*. Takýmto spôsobom je skúmaný karpatizmus spracovaný aj v *Historickom slovníku slovenského jazyka* (1991 – 2008) vo význame *údený ovčí сыр куželovitého tvaru*; taktiež Š. Ondruš (2004, s. 32) píše o slove *oštep*, ktoré je v slovenskom jazyku doložené od 16. storočia. Jazykovedec uvádza, že slová ako *oščep* a *oštep* sú praslovanského pôvodu a nadväzujú na indoeurópske *kop-* : *skop-* „bit', sekať“, ktoré je v slovesách *kopať, škopit', štepiť* (pôvodne *vrezávať vrúbľa*). Podľa L. Králik (2015, s. 594), ktorý zaznamenáva karpatizmus v rámci hesla *štiepať*, uvádza praslovanský pôvod slova **ščepati* (**skop-*). Pri slove *oštiepok* píše, že je zrejme odvodené od „orezaného syra“ – údajne podľa toho, že bačovia vyrezávali na hrudách syra rôzne ozdoby,

napr. vtáky, srdiečka ap.). ASJ IV (1984) a VS (2002) spracovávajú len heslá *štiepky* (ASJ) a *oščipac* (VS).

Obrázok č. 1: Slovenský ostiepok

(Zdroj: <https://www.syrex.sk/vyrobky/originalny-ovci-ostiepok-udeny-okruhly>)

V **českom jazyku** autori Holub a Lyer (1978, s. 350 a 473) spracovali heslá *oštěp* a *štípati*. O slovese *štípati* píšú, že je všeslovanské odvodené z **ščip-* z praslov. základu **skep-*, v rámci toho je aj *štep* (pôvodne vrub). V. Machek (1997, s. 421 – 422) spracováva len slovo *oštěp*.

Vybrané diela z **poľského jazyka** zaznamenali podoby *oscypek* (Rak, 2014, s. 102, 103) vo význame *syr z ovčieho mlieka v tvare hrotu oštepu*. Autor rozlišuje 3 typy významov podľa oblasti, kde sa karpatizmus používa: 1. údený ovčí syr (podtatranský región, oblasť mesta Żywiec, Morava a severné Slovensko); 2. údený ovčí syr tvarovaný do podoby napr. zvierat (geografické rozšírenie je rovnaké ako pri význame 1); 3. druh šišky so sladkou alebo slanou náplňou (zo Srbska уштипак, z Bosny a Hercegoviny a Chorvátska – uštípak); 4. ovsený koláč pečený na plechu (na Ukrajine – оципок/ощіпок: zakarpatské, bojkovské, huculské a podnesterské nárečia); 5. druh koláčov so syrom (Ukrajina – podnesterské nárečia); 6. kus niečoho (ukrajinčina – podnesterské a pokutsko-bukovské nárečia). Autor spomína V. Macheka, podľa ktorého má slovo *ostiepok* pôvod u pastierov, ktorí vykrajovali (štípali) podobizne vtákov a jahniat na hrudkách syra. Podľa Raka (2014, s. 102, 103) má *oscypek* pôvod v psl. **ščepiti/ščepati* < koláč – vo význame vylúpnuť, rozdeliť, rozštiepiť.

Podľa autora je pravdepodobné, že *oscypek* pôvodne označoval drevenú formu (z jaseňového alebo lipového dreva) zloženú z dvoch rovnakých častí, do ktorej sa otláčal syr. Takouto cestou potom, podľa Raka (2014), vplyvom metonymie, označoval *oscypek* syr otláčený v onej drevenej forme. Szyczak (1979, s. 562) zachytáva karpaticizmus s podobe *oszcypek* vo význame *solený ovčí syr s údeným syridlom, formovaný v drevených, často umelecky vyrezávaných formách vyrábaný v Podhalí*. Brückner (1957, s. 545 – 546) uvádza vo svojom diele slovo *szczypac* s významom *štípať*.

Ukrajinský jazyk pozná podobu *оцинок* s významom *nekvasený chlieb* (<https://goroh.pp.ua>; Словник української мови Н – О (1974, s. 840)). V *Етимологічний словник української мови* (2003, s. 246) je pri hesle *оцинок* uvedený odkaz na heslo *цина́му* (s. 504, 505); v rámci neho sú následne významy ako *naočkovať*, *rozštíepiť*, *drevený trám*, *trieska*, *úlomok*, *kúsok*, *oštep*. V tomto slovníku sme ešte našli heslo *цина́му* (s. 509) s podobnými významami ako predchádzajúce spolu s praslovanskou podobou *ščipati* < tj. *skei(p)-/skoip – skip- s významom *rezať*, *oddeľovať*.

V **srbskom** a **chorvátskom jazyku** sme našli sloveso *štipati* s významom *štípať* v etymologickom slovníku od autora Skoka (1971, s. 414). V srbskom jazyku *uštipak* neoznačuje syr, ale je to druh chleba, akési pečivo, ktoré sa zvyčajne konzumuje na raňajky. Pripravuje sa na veľkom množstve oleja (obrázok č. 2). Jestvuje aj jedlo s názvom Leskovački *uštipak*/Лесковачки уштипак (obrázok č. 3) (*uštipak* z Leskovca⁴⁷), čo je mäsové jedlo pripravené z mletého mäsa a papriky. Obe spomínané jedlá sa pripravujú tak, že sa cesto, resp. mäso, vyvalká do kruhového tvaru, ktorý pripomína syr.

Obrázok č. 2: Uštipak/uštinak

⁴⁷ Mesto v Srbsku známe grilovaním a mäsovými jedlami.

(Zdroj: <https://www.alo.rs/zena/saveti/599466/po-receptu-nasih-baka-domaci-ustipci-pecivo-za-sva-vremena/vest>)

Obrázok č. 3: Leskovački uštipak/Лесковачки уштипак

(Zdroj: <http://cookery-daily.ru/post/ustipci>)

V **bosnianskom jazyku** rozumejú pod pojmom *uštipak* slaný alebo sladký koláčik pečený v horúcom oleji (Rječnik bosanskog jezika, 2007, s. 1192).⁴⁸

V **ruskom jazyku** je spracované heslo *оскен* a jedným z významov je aj *оштеп, рыл* (Vasmer online); Preopraženskij (1910, s. 297) zachytil podobu *скен-* s významami *odštiepiť, sekať*.⁴⁹

V **nemeckom jazyku**, podobne ako v ruskom, sme našli podobu *skep-* s významom štiepiť (Miklosich, 1886, s. 299)

V. Machek (1957) a Newerkla (2011) nespracovali karpatizmus vo svojom diele.

Oštiepok ako produkt agroturizmu

Podstatou agroturizmu je ponúkanie rekreácie vo vidieckom prostredí aj so stravovaním miestnej domácej gastronómie, pobyte v sedliackom či gazdovskom dome, alebo na salaši (Matušíková 2013). Práve posledné menované miesto otvára možnosť spoznať naše

⁴⁸ Podobne zachytil význam aj Rak (2014, s. 102, 103): *druh šišky so sladkou alebo slanou náplňou* (zo Srbska уштипак, z Bosny a Hercegoviny a Chorvátska – uštipak).

⁴⁹ V ruštine *оскер*, v starej ruštine *оскеръ* (Ondruš, 2004, s. 32).

tradičné slovenské produkty a oboznámiť sa s ich pôvodom a výrobou. Charakteristickým produktom slovenskej gastronómie je aj *oštiepok*. Ten bol zapísaný do Registra chránených označení pôvodu a chránených zemepisných označení dňa 26. 9. 2008. Oficiálnym názov je – *Slovenský oštiepok*. Podľa opisu je to „polotvrdý polotučný syr, parený alebo neparený, údený alebo neúdený. Základnou surovinou na výrobu Slovenského oštiepka je ovčie mlieko alebo zmes ovčieho mlieka a kravského mlieka alebo kravské mlieko. Výroba Slovenského oštiepka prebieha priamo na salaši, tzv. salašnícky spôsob výroby alebo v mliekarňach, tzv. priemyselná výroba. Charakteristickým znakom Slovenského oštiepka je zvláštny tvar veľkého vajca, šišky alebo elipsovité tvar zdobený ornamentikou“ (Ministerstvo pôdohospodárstva a rozvoja vidieka Slovenskej republiky, 2008).

Poľská republika taktiež podala žiadosť o zápis do Registra chránených označení pôvodu. Svoj *oscypek* považujú za veľmi starý výrobok valašských pastierov z oblasti Podhalia (www.niezwyklamalopolska.pl/oscypek/). Zápis *oscypka* však nebol bezproblémový. Slovensko totiž v roku 2006 vznieslo námietku, v ktorej uviedlo, že poľský názov *Oscypek* by bol v rozpore s názvom *Slovenský oštiepok*. Obe krajiny boli potom vyzvané, aby sa dohodli. K dohode došlo v roku 2007 a krajiny uznali oba názvy aj napriek ich spoločnému historickému pôvodu, no rozličným spôsobom výroby (Úradný vestník Európskej únie, 2008).

Záver

V našom príspevku sme sa venovali sémantickej analýze karpaticizmu *oštiepok* a jeho etymológii. Pri sémantickej analýze sme jednotlivé významy rozdelili na klasifikačné, identifikačné a špecifikačné príznaky. Pri klasifikačných príznakoch *podst. meno, konkrétnosť, počítateľnosť* sme analýzou odhalili zhodu pri všetkých semémach. Seméma *kúsok* však vykazuje neprítomnosť príznaku *konkrétnosť*, keďže nie je špecifikovaný konkrétny celok, ktorý *kúsok* označuje. Identifikačný príznak *výrobok* mali semémy 1. *údený syr*, 1.1 *údený tvaroh varený/pripravovaný v pare*, 1.2 *ovčí syr*, 2. *ovsený chlieb*, 3. *koláč*, 4. *plochý chlieb*. Seméma 5. *kúsok* označuje *časť celku*, nie teda *výrobok*. Pri špecifikačných príznakoch sme pre lepšiu prehľadnosť rozdelili výsledky do dvoch tabuliek. Semémy 1., 1.1, 1.2 majú zhodný príznak *mliečny*. Semémy 1, 1.2, 2, 3., 4 sa zhodovali v príznaku *pripravený kvasnými procesmi*. Ďalej sme odhalili zhodu v príznaku *pečený* pri semémach 2., 3., 4. Príznak *z obilniny* mali semémy 2., 3, 4. Semémy 3., 4. sa zhodovali aj v príznaku *z obilniny*. Pri ostatných príznakoch sme neodhalili zhodu.

Zaujímal nás aj pôvod karpatizmu *oštiepok*. Etymológiu a rozšírenie lexémy sme overovali v slovenských a zahraničných publikáciách, atlasoch a slovníkoch. Zo zahraničných jazykov sme pôvod zisťovali v českom, poľskom, ukrajinskom, srbskom a chorvátskom, bosnianskom, bulharskom, ruskom a nemeckom jazyku. Na základe našej analýzy sme prišli k záveru, že karpatizmus *oštiepok* má praslovanský pôvod *ščepati (*skep-), ktorý nadviazal na indoeurópske kop- : skop- vo význame biť, sekať, pôvodne však vyrezávať vrúbľa. Slovo zrejme priniesla valašská kolonizácia, kedy pastieri vyrezávali do hrudiek syra rôzne ozdoby a tvary. Za praslovanský pôvod hovorí aj fakt, že v mnohých dielach je karpatizmus *oštiepok* zachytený v rámci hesla *oštep*, resp. *štiepať*, kde sa dá potvrdiť jednoznačne praslovanský pôvod. Za praslovanský pôvod hovorí aj fakt, že je karpatizmus rozšírený vo všetkých skúmaných slovanských jazykoch a má bohatú sémantickú štruktúru: označuje nielen druh syra, ako to poznáme v slovenskom jazyku, ale aj chlieb, koláč, kúsok niečoho. Syr sa týmto karpatizmom označuje v slovenskom, českom a poľskom jazyku. Chlieb sa takto označuje v ukrajinskom, srbskom a bulharskom jazyku. V bosnianskom jazyku označuje *uštipak* slaný alebo sladký koláčik, ktorý sa pripravuje v horúcom oleji. Vo vybraných nemeckých dielach nebol karpatizmus spracovaný.

Výsledky našej sémantickej analýzy a skúmanie pôvodu karpatizmu *oštiepok* môžu poslúžiť nielen lingvistickej spoločnosti, ale aj študentom študijného programu Turizmus, hotelierstvo a kúpeľníctvo. Poznanie pôvodu karpatizmu pomôže študentom lepšie porozumieť našej kultúre a tradíciám, čo pozitívne ovplyvní poskytovanie autentických zážitkov pre návštevníkov, môžu zorganizovať rôzne kulinárske kurzy zamerané na tradičné slovanské jedlá, odborné výlety a exkurzie, v event managemente môžu pri organizovaní podujatí zahrnúť pôvodné tradičné jedlá spojené s oštiepkom, či pri propagácii miestnych produktov.

Zoznam použitej literatúry

- ПЛОТНИКОВА А. А.. Отв. Редактор. *Карпато-балканский диалектный ландшафт: Язык и культура. Памяти Галины Петровны Клепиковой. Сборник статей.* [online]. Москва: Российская академия наук. Институт славяноведения, 2008. ISBN 978-5-7576-0216-5. [cit. 2024-17-02]. Dostupné na: https://inslav.ru/images/stories/books/Karp-Balkan-Pamjati_Klepikovej2008.pdf
- АРТЕМ'ЕВА, Л. К., О. А. ДИТЕЛЬ, М. М. ДРУЧЕНКО. Ред. et al. *Словник української мови. Том п'ятий. Н – О.* Київ: Наукова думка, 1974.
- ВАОТИЋ, Josip et al. *Rječnik bosanskog jezika.* [online]. Sarajevo: Institut za jezik Sarajevo. 2007. [cit. 2024-12-01] Dostupné na: <https://archive.org/details/RjenikBosanskogJezikaInstitutZaJezikSarajevo2007./page/n175/mode/2up>

- BLANÁR, Vincent. Tolstého sémantická analýza slovanskej slovnej zásoby. In: *Jazykovedný časopis*. 1974, roč. 25, s. 53 – 59.
- BRÜCKNER, Aleksander. *Słownik etymologiczny języka polskiego* [online]. Warszawa: Wiedza Powszechna, 1957. [cit. 2024-24-02]. Dostupné na: <https://polona.pl/item-view/90cf9d78-76a3-4a32-9fc3-e1dafd0756b8?page=201>
- BUZÁSSYOVÁ, Klára. *Sémantická štruktúra slovenských deverbatív*. Bratislava: Veda, 1990, 236 s.
- ЦВЕТКОВ, Николай Васильевич. К методологии компонентного анализа. In: *Вопросы языкознания*, [online]. Москва: Наука, 1984. No 2, с. 61 – 71. [cit. 2024-25-02]. Dostupné na: <https://vja.ruslang.ru/archive/1984-2.pdf>
- DORULA, Ján, Ján KAČALA, Marta MARSINOVÁ, et al. *Krátky slovník slovenského jazyka*. 5. dopl. a upr. vyd. [online]. Martin: Matica slovenská, 2020. 960 s. ISBN 978-80-8128-261-4. [cit. 2024-18-02]. Dostupné na: <https://slovník.juls.savba.sk/?w=oštiepok&s=exact&c=Iddb&cs=&d=kssj4&d=psp&d=ogs&d=sss&d=orter&d=scs&d=sss&d=peciar&d=ssn&d=hssj&d=beriolak&d=noundb&d=orient&d=locutio&d=obce&d=priezviska&d=un&d=pskfr&d=pskcs&d=psken#>
- HABOVŠTIAK, Anton. *Atlas slovenského jazyka IV: lexika. Časť 2 – úvod, komentáre, dotazník, indexy*. Bratislava: Veda. 1984. 463 s.
- HAGALA, Ondrej, R. Red. *Východoslovenský slovník. Historicky dokumentovaný (921 – 1918); paralely české, slovenské ekvivalenty*. 1. Diel. A – O. Prešov: Universum, 2002. 626 s. ISBN 80-89046-04-5.
- HOLUB, Jozef and Stanislav LYER. *Stručný etymologický slovník jazyka českého se zvláštním zřetelem k slovům kulturním a cizím*. 1. Vydanie. Praha: Státní pedagogické nakladatelství, 1967, 527 s.
- JAROŠOVÁ, Alexandra. Red. *Slovník súčasného slovenského jazyka O – Pn*. [online]. Bratislava: Veda, 2021. ISBN 978-80-224-1901-7. [cit. 2024-08-01]. Dostupné na: <https://slovník.juls.savba.sk/?w=oštiepok&s=exact&c=97cf&cs=&d=kssj4&d=psp&d=ogs&d=sss&d=orter&d=scs&d=sss&d=peciar&d=ssn&d=hssj&d=beriolak&d=noundb&d=orient&d=locutio&d=obce&d=priezviska&d=un&d=pskfr&d=pskcs&d=psken#>
- KOZÁROVÁ, Irina a Zuzana – SLOBODOVÁ. Komponent čiernej farby v slovenských, anglických a nemeckých ustálených slovných spojeniach z oblasti ekonómie a manažmentu. [online]. In: *Jazyk a manažment*, 2019, s. 46 – 62. [cit. 2024-08-01]. Prešov: Prešovská univerzita v Prešove, 219 ISBN 978-80-555-2361-3. Dostupné na: <http://www.pulib.sk/web/kniznica/elpub/dokument/Dancisinova2>
- KRÁLIK, Ľubor. *Stručný etymologický slovník slovenčiny*. Bratislava: VEDA, vydavateľstvo SAV, 2015. 704 s. ISBN 978-80-224-1493-7.
- MACHEK, Václav. *Etymologický slovník jazyka českého*. 3. vyd. Praha: Academia, 1997. 866 s. ISBN 80-7106-242-1.
- MACHEK, Václav. *Etymologický slovník jazyka českého a slovenského*. 2. vyd. Praha: Nakladatelství ČSAV, 1957, 627 s.
- MAJTÁN, Milan. Ved. red. *Historický slovník slovenského jazyka IV. P (poihrať sa) – P (pytlovať)*. Bratislava: Veda, 1995. 581 s. ISBN 80-224-0432-2.
- MATUŠÍKOVÁ, Daniela. *Vidiecky turizmus a agroturizmus*. Prešov: Bookman, 2013. 72 s. ISBN 978-80-8165-024-6.

- MIKLOSICH, Franz. *Etymologisches Wörterbuch der slavischen Sprachen*. [online]. Wien: Wilhelm Braumüller, 1886. 556 s. [cit. 2024-15-01]. Dostupné na: <https://archive.org/details/etymologischesw00mikluoft/page/n509/mode/2up>
- Ministerstvo pôdohospodárstva a rozvoja vidieka Slovenskej republiky. *Štvrtý registrovaný výrobok – Slovenský oštiepok*. [online]. 2008. [cit. 2024-09-01]. Dostupné na: <https://mpsr.sk/stvrty-registrovany-vyrobok-slovensky-ostiepok/59---1149/>
- MALÍKOVÁ, Mária Oľga. Sémantická analýza zložených slov tvorených morférou novo- (v slovenčine a ruštine). In: *Slavica Slovaca*. [online]. Bratislava: Slovenský komitét slavistov, Slavistický ústav Jána Stanislava SAV. 1986, č. 21, s. 28 – 38.
- MISTRÍK, Jozef. *Encyklopédia jazykovedy*. Bratislava: Obzor, 1993. 513 s. ISBN 80-215-0250-9.
- NÁBĚLKOVÁ, Mira. *Vztahové adjektíva v slovenčine: (funkčno-sémantická analýza desubstantívnych derivátov)*. Bratislava: Veda, 1993, 204 s. ISBN 80-224-0352-0
- NEMCOVÁ, E.: Sémantická analýza verb dicenci. Bratislava: Veda, 1990, 133 s.
- NEWERKLA, Stefan Michael. *Sprachkontakte Deutsch – Tschechisch – Slowakisch. Wörterbuch der deutschen Lehnwörter im Tschechischen und Slowakischen: historische Entwicklung, Beleglage, bisherige und neue Deutungen*. Zweite, durchgehend überarbeitete und aktualisierte Auflage. [online]. Frankfurt am Main: Peter Lang GmbH Internationaler Verlag der Wissenschaften, 2011. ISBN: 978-3-653-03121-8. [cit. 2024-15-01]. Dostupné na: <https://homepage.univie.ac.at/stefan.newerkla/Sprachkontakte.pdf>
- О. С. Мельничук (гол. ред.). *Етимологічний словник української мови: В 7 т. – Т. 6: У–Я*. 2003. [online]. Київ: Наукова думка. [cit. 2024-15-02]. Dostupné na: <http://history.org.ua/LiberUA/978-966-00-0197-8/978-966-00-0197-8.pdf>
- О. С. Мельничук (гол. ред.). *Етимологічний словник української мови: В 7 т. – Т. 4: Н–П*. [online]. Київ: Наукова думка. [cit. 2024-15-02]. Dostupné na: http://history.org.ua/LiberUA/EtSIUkrM_2003/EtSIUkrM_2003.pdf
- Общекарпатский диалектологический атлас. Указатели*. Под редакцией Януша А. Ригера. Краков: Instytut Języka Polskiego PAN i Autorzy, 2012. 185 s. ISBN 978-83-64007-03-3.
- Общекарпатский диалектологический атлас. Вступительный выпуск*. Skorje: Македонска академија на науките и уметностите, 1987.
- Obščekarpatskij dialektologičeskij atlas. Vypusk 3*. Red. B. Oczkova, J. Rieger a J. Siatkowski. Warszawa: Res Publica Press, 1991. 184 s. ISBN 83-85326-04-9.
- ONDRUS, Pavel, Ján, HORECKÝ, Juraj, FURDÍK. *Súčasný slovenský spisovný jazyk. Lexikológia*. Bratislava: SPN, 1990. 225 s.
- ONDRUŠ, Šimon. *Odtajnené trezory slov III*. Martin: Matica slovenská, 2004, 230 s. ISBN 80-7090-762-2.
- ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ, Александер. 1910. *Етимологический словарь русского языка. ТОМ I. А – О*. [online]. Москва: Г. Лисснера и Д. Совко, 1910. [cit. 2024-15-02]. Dostupné na: <https://etymolog.ruslang.ru/doc/preobrazhenskijP-S.pdf>
- RAK, Maciej. Słownictwo podhalańskie w *Etymologicznym słowniku języka polskiego* Andrzeja Bańkovskiego. [online]. In: *LingVaria IX* (2014), A (17). [cit. 2024-24-01]. Dostupné na:

- https://ruj.uj.edu.pl/xmlui/bitstream/handle/item/12339/rak_slownictwo_podhalanskie_w_etymologicznym_slowniku_jezyka_polskiego_2014.pdf
- RIPKA, Ivor. Red. *Slovník slovenských nářečí. 2., L – P.* [online]. Bratislava: Veda, 2006. ISBN 80-224-0900-6. [cit. 2024-08-01]. Dostupné na: <https://slovník.juls.savba.sk/?w=oštiepok&s=exact&c=Iddb&cs=&d=kssj4&d=psp&d=ogs&d=sss&d=orter&d=scs&d=sss&d=peciar&d=ssn&d=hssj&d=beriolak&d=noundb&d=orient&d=locutio&d=obce&d=priezviska&d=un&d=pskfr&d=pskcs&d=psken#>
- RIPKA, I.: Sémantická štruktúra deverbativa č(v)rpak v dialektoch karpatského areálu. In: *Slavica Slovaca*, Bratislava: Slovenský komitét slavistov, Slavistický ústav Jána Stanislava SAV, 1983, roč. 18, č. 1, 45 – 48.
- SEKANINOVÁ, E.: Metóda modelovania a komponentovej analýzy v sémantike (s aplikáciou na verba sentiendi). In: *Jazykovedný časopis*, 1984, roč. 35, s. 134 – 145.
- SKOK, Petar. 1971. *Etimologijski rječnik hrvatskoga ili sprskoga jezika. Knjiga prva A – J.* [online]. Zagreb: Jugoslavenska akademija znanosti i umjetnosti. [cit. 2024-15-01]. Dostupné na: <https://archive.org/details/EtimologijskiRjecnikHrvatskogalliSrpskogaJezika/mode/1up>
- SLOBODOVÁ, Zuzana. Sémantická analýza karpaticizmov *putňa* a *putera* v kontexte slovensko-nemeckých kontaktov (konferencia – Slovensko-ukrajinské vzťahy v oblasti jazyka, literatúry a kultúry na Slovensku a v stredoeurópskom priestore – 18. 10. 2023 – 20. 10. 2023 Prešovská univerzita v Prešove – momentálne v tlači).
- SLOBODOVÁ, Zuzana. Sémantická analýza karpaticizmu *xVža* z aspektu slovensko-nemeckých jazykových kontaktov. [online]. In: *Slavica Slovaca*. Bratislava: Slovenský komitét slavistov, Slavistický ústav Jána Stanislava SAV, 2021, roč. 56, č. 2, s. 169 – 181. ISSN 0037-6787. [cit. 2024-09-01]. Dostupné na: <https://www.sav.sk/journals/uploads/11151429SLOBODOVÁ.pdf>
- SLOBODOVÁ, Zuzana. Komparácia sémantickej štruktúry karpaticizmu kuČa v Dotazníku pre Celokarpatský dialektologický atlas, Celokarpatskom dialektologickom atlase a materiáloch z Bulharskej republiky. In: *Limes Slavicus: kulturni koncepti na slavianstvoto*. Šumen: Universitetsko izdatelstvo „Episkop Konstantin Preslavski“, 2021, s. 13 – 28, 181 s. ISSN 2603-3127.
- SLOBODOVÁ, Zuzana. *Sémantická analýza karpaticizmov z aspektu medzijazykových kontaktov*. Prešov: Prešovská univerzita v Prešove, 2020, 251 s. ISBN 978-80-555-2647-8.
- SLOBODOVÁ, Zuzana. Globalizácia – sémantická analýza pojmu v slovenskom a nemeckom jazyku. In: *FORLANG: Cudzie jazyky v adademickom prostredí. Periodický zborník vedeckých príspevkov a odborných článkov z medzinárodnej vedeckej konferencie konanej 6. – 7. júna 2019*. Košice: Technická univerzita v Košiciach, 2019, s. 345 – 353. ISBN 978-80-553-3398-4.
- SZYMCYAK, Mieczysław. Red. *Słownik języka polskiego. Tom drugi. L – P.* 4. wyd. Warszawa: Państwowe wydawnictwo naukowe, 1979. 1087 s.
- Úradný vestník Európskej únie. *Nariadenie komisie (ES) č. 217/2008 z 13. februára 2008, ktorým sa zapisuje názov do Registra chránených označení pôvodu a chránených zemepisných označení [Oscypek (CHOP)]*. [online]. Brusel, 2008. [cit. 2024-09-01]. Dostupné na: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/SK/TXT/PDF/?uri=CELEX:32008R0127&from=PT>

VASMER, Max. (Фасмер). *Etimologičeskij slovar russkogo jazyka. Tom IV, T – Jaščur*. [online]. Moskva: Progres, 1973. [cit. 2024-09-01]. Dostupné na: <https://14.slovaronline.com/8997-ОСКЕП>
<https://www.alo.rs/zena/saveti/599466/po-receptu-nasih-baka-domaci-ustipci-pecivo-za-sva-vremena/vest> <https://goroh.pp.ua/Етимологія/>
<http://cookery-daily.ru/post/ustipci>
www.niezwyklamalopolska.pl/osypek/
<https://www.syrex.sk/vyrobky/originalny-ovci-ostiepok-udeny-okruhly>

Zuzana Slobodová

Mgr., PhD.

Prešovská univerzita v Prešove
Fakulta manažmentu, ekonomiky a obchodu

Katedra interkultúrnej komunikácie

Konštantínova 16, 080 01 Prešov

E-mail: zuzana.slobodova@unipo.sk

ORCID ID: 0000-0001-8460-2479

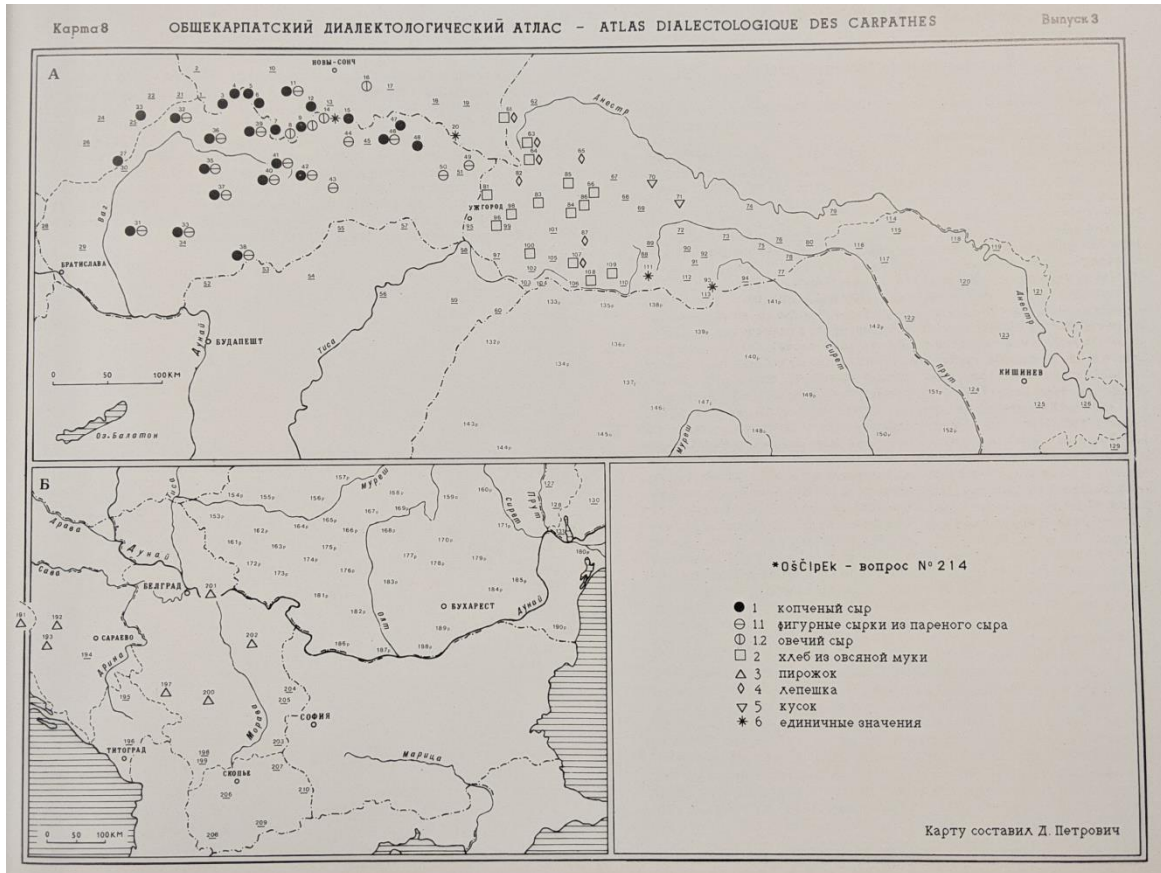
*OŠČIPЕK – вопрос N° 214

Ср. с НМ 6, 22.

Ключ к индексу: 1 копченый сыр, 1.1 фигурные сырки из пареного сыра, 1.2 овечий сыр, 2 хлеб из овсяной муки, 3 пирожок, 4 лепешка, 5 кусок, 6 единичные значения.

1, 2 (нет слова); 3 oščyрек, o'scyрек 1; 4, 5 цo'scyрек 1; 6, 7 цo'scyрек 1; 8 цo'scyрек 1.2; 9 'oscyрек 1, 1.2; 10 (нет слова); 11 цo'scyрек 1, 1.1; 12 цo'scyрек 1; 13 (нет слова); 14 o'scyрек 1.2, 6 (творог из коровьего молока); 15 цo'scyрек 1; 16 o'scyрек, цo'scyрек 1.2; 17-19 (нет слова); 20 oš'č'ipок 6 (плоский сыр, испеченный как хлеб); 21-22 (нет слова); 23 'oščepек 1; 24-26 (нет слова); 27 'oščepек 1; 28-30 (нет слова); 31 'ošč'epек 1, 1.1; 32 'ošč'epек, 'ošč'epек 1, 1.1; 33 'ošč'epек 1, 1.1; 34 (нет слова); 35-38 'ošč'epек 1, 1.1; 39 'oščipек 1, 1.1; 40 'ošč'epек 1, 1.1; 41 'ošč'epек 1, 1.1; 42 oščepек 1 (украшенный), 1.1; 43 oščepек 1.1; 44 ošč'epек 1.1; 45 (нет слова); 46 oščepек 1, 1.1; 47 ošč'epек 1; 48 oščyрек 1; 49 'vš'ipок 1.1; 50 oš'č'ipок 1.1; 51-60 (нет слова); 61 oščyрек 2, 4; 62 (нет слова); 63 oščyрек 2, 4 (из пресного теста); 64 oščyрек 2, 4 (из овсяной муки, из пресного теста); 65 oščyрек 4 (из овсяной муки, из пресного теста); 66 oš'č'epек 2 (плоский круглый); 67-69 (нет слова); 70 'ošč'epек 5 (отломленный от хлеба, любого); 71 oščyрек 5 (хлеба); 72-80 (нет слова); 81 os'čyрек 2; 82 oščyрек 4 (из овсяной муки); 83-85 os'čyрек 2; 86 oš'č'epек 2; 87 oščyрек 4 (из кукурузной муки); 88-92 (нет слова); 93 oš'č'epек 6 (расколотое дерево, расщепленная доска); 94, 95 (нет слова); 96 os'čyрек 2; 97 (нет слова); 98 os'čyрек 2; 99 (нет слова); 100 oščyрек 2; 101-106 (нет слова); 107 oščyрек 2, 4 (из кукурузной муки, испеченный на плите); 108 oščyрек 2 (из кукурузной муки); 109 oščyрек 2; 110 (нет слова); 111 ošč'epек 6 (небольшое количество чего-либо - муки, теста, молока); 112-131 (нет слова); 191 úštipак 3, 192 úščipак 3; 193 úščipак 3; 194-196 (нет слова); 197 uštipак 3; 198, 199 (нет слова); 200 uštipак 3; 201 úštipак 3; 202 ušt'ipак 3; 203-210 (нет слова).

**Príloha č. 2: Spracovanie karpatizmu *oštiepok* v Celokarpatskom dialektologickom atlase –
pravá strana (zväzok III, mapa č. 8, 1991, s. 43)**

Jazykový obraz sveta v ruských a slovenských metaforických hádankách o domácich zvieratách

Mariya Jadroňová

Katedra slovanských jazykov, Filozofická fakulta, Univerzita Mateja Bela v Banskej Bystrici
Banská Bystrica, Slovensko

Abstrakt: Cieľom príspevku je sémantická a kvantitatívna analýza jazykového obrazu sveta v ruských a slovenských metaforických hádankách o domácich zvieratách (konkrétne o mačke, kocúrovi a psovi). Poukazujeme v ňom na spoločné a odlišné prvky stvárnenia domácich zvierat, ktoré nám poskytujú pohľad na interpretáciu sveta oboma etnikami. Pomocou analýzy výskytu slov taktiež vyčleňujeme jadro a perifériu ruskej a slovenskej slovnej zásoby.

Kľúčové slová: jazykový obraz sveta, metafory, ruské hádanky, slovenské hádanky, domáce zvieratá.

The linguistic picture of the world in Russian and Slovak metaphorical riddles about domestic animals

Abstract: The aim of the article is a semantic and quantitative analysis of the linguistic picture of the world in Russian and Slovak metaphorical riddles about domestic animals (specifically about a cat, a tomcat and a dog). The author points out the common and different elements of the portrayal of domestic animals, which provide us with an insight into the interpretation of the world by both ethnicities. Using the frequency analysis of words, the core and periphery of the Russian and Slovak vocabulary is also single out.

Keywords: linguistic picture of the world, metaphors, Russian riddles, Slovak riddles, domestic animals.

Článok je výstupom z projektu VEGA 1/0766/24 Národný jazyk a jeho variety v dynamike a interakcii: západoslovanský a východoslovanský kontext.

V príspevku sa zameriavame na problematiku *jazykového obrazu sveta*, ktorá „vychádza z predpokladu, že v jazyku sú zakódované isté spoločensky stanovené poznatky o svete a že tieto poznatky možno rekonštruovať a verbalizovať vo forme komplexu úsudkov o ľuďoch, predmetoch a udalostiach“ (Bartmiński, 2009, s. 229 – tu a ďalej uvádzame náš preklad citátov – M. J.). Tieto poznatky majú antropocentrickú povahu a sú výsledkom subjektívnej percepcie a konceptualizácie skutočnosti prostredníctvom ľudskej mysle (Bartmiński, 2009).

Pri formovaní jazykového obrazu sveta zohrávajú dôležitú úlohu metafory, ktoré americkí kognitívni lingvisti George Lakoff a Mark Johnson považujú za základné mentálne operácie a spôsoby poznania, štruktúrovania a vysvetľovania sveta. Okrem toho sa metafory

podieľajú na ľudskom myslení a človek si pomocou nich vytvára svet, v ktorom žije (Lakoff – Johnson, 2002).

Cenným zdrojom poznatkov o jazykových obrazoch sveta sú estetické (t. j. folklórne a autorské) diela každého národa. Medzi ne sa zaraďujú aj hádanky, ktoré predstavujú „poetický, dômyselný opis určitého predmetu alebo javu, ktorý bol vytvorený s cieľom preverenia chápatosti človeka, ako aj s cieľom vštiepenia poetického pohľadu na realitu“ (Anikin, 1957, s. 56). Ako útvary národnej reči ľudové a autorské hádanky sú spojené aj so spisovným jazykom – s jazykovou a folklórnou tradíciou: „Folklórna tradícia sa môže v rámci jedného žánru spájať a koexistovať s literárnou (písomnou) tradíciou, čo sa predovšetkým prejavuje vo funkčne aktívnom žánri hádanky“ (Liashuk, 2024, s. 9).

V súvislosti s uvedeným sme si za cieľ zvolili vykonať komparatívnu analýzu sémantických a kvantitatívnych špecifik lingvistických prostriedkov, prostredníctvom ktorých sa v ruských a slovenských hádankách s tematikou domácich zvierat realizuje metaforické kódovanie rozlúštení. Konkrétne sa zameriavame na ruské a slovenské ľudové a autorské hádanky s rozlúštením *mačka*, *kocúr* a *pes*. Pre náš výskum sme analyzovali 106 hádaniek (76 ruských a 30 slovenských), v ktorých sa celkovo nachádzalo 67 (56 ruských a 11 slovenských) metafor. Pozornosť upriamujeme aj na tematické kategórie vehikul metafor (t. j. „metaforických obrazov (...), ktoré podávajú novú informáciu o téme metafory“ (Krupa, 1990, s. 162)).

1. Najpočetnejšie množstvo metaforických kódovaní obsahujú v dokladovom materiáli ruské hádanky s rozlúštením *kocúr* (26 metafor, z toho 22 v ľudových hádankách a 4 v autorských) a *mačka* (15 metafor výlučne v ľudových hádankách).

1. 1 Kódovanie sa v nich najčastejšie realizuje prostredníctvom antropomorfných metafor, ktoré „vyberajú vehikulum z oblasti ľudského sveta a aplikujú ho na zvierací svet, neživú prírodu či na sociálne javy“ (Krupa, 1990, s. 157). Rozlúštenie *kocúr* sa kóduje osobami mužského pohlavia, ktoré sa v dokladovom materiáli vyskytujú 20-krát. Dôležité je poznamenať, že uvedený typ kódovania sa uplatňuje len v ľudových hádankách. *Kocúr* najčastejšie vystupuje ako *царь* (slv. *cár*) – 16¹ myši, pričom jedenkrát sa vyskytuje jeho zložené pomenovanie *царь-государь* (slv. *cár-panovník*) a v ostatných 15 prípadoch sa lexéma *царь* dopĺňa vlastnými podstatnými menami, vytvorenými:

a) na základe slovnej hry – podobnosti ruského plnovýznamového slova *кесарь* ‘2. zastar. vládca, monarcha’ a ruského citoslovca volania na kocúra *кис-кис*¹: *наш царь Кесарь* (slv. *náš cár Kesar*) – 1. V niektorých kontextoch sa k tomuto slovu pridáva sufix -*ей*: *наш / ваш царь кесареи* (slv. *náš / váš cár Kesarej*) – 2.

b) na základe interpretácie kocúra ako Koščeja, ktorý v slovanskej mytológii predstavuje zápornú bytosť v podobe škaredého starca: *царь Кощеи* (slv. *cár Koščeja*) – 1 – uvedené pomenovanie odôvodňujeme tým, že naši predkovia považovali mačky a kocúrov za stvorenia diabla (Gura, 1999);

c) na základe kódovania kocúra rozprávkovou postavou cára *Маркобруна*⁵⁰ (slv. *Markobruna*): *царь Маркобрун* (slv. *cár Markobrun*) – 2;

d) pomocou okazionalizmov utvorených od juhoruského nárečového tvaru slovesa *царапать* (slv. *škriabať*) – *дряпать* (Daľ, 1863, s. 443): *царь Дряпанской* (slv. *cár Škrabací*) – 1; slovesa *Курныкать*⁵¹ (slv. *priast*): *Цари Курны* (slv. *Cárovnia Pradenia*) – 2; *Курнопый царь* (slv. *Priadací cár*) – 1; slovesa *урчать* (slv. *vrčať*): *царь Урптий* (slv. *cár Uritij*) – 1; a od názvu časti tela kocúra – *лапы* (slv. *laby*): *наш / ваш царь Урлан* (slv. *náš / váš cár Urlap*) – 2; *царь Лапий* (slv. *cár Lapij*) – 2.

Ako príklad uvedieme hádanku, v ktorej sa myš (v hádanke *царица – cárovna*) rýta svrčka, kde je kocúr (v hádanke *царь Кесарь – cár Kesar*): *Вышла царица // Из-под полицы; // Говорит: «Где наш царь Кесарь?» // – Он придет к нам в полночь ночевать* [slv. *Vyšla cárovná spod valby; Hovorí: „Kde je náš cár Kesar?“ – Píde k nám o pol noci nocovať* – tu a ďalej v hranatých zátvorkách uvádzame náš preklad – M. J.] (SZRN, s. 241).

Okrem toho sa rozlúštenie *kocúr* kóduje lexémou *хозяин* (slv. dosl. *gazda*) – 1, čo odôvodňujeme jeho významným postavením, pretože naši predkovia ho považovali za ochrancu domácnosti (Gura, 1999), *ворчун* (slv. *frfloš*) – 1 a *нэпман*⁵² (slv. *perman*) – 1: *Идет нэпман толстый, // в шубе бархатной, // а босый* [slv. *Ide perman tlstý, v zamatovom kožuchu, ale bosý*] (RZ, s. 421). Pomenúva sa aj vlastným podstatným menom *Боря* (slv. *Borja*) – 1, čo je domáce meno od celého / plného mena *Борис* (*Boris*), ktoré sa v Rusku často dáva kocúrom.

Pomocou antropomorfných metafor sa najčastejšie kóduje aj rozlúštenie *мачка*. Najčastejšie sa pomenúva názvami osôb ženského pohlavia, ktoré sa v dokladovom materiáli vyskytujú 13-krát. Tvorcovia hádaniek ju pomenúvajú ako *Арина* (slv. *Arina*) – 1; *Орина* (slv. *Orina*) – 1 a domácim menom *Машка* (slv. *Maška*) – 2, ktoré je u ruských mačiek veľmi populárne. Mačkám sa dávajú aj mená po otcovi ako *Марья Петровна* (slv. *Mária Petrovna*) – 1; *Марья Семеновна* (slv. *Mária Semenovna*) – 1 a i.

¹ V poznámke k hádanke č. 1561– „trochu pripomína *kis! Kis!*“ (SZRN, s. 393).

⁵⁰ Kráľ Markobrun je postava z ruskej rozprávky o chrbrom rytierovi Bove Koroleviče (Andrejevskij et al., 1891).

⁵¹ Je uvedený v poznámke k hádanke č. 1566 (SZRN, s. 393).

⁵² Podnikateľ z obdobia Novej ekonomickej politiky (NEP), ktorá v ZSSR trvala od roku 1921 do roku 1928.

Metaforické kódovania čerpajú aj vehikulá označujúce historické postavy, v dôsledku čoho sa rozlúštenie *mačka* zobrazuje ako *барыня* (slv. *šľachtičná*) – 3 a osoby zo všedného života, v súvislosti s čím sa uvedené zviera kóduje ako *баба* (slv. *baba*) – 2 alebo *свекровь* (slv. *svokra*) – 1 myši ako v nasledujúcej hádanke: *Стоит свекровь на току И грозит на сноху* [slv. *Stojí svokra na holohumnici a vyhráža sa neveste*] (RZ, s. 142).

1. 2 S menšou frekvenciou (12-krát) sa v ruských hádankách pripisujú rozlúšteniam *kocúr* a *mačka* ľudské činnosti. Tvorcovia ľudových hádaniek s rozlúštením *kocúr* najčastejšie upriamujú pozornosť na skutočnosť, že uvedené zviera chytá myši, čo vyjadrujú lexémou *воевать* (slv. *bojovať*) – 2 a jej archaickým tvarom *воевати* – 2. V jednej hádanke sa zobrazuje aj ako poľovník, ktorý *ходит на охоту* (slv. *chodí na poľovačku*).

Metaforicky sa kóduje aj vydávanie zvuku pradenia. *Kocúr*, ktorý pradie, v ľudových hádankách *говорит сказки* (slv. *hovorí rozprávky*) – 1 alebo *поет песенки* (slv. *spieva pesničky*) – 1 ako v nasledujúcej hádanke: *Сидит Боря на угоре, // песенки поет заунывные* [slv. *Sedí Borja na kopci, spieva smutné pesničky*] (RZ, s. 251).

Zvuk pradenia sa pomocou metafor vyjadruje aj v autorských hádankách s rozlúštením *kocúr*. Využíva sa na to tvar slovesa *занеть* (slv. *začať spievať*) v minulom čase – *занел* (slv. *začal spievať*) – 1 alebo slovné spojenie *поет песни* (slv. *spieva piesne*) – 1.

Na rozdiel od ľudových hádaniek s rozlúštením *kocúr* sa v autorských nekóduje činnosť chytania myši. Namiesto toho sa v nich prostredníctvom tvarov sloviess v minulom čase *причесался* (slv. *učesal sa*) – 1; *умылся* (slv. *umyl sa*) – 1 zdôrazňuje, že je to čistotné zviera, ktoré si jazykom čistí srst': *Без расчески причесался и умылся без воды, // В кресло мягкое забрался и занел на все лады* [slv. *Bez hrebeňa sa učesal a bez vody sa umyl, vyliezol do mäkkého kresla a začal z celého hrdla spievať*] (LSZ, s. 64).

V hádankách s rozlúštením *mačka* sa uvedený typ kódovania vyskytuje len 2-krát. V oboch prípadoch sa zviera vyhráža myši, čo sa vyjadruje hovorovým tvarom slovesa *грозиться* (slv. *vyhrážať sa*) – *грозится* (slv. *vyhráža sa*) – 2.

2. V slovenskom dokladovom materiáli sa vyskytuje 6 metaforických kódovaní rozlúštenia *mačka* (z toho 3 v ľudových hádankách a 3 v autorských). Rozlúštenie *kocúr* sa v dokladovom materiáli metaforicky nekóduje.

2. 1 Najčastejšie sa metaforicky zobrazuje jej úloha v domácnosti. Tvorcovia ľudových hádaniek zdôrazňujú, že chytá myši, v dôsledku čoho sa kóduje ako *живá паска на мыши* – 1 alebo *мышáci kleпец* – 1: *Мышáci kleпец кожом обтянутый* (LSLH, s. 39). S chytaním myši súvisí aj kódovanie rozlúštenia *mačka* názvami osôb, ktoré sa v jednej hádanke realizuje bohemizmom *myslivec*.

V autorských hádankách sa zas uvádza, že mačka je *živá hračka pre deti* – 1.

2. 2 S menšou frekvenciou sa rozlúšteniu *mačka* pripisujú ľudské činnosti, pričom je dôležité poznamenať, že tento typ kódovania sa vyskytuje len v autorských hádankách. Zdôrazňuje sa fakt, že je to čistotné zviera, ktoré si jazykom čistí srst', čo sa metaforicky vyjadruje tvarmi slovesa *umývať sa* a *učesať sa* – *umýva sa* – 1; *učeše sa* – 1: **Umýva sa**, vody nemá. // **Učeše sa** bez hrebeňa. // *Sadne si mi na kolená // a začne priasť bez vretena. // Čo je to?* (HDTH, s. 103).

3. Druhý najväčší počet metaforických kódovaní (10 – z toho 6 v ľudových hádankách a 4 v autorských) obsahujú v dokladovom materiáli ruské hádanky s rozlúštením *pes*. Dôležité je poznamenať, že uvedené zviera sa v rozlúšteniach označuje podstatným menom ženského rodu – *собака*.

3. 1 Psovi sa 6-krát antropomorfne pripisujú ľudské činnosti. Tvorcovia ľudových hádaniek zdôrazňujú, že pes je strážca domu, v súvislosti s čím používajú tvar slovesa *охранять* (slv. *ochraňovať*) – *охраняет* (slv. *ochraňuje*) – 1. Metaforicky sa kóduje aj brechot, ktorým pes varuje majiteľa o tom, že sa niekto blíži k jeho domu. Táto činnosť sa v hádankách vyjadruje slovnými spojeniami *даёт знать* (slv. *podáva správu*) – 2 alebo *знак подаёт* (slv. *podáva znamenie*) – 1 ako v nasledujúcej hádanke: *Не говорит, не поет, // а кто к хозяину идет, // она **знак подаёт*** [slv. *Nehovorí, nespieva, ale ak niekto ide k pánovi, podáva znamenie*] (RZ, s. 256).

Rozlúštenie *pes* sa ako strážca domu interpretuje aj v jednej autorskej hádanke, v dôsledku čoho sa v nej vyskytuje slovesný tvar *сторожум* (slv. *stráži*). Autori hádaniek zdôrazňujú aj naviazanosť psa na svojho pána, čo vyjadrujú skutočnosťou, že uvedené zviera v jeho neprítomnosti *зрустит* (*smúti* – 1): *В дом чужого не пуцу, // Без хозяина **зрущу*** [slv. *Do domu cudzieho nepustím, bez pána smútim*] (LSZ, s. 73).

3. 2 Rozlúštenie *pes* sa s menšou frekvenciou pomenúva názvami osôb. V ľudových hádankách sa kóduje lexémami *барыня* (slv. *šľachtičná*) – 1 alebo *ворчун* (slv. *frfloš*) – 1, zatiaľ čo v autorských – *хозяин* (slv. *pán*) – 1.

V jednej autorskej hádanke sa rozlúštenie *pes* na základe toho, že chráni dom a nepúšťa doň nikoho neznámeho interpretuje aj ako *живой замок* (slv. *živý zámok*): *Заворчал **живой замок**, // Лез у двери nonepek* [slv. *Živý zámok zavrčal a ľahol si krížom cez dvere*] (LSZ, s. 76).

4. V slovenskom dokladovom materiáli sa v hádankách s rozlúštením *pes* vyskytuje 5 metaforických kódovaní (z toho 3 v ľudových hádankách a 2 v autorských).

4. 1 Na kódovanie sa najčastejšie využívajú vehikula označujúce osoby zo všedného života. V ľudových hádankách sa uvedené zviera zobrazuje ako *strážnik* – 1 domu a ako *lovec* – 1 alebo *pastier* – 1, čo odôvodňujeme tým, že v minulosti bolo častým pomocníkom na poľovačkách alebo pri pasení oviec.

V autorských hádankách je rozlúštenie interpretované len lexémou *strážca* – 1 domu: *Stojí domček na dvore // a v ňom strážca v pozore. // Všetkým zvukom naslúcha, // chytá vône na ňufák* (KVRH, s. 74).

4. 2 V jednej slovenskej autorskej hádanke sa rozlúšteniu *pes* pripisuje aj ľudská činnosť. Jej tvorca zdôrazňuje, že psy sa používajú na stráženie príbytkov, čo vyjadruje tvarom slovesa *strážiti* – *stráži*: **Stráži dom a nemá pušku, // zbadá letieť každú mušku** (KVRH, s. 74).

Preskúmanie jazykového obrazu sveta v textoch ruských a slovenských metaforických hádaniek o domácich zvieratách nám umožňuje uviesť v závere nasledujúce špecifiká:

1. V dokladovom materiáli pozorujeme odlišnú frekvenciu výskytu metaforického kódovania. Kým v ruskom obsahujú najviac kódovaní (26) hádanky s rozlúštením *kocúr*, v slovenskom – hádanky s rozlúštením *mačka* (6). Naopak, najmenej sa v ruskom dokladovom materiáli nachádza metaforických kódovaní v hádankách s rozlúštením *pes* (10), zatiaľ čo v slovenskom niet metaforických hádaniek s rozlúštením *kocúr*.

2. Metaforické kódovania sa v ruskom a slovenskom dokladovom materiáli častejšie realizujú v ľudových hádankách ako v autorských. Kým ľudové hádanky obsahujú 54 (48 ruských a 6 slovenských) metafor, autorské len 13 (8 ruských a 5 slovenských).

3. Na kódovania sa používajú jednoslovné lexémy (*свекровь*, *strážnik* a i.) alebo slovné spojenia (*живой замок*, *туšací клеpec* a i.).

4. Metaforické kódovania sa v ruských hádankách vyjadrujú nielen všeobecnou slovnou zásobou, ale aj deminutívami (*песенки* a i.), hovorovými slovami (*грозится*), okazionalizmami (*Царь Сараналин*, *Цари Курны* a i.) a vlastnými podstatnými menami (*Арина*, *Машка* a i.), zatiaľ čo v slovenských sa uvedené prvky slovnej zásoby nevyskytujú. Naopak, výlučne v slovenských hádankách sa na kódovanie využíva bohemizmus (*myslivec*).

5. V ruských hádankách sa domáce zvieratá kódujú aj mytologickými (*царь Коцей*), rozprávkovými (*царь Маркобрун*) alebo historickými postavami (*нэпман*, *барыня* a i.). V slovenskom dokladovom materiáli sa takéto kódovania neuskutočňujú.

6. V dokladovom materiáli sa metaforické kódovania najčastejšie realizujú prostredníctvom antropomorfných metafor, v dôsledku čoho sa rozlúštenia *mačka*, *kocúr* a *pes*

interpretujú ako osoby ženského alebo mužského pohlavia alebo sa im pripisujú ľudské činnosti.

7. Keďže ruský a slovenský jazyk sa zaraďujú do spoločnej skupiny slovanských jazykov, využívajú ich používatelia pri jednom metaforickom kódovaní identické lexikálne jednotky. Pozorujeme to v hádankách s rozlúštením *pes*, ktorý v oboch jazykoch *stráži dom*.

8. Na základe výskumu frekvencie lexikálnych jednotiek v hádankách vidíme jadro a perifériu ruskej slovnej zásoby. Jadro predstavujú slová *царь (cár)* – 16, *барыня (šľachtická)* – 4, *Марья (Mária)* – 2, *баба (baba)* – 2 a i. zatiaľ čo do periférie zaraďujeme slová *охраняет (ochraňuje)* – 1, *умылся (umyl sa)* – 1, *занел (začal spievať)* – 1 a i. Naopak, jadro slovenskej slovnej zásoby nám dokladový materiál neumožňuje vyčleniť, pretože všetky vyššie uvedené lexikálne jednotky sa v ňom vyskytujú iba jedenkrát, v dôsledku čoho vytvárajú len jej perifériu. Zaraďujeme do nej také slová ako *pastier, lovec, strážnik, umýva sa* a i.

Zoznam použitej literatúry

- ANDREJEVSKIJ, Ivan Jefimovič, et al. *Enciklopedičeskij slovar Brokgauza i Jefrona: Tom IV* [online]. Sankt-Peterburg: Tipo-Litografija (I. A. Jefrona), 1891 [cit. 2024-14-03]. Bez ISBN. Dostupné na: <https://runivers.ru/lib/book3182/10138/>
- ANIKIN, Vladimir Prokopjevič. *Russkije narodnye poslovice, pogovorki, zagadki i detskij folklor* [online]. Moskva: Gosudarstvennoje učebno-pedagogičeskoje izdatel'stvo Ministerstva prosveščeniya RSFSR, 1957 [cit. 2024-09-03]. Bez ISBN. Dostupné na: https://archive.org/details/1957_20231018
- BARTMIŃSKI, Jerzy. *Językowe podstawy obrazu świata*. 3. vyd. Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, 2009. 328 s. ISBN 978-83-227-2685-3.
- GURA, Alexander. Koška, kot. In: TOLSTOJ, Nikita, et al. *Slavjanskije drevnosti. Etnolingvističeskij slovar. Tom 2* [online]. Moskva: Meždunarodnyje otnošenija, 1999, s. 637-640. [cit. 2024-14-03]. ISBN 5-7133-0982-7. Dostupné na: <https://biblio.imli.ru/index.php/folklor/189-slavyanskije-drevnosti-etnolingvisticheskijslovar-t2>.
- Клички для котов и кошек*. [cit. 2024-13-03]. Dostupné na: <https://www.sravni.ru/text/klichki-dlya-kotov-i-koshek/?upd>.
- KRUPA, Viktor. *Metafora na rozhraní vědeckých disciplín*. Bratislava: Tatran, 1990. 184 s. ISBN 80-222-0130-8.
- LAKOFF, George a Mark JOHNSON. *Metafory, kterými žijeme*. Brno: Host, 2002. 282 s. ISBN 80-7294-071-6.
- LIASHUK, Viktória. Фольклорная традиция как способ сравнения языковых картин мира. In: *Слово. Текст. Контекст*. Сургут: БУ «Сургутский государственный педагогический университет», 2024, roč. 17, č. 1, s. 7-20. ISSN 2949-494X.

Zoznam skratiek lexikografických a dátových zdrojov

- DSŽVJ – DAL, Vladimir Ivanovič. *Tolkovyj slovar živogo velikoruskogo jazyka. Čast' pervaja. A–Z*. [online]. Moskva: Izd. obšč-va ľubitelej Rossijskoj slovesnosti, 1863 [cit. 2024-03-03]. Bez ISBN. Dostupné na: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_02000000554/.
- HDTH – HANDZOVÁ, Želmíra. *Dám ti hádanku*. Bratislava: Mladé letá, 1984. 150 s. Bez ISBN.
- KVRH – KAPRAŇOVÁ, Iveta. *V ríši hádaniek*. Bratislava: Metodicko-pedagogické centrum v Bratislave, 2010. 123 s. ISBN 978-80-8052-358-9.
- LSLH – LEŠČÁK, Milan. *Slovenské ľudové hádanky*. Bratislava: Tatran, 1981. 149 s. Bez ISBN.
- LSZ – LYSÁKOV, Vladimir Georgijevič. *1000 zagadok*. 2. vyd. Moskva: AST-AGATA, 2009. 318 s. ISBN 978-5-17-027263-1.
- RZ – RYBNIKOVA, Marija Alexandrovna. *Zagadki* [online]. Leningrad: Academia, 1932 [cit. 2023-12-10]. Bez ISBN. Dostupné na: <https://www.twirpx.com/file/1658347/>.
- SRJ – JEVGENIEVA, (ed.) *Slovar ruskogo jazyka: V 4-ch t.* [online]. / RAN, In-t lingvistič. issledovanij; Pod red. A. P. Evgenievoj. — 4-e izd., ster. — M.: Rus. jaz.; Poligrafresursy, 1999 [cit. 2024-03-03]. Dostupné na: www.kartaslov.ru.
- SZRN – SADOVNIKOV, Dmitrij Nikolajevič. *Zagadki ruskogo naroda*. [online]. Moskva: Sovremennyj pisatel', 1995 [cit. 2023-12-11]. ISBN 5-265-03248-7. Dostupné na: <https://www.twirpx.com/file/2776370/>

Mariya Jadroňová

Mgr.

Katedra slovanských jazykov
Filozofická fakulta, Univerzita Mateja Bela v Banskej Bystrici

Tajovského 40, 97401 Banská Bystrica, Slovensko

Department of Slavic Languages

Faculty of Arts, Matej Bel University in Banská Bystrica

Tajovskeho 40, 97401 Banská Bystrica, Slovakia

E-mail: mariya.jadronova@umb.sk

ORCID ID: 0009-0002-3896-4908

Образ ребенка в раннем творчестве Ивана Сергеевича Шмелева

Игорь Цинтула

кафедра славянских языков, философский факультет, Университет им. Матая Бела
Банска Быстрица, Словакия

Абстракт: Настоящая статья посвящена рассмотрению образа ребенка в раннем творчестве русского писателя Ивана Сергеевича Шмелева (1873 – 1950). В ходе анализа автор выделяет две группы детских образов, которое писатель использовал в литературных произведениях раннего творчества.

Ключевые слова: Иван Сергеевич Шмелев, литературный герой, дети, русская литература XX века.

The image of a child in the early literary work of Ivan Sergeevich Shmelev

Abstract: The present article is devoted to the consideration of the image of the child in the early literary works of the Russian writer Ivan Sergeevich Shmelev (1873 – 1950). In the course of the analysis the author distinguishes two groups of child images, which the writer used in his early literary works.

Keywords: Ivan Sergeevich Shmelev, literary hero, children, Russian literature of the 20th century.

Русский писатель Иван Сергеевич Шмелев (1873 – 1950) получил всемирную известность прежде всего во Франции (Париже), где писатель находился в эмиграции с 1923 года. Оказавшись в эмиграции физически, Шмелев духовно продолжал жить в России и стал одним из самых читаемых писателей русской диаспоры. В эмиграции он написал шедевры собственного литературного творчества, в частности романы *Солнце мертвых* (1923), *История любовная* (1927) и *Пути небесные* (1937 – I том, 1948 – II том), которые Шмелеву принесли еще более популярности, хотя на родине вплоть до распада СССР оставался известен в основном только как автор повести *Человек из ресторана* (1911) или, отчасти еще ранее написанной повести *Гражданин Уклеикин* (1908). В целом жизненный путь Шмелева как писателя формировался импульсивно, непреднамеренно, прежде всего как внутреннее побуждение высказаться о тех или иных событиях, переживаниях или страхах, можно сказать, естественно с его точки зрения. Он сам, вспоминая свое творческое начало в 1929 – 1930 гг, говорил: «Вышло это так просто и неторжественно, что я и не заметил. Можно сказать, вышло это непредумышленно. Теперь, когда это вышло на самом деле, кажется мне порой, что

я не делался писателем, а будто всегда им был, только – писателем ‚без печати‘» (Шмелев, 2021, с. 3).

Исследование творческого начала любого писателя – это всегда интересное погружение в изучение тех факторов, которые чаще всего в полной мере проявляются в произведениях лишь позже, когда можно говорить о так называемой «зрелости» писателя. В случае Шмелева можно говорить о его пристальном интересе к духовной жизни человека, бытийным основам его существования, источником которого является религиозная среда семьи Шмелевых. В данном контексте можно привести слова М. М. Дунаев, который отмечает, что «Шмелев начинал свою литературную деятельность как писатель, глубоко и искренне сочувствующий простому народу-труженику, но причины тягот народной жизни он видел вначале не в социальной несправедливости, а в аморализме отдельных злодеев-мироедов. У раннего Шмелева часто слышны сентиментальные мотивы, проповедь всеобщего примирения» (Дунаев, 1976, с. 174). Носителями этих мотивов в литературном произведении являются, прежде всего, литературные герои. Помимо пейзажа, художественной детали или других не менее важных атрибутов литературного произведения, именно через персонаж писатель, как автор и создатель художественного мира фикции, передает основную линию повествования, как и всю атмосферу, настроение и тему произведения. Прежде чем приступить к конкретному анализу, полагаем пригодным уяснить, что такое *литературный герой* и *литературный персонаж*, поскольку, на наш взгляд, существует определенная разница.

Персонаж, как одно из «наиболее нейтральное название, указывающее только на одно из действующих в художественном мире произведения лиц» (Ладыгин, 2018, с. 109) выступает в произведении как участник действия в фабуле, а герой – как участник событий в сюжете (исходим из разделения Ю. М. Лотманом литературных персонажей на «подвижных» и «неподвижных» именно с точки зрения сюжетного развития). Наше внимание будет сосредоточено на литературном герое как основном деятеле в мире литературного произведения, который в нем может присутствовать, напр., в виде человека, животного или даже фантастического существа. Обычно под первым из упомянутых подразумевается человек, который переживает или рассказывает читателю определенную историю в рамках сюжета произведения. Говорим ли о «человеку», подсобытательно мы имеем в виду человека взрослово, которого писатель изображает в самых разных ситуациях, призванных вызвать у читателя эмоциональное наслаждение. Однако существует и категория человеческих

персонажей, которая не всегда получает должное внимание и часто остается на задворках филологических исследований, и, которая в раннем творчестве Шмелева приобрела особого значения.

Речь идет о главных героях в лице детей, которые становились в шмелевских произведениях носителями порой очень ярких переживаний, страданий и горестей, показывающих более образно диапазон проблем, к которым их взрослые литературные коллеги иногда относились не так «всерьез». В то же время его детские герои не ведают забот и тягот повседневной жизни и, таким образом, вносят в сюжет произведения мгновение надежды на светлое будущее. В сравнении со взрослым персонажем понимание мира глазами ребенка может интерпретироваться как в каком-то смысле простое, и, казалось бы, поэтому образ ребенка мог бы представлять что-то писателем не совершенное. По сравнению со взрослым персонажем, понимание мира глазами ребенка может быть истолковано как в некотором смысле простое, и поэтому кажется, что образ ребенка может представлять собой нечто, что писатель не довел до совершенства и не может быть важным проводником идей или мудрости для читателя. Но в художественном исполнении писателя есть у другого. Е. Ю. Шестакова, изучая духовную красоту детских образов в рассказах Шмелева 1906 – 1915 гг., высказывает тезис о том, что «по мысли писателя, простота ребенка – настоящий дар Божий, благодатная духовная красота – изначально свойственна природе ребенка и практически полностью утрачена взрослым человеком, не осознающим ее ценности» (Шестакова, 2018, с. 78). С мнением ученой можно согласиться, учитывая, что раннее литературное творчество Шмелева относится к началу XX века, т.е. к периоду надвигающихся общественных перемен во всех сферах жизни человека, когда, как совершенно верно отмечает другой ученый, Й. Догнал, «и в художественном отражении появляется волна переоценивания всех ценностей», вызванная сложным развитием, идущим от натуральной школы с ее направленностью на «закоупки» общества того времени, когда писатели обращались к сферам, к которым раньше никто не хотел обращаться» (Догнал, 2014, с. 142). Одной из таких «сфер», которая, на наш взгляд, отмечалась пристальным интересом Шмелева, явилась духовная жизнь человека и бытийные основы его существования в земном мире. Правда, типичной стала на более позднего творчества писателя, в частности в романах с автобиографическими мотивами *Богомолье* (1931 – 1948) или *Лето Господне* (1933 – 1948). Однако генезис такой «сферы» можно наблюдать уже в рассказах, созданных около 1910 года, когда именно постижение внутреннего мира персонажа в лице ребенка

и отображение его духовной красоты становится для Шмелева фактически основным предметом его художественного изображения.

Ребенок (или часто также несколько детей сразу) – центральный образ не одного произведения писателя начала XX века, при этом, можно выделить две группы таких образов. Во-первых, это группа таких рассказов, как, например, *Вахмистр* (1906), *По спешному делу* (1907), *Пугливая тишина* (1912) или более поздний рассказ *Лихорадка* (1915), написанный ужш в период Первой мировой войны. Общей чертой этих произведений – все они, и детские и взрослые. Образ ребенка моделируется в них как носитель гармоничной и чистой детской веры в Бога. Ребенок в этих произведениях – свет в темное время с духовной точки зрения, персонаж, непосредственно передающий читателю мысли самого Шмелева о возможном возрождении добра, а также о его торжестве в этот период наряду с нестабильными для Родины временами. Детский герой зачастую стоит в прямом контрасте с образом испорченного характера взрослого персонажа, как этому в рассказе *Вахмистр*. Этот рассказ был первым произведением, в котором Шмелев непосредственно изобразил события Первой русской революции. В произведении также затрагивается тургеневская тема конфликта отцов и детей, столкновение двух миров ценностей, но в шмелевской вариации ее главный герой, взрослый солдат (жандарм) Тучкин, ранее послушно выполнявший указания властей, впервые отказывается от наведения порядка, увидев молодого сына на баррикадах во время антиправительственных столкновений переходит на его сторону и задумывается о социальных проблемах. Правда, главный герой в рассказе взрослый человек традиционных взглядов, но «двигателем» его поступков и разсуждений являются вездесущие группы детишек. Образ детей, как будто из другого мира, не тронутых революционными потрясениями, которое в его видении «малявки чистые... разыгрались по солнышку... Ничего-то им не нужно» (Шмелев, 1910, с. 242), символизируют духовную гармонию, к которой и он стремится.

Подобно и в рассказе *По спешному делу* дети не выходят на первый план, но в сюжете играют важнейшую роль как фон обозначающий сокрушительное для души человека перемены. И этот рассказ был написан под воздействием первой русской революции и посвящен в первую очередь темам. Сюжет произведения разворачивается в семье Дорошенковых – главные детские герои: маленький Вовочка и его сестра Леля. Можно сказать, что поведение и образ, созданный Шмелевой для этих детских персонажей, типичны для почти любимых детей. В соответствии с замыслом писателя в рассказе исключена «высокая философия» детских героев или такие их поступки,

которые можно было бы сравнить с поступками «праведника» (как в некоторых более поздних произведениях Шмелева) и так далее. Революционный хаос на улице в семье заменяется неразберихой, которую дети устраивают за столом, отказываясь есть, например, жареный лук в супе, или устраивая ссоры между собой в порой комичных ситуациях. Дети в сюжете произведения позволяют читателю «отдохнуть» от многочисленных грустных и тяжелых ситуаций того времени. Простота, с которой они воспринимают окружающий их мир, вдали от проблем взрослого мира, помогает им, в отличие от взрослых, сохранять душевную чистоту и внутреннюю гармонию. Позволяем себе говорить и о том, что именно дети олицетворяют собой некую стабильность. Когда меняется все, дети остаются такими же улыбчивыми, добрыми и радостными. Это были совсем другие эмоции, чем страх, отчаяние или тревога, которые отец Дорошенко испытывал при виде приговоренных к расстрелу и которые могли быть успокоены только при виде спящих детей, словно свет в темноте революционных тенденций общества.

Подобную атмосферу сохраняет Шмелев в рассказе *Пугливая тишина* написанном на 5 лет позже (в 1912 г.), однако здесь еще добавляет мир природы, который в диаде с ребенком еще больше усиливает чистоту детского образа. Разного рода ассоциации с природой, например, глаза, которое отражают «синеву неба» (Шмелев, 1913, с. 223) и при этом они «чистые, как лесные ручьи» (Там же), создают образ ребенка и его духовного единения с окружающим миром. Запечатлены также моменты искренней детской радости, напр. когда маленькая Лили радуется получению в подарок обещанной матрешке: «Лили послушала и показала пальчиком: – Динь... – Дядя Павлик! Дядя Павлик! – запрыгала Мара. – Матр-решку везет! – Что? Что?! – А матр-решку... Такая больш-а-я... Как куха-р-рка... Такая кукла, матррешка...» (Там же, с. 220). С помощью таких сюжетных узлов Шмелев показывает мир глазами детей, который уже давно потерянным для взрослых, сосредоточивших свою жизнь на борьбе идеологий. Стоит также упомянуть, что в данном рассказе можем довольно ярко рассмотреть те тенденции, благодаря которым Шмелева будут позже называть «православным» писателем, так как дети здесь моделируются как персонажи, которые ощущают особенно и близкую связь с Богом. Помимо аллюзий на Бога или небо, большую роль в рассказе играет розовый цвет и хотя он традиционно трактуется как символ сентиментальности, романтики или женственности, Шмелев использует его для выражения чистоты, счастья, нежности и духовной красоты создаваемого им образа ребенка в рассказе. Такие цветковые эпитеты и в целом цветообозначения

в художественном произведении (в данном рассказе, напр. розовые пальчики девочек), как справедливо отмечает Н. М. Сологуб, – это «часть эстетического художественного целого, они имеют большую смысловую значимость, вызывают широкий круг ассоциаций» (Сологуб, 1990, с. 70).

Совершенно другой образ ребенка предлагается читателю в таких шмелевских произведениях того же периода его творчества, как в рассказах *Служители правды* (1906), *Распад* (1906) и *В новую жизнь* (1907), которое, безусловно, можно отнести к второй группе. В сюжете приведенных рассказов находим описание жизни полной страданий, несправедливостей и недопонимания. Шмелев в них выражает сочувствие к его «маленьким» героям, стремящимся выбраться из серости и монотонности окружающего мира, чтобы построить новое будущее. На первый план выходит образ страдающего ребенка, основанный на реальных процессах, происходивших в российском обществе в первой четверти XX века, в основном на разрушении привычных обычаев жизни, нравственных ценностей (традиционные против революционных) и семейных связей (борьба «патриархальных» отцов и «либеральных» детей). В первом упомянутом рассказе *Служители правды* мотивы духовной пустоты и образы тяжелой жизни определяют судьбу двенадцатилетнего Оси, начинающего художника, который живет в постоянном страхе перед отцом, воспринимающего любое художественное деяние лишь как пустую трату времени, в то время когда в условиях социальной неразберихи нужно долго и тяжело трудиться, чтобы заработать на кусок хлеба. Заметно влияние Тургенева, разработавшего концепцию конфликта поколений в романе *Отцы и дети* (1862), однако Шмелев усугубляет этот спор, ставя ребенка, пусть и не совсем маленького, на позицию молодого поколения. Только когда Ося начинает зарабатывать своим талантом отец признает свою ошибку и даже ощущает «жалость, сознание вины, любовь, давно позабытая, заглушенная тяжелой жизнью» (Шмелев, 1906, с. 50). Аналогичный распад семейных отношений можем наблюдать в рассказе *Распад*, хотя сюжетная линия представляет в оппозиции рассказа *Служители правду* благополучную обеспеченную семью. Таким образом, Шмелев демонстрирует что в начале XX века ни высокий общественный статус не защищен от везде появляющегося непонимания поколений и взглядов на будущее страны. Как заметила В. Т. Захарова, Шмелев включил в рассказ аспект психологизма, который связан с «выявлением потаенного, скрытого в душе человека через тонко ассоциированные детали внешней обстановки, их подтекстовую символику, лейтмотивные пересечения, через проблему художественного пространства» (Захарова, 2015, с. 7). Заметно,

с нашей точки зрения, также стремление Шмелева сохранить тот «чистый» образ ребенка, который мы можем наблюдать в рассказах *По спешному делу* или *Пугливая тишина*, но и здесь, подобно как в рассказе *Служители правды* герой-ребенок Леня вступает в конфликт с миром взрослых. В данном случае конфликт заключается в разном понимании морали и равенства – отец утверждает, что это дело исключенных, в то время как Леня настойчиво заявляет, что «Теперь все должны получать образование... и приносить пользу народу» (Шмелев, 2000, с. 26). Текст рассказа раскрывает перед читателем и мировоззрение самого Шмелева, идейно связанного с писателями-демократами, группировавшимися вокруг прогрессивного издательства «Знание», в котором, как известно, с 1900 года ведущую роль стал играть М. Горький. Грубость городской среды и с ней связано отчаяние и страдание ощущает и Сенька, простой деревенский мальчик и главный герой рассказа *В новую жизнь*, который по замыслу Шмелева был вынужден переехать из родной деревни в город и бороться за свое существование в меняющейся жизни общества. Здесь наш детский герой сталкивается со всеми потрясениями, ранее известными только взрослым, например, со смертью, с которой он приобретает опыт когда умирает его еще более младшая сестра Тана или в случае знакомого ему студента – все это вызывает определенную степень ужаса и отчаяния маленького Сени. Если рассматривать данную повесть в контексте всего литературного творчества Шмелева, то нетрудно обнаружить мотивы, которые более ярко проявляются в поздних произведениях писателя. Например, и здесь в момент, когда Сеня осознает смерть, рядом с ним находится наставник, как и в случае с семилетним мальчиком Ваней, главным героем в романе *Лето Господне* (1948); и Сеня в рассказе, и Ваня в романе обращают свое внимание на храм, который символизирует оазис покоя в беспокойном мире.

Детская простота, естественность в проявлении мыслей и чувств, искренность осмысляются как одно из самых драгоценных свойств души – именно так было бы возможно представить всеобщий образ детских героев ранних произведений литературного творчества Шмелева. Начиная свой литературный путь как детский писатель, превратил детей в героев своих рассказов. Своим «маленьким» людям, которые невольно попали в беду искренне сочувствует и сквозь их истории в сюжете произведений отображает конфликт поколений и распад старого патриархального уклада российского общества в первой четверти XX века. Нами упомянутые рассказы – все они, «и детские и взрослые, как нельзя лучше соответствовали званию „духовного сына 1905 года“, которым наградил Шмелева известный критик В. И. Львов-

Рогачевский» (Осьмннна, 1998, с. 4), указывают на оригинальность авторской манеры писателя, его неповторимый художественный стиль и особый язык литературных произведений.

Список литературы

- ДОГНАЛ, Й. Русская «малая проза» рубежа XIX-XX веков в контексте изучения европейских моделей мира. Пер. с чешск. О.Л. Бергер. Н. Новгород: Изд-во ННГУ им. Н. И. Лобачевского, 2014. 184 с. ISBN 978-5-91326-326-1.
- ДУНАЕВ, М. М. Творчество И.С. Шмелёва периода первой русской революции // Русская литература. 1976. № 1. С. 173-181.
- ЗАХАРОВА В. Т. Поэтика прозы И. С. Шмелева. Нижний Новгород: Мининский университет, 2015. 106 с. ISBN 978-5-85219-430-5.
- ЛАДЫГИН, М. Б. Литература : новый полный справочник для подготовки к ЕГЭ. Москва: Издательство АСТ, 2018. 250 с. ISBN 978-5-17-109350-1.
- ШЕСТАКОВА, Е. Ю. Духовная красота детских образов в рассказах И. С. Шмелева 1906-1915 гг // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. №7. С 77-81.
- ШМЕЛЕВ И. С. Служители правды: повесть. Москва: Типография К. Л. Меньшова, 1906. 196 с.
- ШМЕЛЕВ И. С. Рассказы. Москва: Книгоиздательство писателей в Москве, 1913. Т. 4. 249 с.
- ШМЕЛЕВ И. С. Собрание сочинений: в 6-ти т. СПб.: Издание товарищества «Знание», 1910. Т. 1. 266 с.
- ШМЕЛЕВ И. С. Собрание сочинений: в 8-ми т. М.: Русская книга, 2000. Т. 8. Рваный барин. 130 с.
- ШМЕЛЕВ, И. С. Воспоминания. Москва: Синопись, Никополин день, 2021. 320 с. ISBN 978-5-907200-06-7.
- ОСЬМНННА, Е. А. *Художник обездоленных*. In: Шмелев И. С. Собрание сочинений: В 5 т. Т. 1. Солнце мертвых: Повести. Рассказы. Эпопея. Москва: Русская книга, 1998. 640 с.
- СОЛОГУБ Н. М. Цветовая цивилизация через призму национальной культуры. Речь и культура нации. Львов, 1990.

Igor Cintula

Mgr., PhD.

Katedra slovanských jazykov

Filozofická fakulta, Univerzita Mateja Bela v Banskej Bystrici

Tajovského 40, 97401 Banská Bystrica, Slovensko

Department of Slavic Languages

Faculty of Arts, Matej Bel University in Banska Bystrica

Tajovskeho 40, 97401 Banska Bystrica, Slovakia

E-mail: igor.rudolfovic.c@gmail.com

ORCID ID: 0000-0001-6740-9669

Slavica Beliana

Zborník konferenčných príspevkov

Belianum. Vydavateľstvo Univerzity Mateja Bela v Banskej Bystrici

Vydanie prvé, 2024, 209 strán

ISBN 978-80-557-2165-1

EAN 9788055721651

<https://doi.org/10.24040/2024.9788055721651>